

Годы студенчества.

(1870—1874).

ГЛАВА I.

Мое назначеніе и прїѣздъ въ академію. Пріемные экзамены. Знакомство со старшими студентами и „генеральная“.

По окончаніи курса въ московской семинаріи въ 1870 году, я, вмѣстѣ съ тремя своими товарищами¹⁾, былъ назначенъ къ поступленію въ московскую духовную академію, куда во второй половинѣ августа всѣ мы должны были явиться, чтобы держать повѣрочный пріемный экзаменъ по догматическому богословію, церковной исторіи, логикѣ и одному изъ древнихъ языковъ. Мысль объ этомъ предстоящемъ испытаніи, конечно, въ значительной степени отравила мнѣ всю наступившую вакацію, не малую часть которой пришлось употребить на освѣженіе и нѣкоторое, по возможности, расширеніе своихъ семинарскихъ познаній по указаннымъ предметамъ. Предъ самымъ отъѣздомъ въ академію намъ было предписано явиться на предварительное медицинское освидѣтельствованіе къ семинарскому врачу, которымъ былъ тогда почтенный В. И. Рахмановъ, много лѣтъ состоявшій врачомъ митрополита Филарета. Вотъ съ этимъ освидѣтствованіемъ случился у меня нѣкоторый курьезъ, причинившій мнѣ большую тревогу. Выйдя изъ дома почему-то съ опозданіемъ, я долженъ былъ очень торопиться, чтобы поспѣть къ часу, назначенному докторомъ для нашего осмотра, а путь отъ Покровки, гдѣ былъ домъ моего отца, до Каретнаго ряда, гдѣ находилась семинарія, требовалъ до сорока

¹⁾ П. М. Аюостольскій, К. Д. Иропольскій и А. Я. Зеведесвъ.

минуть хорошаго хода. Промѣривъ форсированнымъ маршемъ это весьма приличное разстояніе, я, запыхавшись, вошелъ въ квартиру доктора и почти тотчасъ-же попалъ на осмотръ. Послѣ довольно продолжительнаго и, повидимому, внимательнаго изслѣдованія, сопровождавшагося подробными разспросами, докторъ заявилъ мнѣ, что онъ не признаетъ возможнымъ для меня поступленіе въ академію, такъ какъ мое сердце не въ порядкѣ и слышны въ немъ сильныя перебои. Выслушавъ этотъ неожиданный приговоръ, я, конечно, тотчасъ-же понялъ, что произошло недоразумѣніе, такъ какъ никакихъ признаковъ сердечнаго недуга у меня дотолѣ не было и ни отъ одного изъ пользовавшихъ меня врачей я не слыхалъ ничего подобнаго. Я постарался разъяснить это доктору, который послѣ моей усиленной просьбы согласился наконецъ, чтобы я еще разъ пришелъ къ нему часа черезъ два для вторичнаго осмотра. Отстоявъ всюнощную въ семинарской церкви, я снова явился къ доктору и на этотъ разъ все у меня оказалось въ порядкѣ. Съ той поры прошло теперь уже сорокъ пять лѣтъ, и на свое сердце я, слава Богу, никогда не имѣлъ случая пожаловаться за всѣ эти годы.

Къ вечеру 16-го августа вся наша компанія благополучно прибыла въ посадъ, переночевала въ лаврской гостинницѣ и на другой день, послѣ обѣдни и молебна въ Троицкомъ соборѣ, представилась о. ректору академіи, прот. А. В. Горскому, и исправлявшему въ то время должность инспектора профессору прот. Ф. А. Сергіевскому, по указанію котораго немедленно водворилась въ академіи, въ такъ называемомъ инспекторскомъ корпусѣ, гдѣ на время пріемныхъ экзаменовъ нѣсколько студенческихъ спальныхъ отведено было для помѣщенія всѣхъ, прибывшихъ на конкурсъ.

Первый день по пріѣздѣ въ академію не представлялъ для меня чего-либо такого, что навсегда врѣзалось-бы въ памяти особеннымъ интересомъ и силою полученныхъ впечатлѣній. такъ какъ посадъ и лавра, академія и ея знаменитый ректоръ — „папаша“ не были для меня полною новостію, какъ для многихъ другихъ, пріѣзжавшихъ въ академію изъ другихъ губерній. Какъ коренной москвичъ, я уже много разъ бывалъ въ Троицкой лаврѣ, ея скитахъ и Виноиці, поклонялся ея святынямъ, знакомъ былъ съ ея достопримѣчательностями и строемъ ея внутренней жизни, а съ московскою

академіей соединяли меня даже близкія родственныя связи. Мой отецъ, — магистръ тринадцатаго курса московской академіи, двѣнадцать лѣтъ трудился въ ней въ качествѣ бакалавра по кафедрѣ археологіи и еврейскаго языка и, какъ человекъ семейный, жилъ на томъ академическомъ „казенномъ дворѣ“, гдѣ одновременно съ нимъ обитали и знаменитые столпы академіи: Ѳ. А. Голубинскій и П. С. Делицынъ. Этотъ „казенный дворъ“, — владѣніе академіи, — былъ моею родиной и здѣсь, — на академической землѣ, провелъ я первые годы жизни своей; но это было уже къ концу академической службы отца моего, который вскорѣ поступилъ на мѣсто священника въ Москвѣ и такимъ образомъ я покинулъ посадъ, будучи лишь трехлѣтнимъ младенцемъ. Само собою разумѣется, что объ этомъ періодѣ академической жизни никакихъ личныхъ воспоминаній у меня быть не могло, но въ послѣдующіе годы отъ отца и матери я слышалъ такъ много разсказовъ о патриархальныхъ порядкахъ, правахъ и отношеніяхъ профессорскаго кружка на „казенномъ дворѣ“ и вообще объ академіи, ея жизни и важнѣйшихъ дѣятеляхъ, что съ ранняго дѣтства московская академія представлялась мнѣ чѣмъ-то близкимъ и роднымъ. Да и прямыя родственныя связи мои съ академіей не прекратились послѣ переезда семьи нашей въ Москву. Десятки лѣтъ имя московской академіи неразрывно связано было съ именемъ Александра Васильевича Горскаго, а онъ былъ двоюроднымъ братомъ моего отца и ко всей нашей семьѣ стоялъ всегда въ самыхъ сердечныхъ родственныхъ отношеніяхъ. Позднѣе и родной братъ отца моего Николаѣй Кирилловичъ Соколовъ, впоследствии извѣстный профессоръ—канонистъ московскаго университета, учился и девять лѣтъ служилъ бакалавромъ московской академіи. Каждый годъ по нѣскольку разъ семья наша встрѣчала у себя и посѣщала въ академіи этихъ своихъ уважаемыхъ и искренно любимыхъ родственниковъ. Изъ лѣтъ своего дѣтства я прекрасно помню, съ какимъ удовольствіемъ гостилъ я по недѣлямъ у Николая Кирилловича въ его холостой квартирѣ бакалаврскаго корпуса, шумно бѣгалъ по академическимъ корридорамъ, выложеннымъ въ то время чугунными плитами, рѣзвился въ саду и забѣгалъ въ номера къ студентамъ, охотно отзываясь на ихъ ласковый призывъ. Какъ живая

встаетъ въ моей памяти величественная фигура Александра Васильевича съ большою, коротко-остриженной, головой и круглымъ, гладко-выбритымъ лицомъ, сіяющимъ милою улыбкой и невольно привлекавшимъ къ себѣ ласковымъ взглядомъ большихъ сѣрыхъ глазъ, привѣтливо смотрѣвшихъ изъ подъ густыхъ нависшихъ бровей. Въ длинномъ сюртукѣ, въ большомъ черномъ галстухѣ—платкѣ, обмотанномъ плотно вокругъ шеи, и нерѣдко съ сигарою въ рукѣ, Александръ Васильевичъ всегда съ рѣдкимъ радушіемъ и любовію принималъ нашу семью, а насъ—дѣтей не только кормилъ фруктами и разными сластями, но и старался занимать, раскрывая для просмотра какія-то громадныя книги академической бібліотеки съ великолѣпными раскрашенными рисунками. Уже будучи въ семинаріи, много разъ видѣлъ я Александра Васильевича протоіереемъ и ректоромъ академіи и помню, между прочимъ, какъ въ одну изъ нашихъ поѣздокъ къ Троицѣ вмѣстѣ съ матерью и братомъ, незадолго до моего поступленія въ академію, Александръ Васильевичъ съ радостнымъ умиленіемъ говорилъ намъ о совершившемся наконецъ устройствѣ въ академіи своей домашней церкви, распорядился отпереть ея двери и показывалъ намъ сіяющую новой позолотою дорожую обновку. Благодаря такому своему давнему знакомству съ лаврою и академіею, я, по пріѣздѣ на пріемный экзаменъ, не испыталъ, конечно, тѣхъ новыхъ и нерѣдко сильныхъ впечатлѣній, которыя выпали на долю впервые пріѣхавшимъ сюда моимъ иногороднымъ товарищамъ. Единственное, что теперь представляло для меня крупную новость,—это жизнь въ общежитіи, которой никогда дотолѣ мнѣ испытать не приходилось.

На пріемный экзаменъ собралось насъ до пятидесяти человекъ, при чемъ третью часть этого числа составляли москвичи изъ московской и вѣанской семинарій. Вся эта бодрая молодежь, собравшаяся съ разныхъ концовъ — отъ Вологды до Тамбова и отъ Иркутска до Твери и тѣсно столпившаяся въ непріятельской обстановкѣ студенческихъ спальныхъ, очень быстро перезнакомилась между собою и совмѣстная жизнь наша потекла дружно, шумно и весело. Конечно, у каждаго изъ насъ подъ-часъ нѣсколько щемило на сердцѣ при мысли о томъ, что конкурсный экзаменъ можетъ окончиться для него печальнымъ результатомъ: но

молодость брала свое, а страхи и грустныя мысли отгонялись оживленною бесѣдой, нерѣдко переходившей въ горячій споръ, хорошей, хватавшей за душу пѣсней, или прогулкой съ товарищами по академическому и монастырскому саду при чудной, совсѣмъ лѣтней погодѣ, которая долго держалась тогда на наше ссчатъе. Съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминаю я эти прелестныя пѣсни. Сидишь или лежишь, бывало, на своей койкѣ съ тетрадкой или книгой для предстоящаго экзамена, и вдругъ въ сосѣдней комнатѣ грянетъ дружный хоръ:

Изъ страны, страны далекой,
 Съ Волги-матушки широкой,
 Ради сладкаго труда,
 Ради радости веселой,
 Собралися мы сюда.

Или несутся красивые дуэты и тріо:

Дай, добрый товарищъ, мнѣ руку твою
 И выйдемъ на берегъ морской,

или: Что такъ на небѣ свѣтло, а на сердцѣ—вдвое:

Солнце красное взошло, съ запада—другое.
 Вышла радость на крыльцо въ аломъ сарафанѣ,
 И горитъ ея лицо, какъ заря румяна.

Живя дотолѣ въ семьѣ, я почти совсѣмъ не слыхалъ нашихъ семинарскихъ пѣсень, а потому теперь заслушивался ими съ величайшимъ наслажденіемъ, книга валимась у меня изъ рукъ, и мысли мои далеко отъ нея уносились къ Волгѣ-матушкѣ широкой, или на берегъ морской. Лучшими пѣвцами въ нашемъ кружкѣ были: Д. И. Ивашовскій ¹⁾ и И. Н. Корсунскій ²⁾—тенора и еще одинъ тулякъ, кажется по фамилии Казанскій, обладавшій прекраснымъ басомъ, но, къ сожалѣнію, экзамена не выдержавшій и потому его пѣніемъ мы наслаждались только двѣ недѣли.

Экзаменаціонная страда наша началась тремя днями письменныхъ работъ, темы для которыхъ были даны ректоромъ

¹⁾ Скончался преподавателемъ Московской семинаріи.

²⁾ Скончался орд. профессоромъ Московской академіи.

прот. А. В. Горскимъ, проф. прот. Ф. А. Сергіевскимъ и проф. В. Д. Кудрявцевымъ-Платоновымъ. Первая изъ этихъ темъ требовала отъ насъ изъясненія словъ Апостола, что нынѣ „мы вѣрою ходимъ, а не видѣниемъ“ (2 Кор. V, 7); вторая—касалась, сколько помнится, вопроса о значеніи религиозныхъ обрядовъ, а третья формулировалась такъ: „прогрессъ научныхъ познаній находится-ли въ зависимости отъ нравственнаго состоянія чловѣка?“ Затѣмъ послѣдовало четыре устныхъ экзамена, при чемъ экзаменующіеся раздѣлены были по алфавитному порядку на три группы, и между экзаменами у каждой группы получались свободные промежутки дня по три, назначавшіеся для подготовки. По каждому изъ объявленныхъ для экзамена предметовъ испытаніе производила комиссія трехъ лицъ подъ предсѣдательствомъ о. ректора—по догматическому богословію, его помощника по церковно-историческому отдѣленію, проф. П. С. Казанскаго—по церковной исторіи, помощ. по богословскому отдѣленію, проф. В. Д. Кудрявцева-Платонова—по логикѣ и помощ. по церковно-практическому отдѣленію, проф. Е. В. Амфитеатрова—по греческому языку. Ходъ самыхъ экзаменовъ не представлялъ собою ничего особеннаго сравнительно съ тѣмъ, къ чему мы привыкли въ семинаріи. Помню только, какъ среди москвичей возбудило нѣкоторое безпокойство то обстоятельство, что программа догматическаго богословія, употреблявшаяся при экзаменѣ о. ректоромъ, составлена была примѣнительно къ учебнику арх. Антонія, а въ нашей семинаріи этотъ предметъ проходилъ по учебнику арх. Макарія. Благодаря этому несоотвѣтствію случилось, что одному изъ москвичей достался вопросъ объ иконопочитаніи, который въ учебникѣ Макарія отсутствуетъ, и потому экзаменующійся приведенъ былъ въ большое смущеніе, не имѣвшее впрочемъ для него никакихъ печальныхъ послѣдствій, когда разъяснилась его истинная причина. За то на экзаменѣ по логикѣ произошло нѣчто обратное. Въ нашей семинаріи преподавателемъ этого предмета былъ получившій въ послѣдствіи большую извѣстность какъ выдающійся философъ. М. И. Каринскій, составившій для насъ свои краткія записки, по которымъ мы и проходили курсъ логики въ семинаріи. Теперь, при академическомъ экзаменѣ, оказалось, что воспитанники другихъ семинарій, изучавшіе логику по печат-

нымъ, иногда внушительныхъ размѣровъ, учебникамъ, не были въ состояніи дать отвѣтъ на нѣкоторые, предлагавшіеся экзаменаторами, вопросы, а въ нашей маленькой рукописной тетрадкѣ на всѣ эти вопросы можно было найти точный и ясный отвѣтъ.—Окончились экзамены и съ тревогой стали мы ожидать извѣстія объ ихъ результатѣ. Конечно, не для всѣхъ онъ оказался благопріятнымъ, такъ какъ достойными приѣма въ академію совѣтъ призналъ только 41-го человѣка, остальнымъ же пришлось собирать свои пожитки и съ грустью отправляться на столь-же, быть можетъ, безуспѣшные поиски себѣ другого жизненнаго пути. Для тѣхъ конкурентовъ, которые были присланы отъ семинарій съ нѣкоторымъ такимъ образомъ за нихъ ручательствомъ, долгомъ чести считалось не только поступить въ академію, но и поступить возможно лучше и тѣмъ поддерживать репутацію своей родной семинаріи. Для москвичей и виѣнцевъ на этотъ разъ было полное торжество: во главѣ списка принятыхъ въ академію стояли—Соколовъ Василиій изъ московской семинаріи и Соколовъ Александръ ¹⁾—изъ виѣнской.

Учебныя занятія обыкновенно начинались тогда съ 9-го сентября послѣ молебна предъ началомъ ученія, который совершался за литургіей въ праздникъ Рождества Пресв. Богородицы. Промежуточные дни между окончаніемъ приемныхъ экзаменовъ и началомъ занятій давались новымъ студентамъ на полный отдыхъ и свободу, при чемъ многіе изъ нихъ спѣшили воспользоваться этимъ временемъ для поѣздки въ Москву. Только къ 9-му числу сентября собирались въ академію и прежніе студенты, съ которыми, какъ съ старшими своими товарищами, новичкамъ предстояло теперь завести знакомство. Для установленія такого знакомства, по давнему обычаю, служила торжественная пирушка или выпивка, называвшаяся генеральною, въ отношеніе отъ малыхъ, устроявшихся небольшими компаніями по какимъ-либо частнымъ случаямъ. Руководителемъ неопытныхъ по этой части новичковъ обыкновенно являлся кто-либо изъ старшихъ студентовъ, любезно предлагавшій имъ свои совѣты и наставленія. Нашему курсу выпала на долю особенная удача: руко-

¹⁾ А. В. Соколовъ, кажется, на второй годъ пребывавія въ академіи

водителемъ явился у насъ даже не студентъ, а уже окончившій курсъ академіи нѣкто Филаретъ Дмитріевъ, родственникъ извѣстнаго Филарета, Архіепископа Черниговскаго, очень способный и милый человекъ, но по несчастной слабохарактерности зацутавшійся съ своимъ курсовымъ сочиненіемъ, для скорого будто бы окончанія котораго на тему о янсенизмѣ онъ и пользовался такъ долго гостепримствомъ академіи. Никакого сочиненія онъ, конечно, не написалъ, а игралъ съ нами въ шахматы, рассказывалъ анекдоты да принималъ горячее участіе въ устройствѣ генеральной. На деньги, собранныя со всѣхъ новичковъ, избранные распорядители закупили не очень, конечно, изысканное, но обильное угощеніе; при содѣйствіи академической прислуги разставили, разложили и вообще приготовили все нужное для пирушки въ чайной комнатѣ инспекторскаго корпуса и, въ качествѣ депутатовъ нашего курса, какъ хозяева встрѣчали приглашенныхъ ими заранѣе старшихъ студентовъ. На большихъ столахъ чайной компаты собиравшимся гостямъ были предложены: чай съ сухарями и печеньемъ, внушительная батарея бутылокъ съ водками, коньякомъ, наливками, виномъ и пивомъ, рядъ тарелокъ съ закусками—колбасами, сыромъ, кильками, сардинами, селедками и т. п.; арбузы, яблоки, пряники, конфекты и пр. Началось пированье. Пили и ѣли, оживленно болтали и спорили, чокались рюмками и стаканами, пѣли пѣсни, чѣмъ дальше тѣмъ менѣе стройно, а когда чувства разогрѣлись,—стали вскакивать на столы съ пламенными, хотя не всегда связными, рѣчами, обнимались и цѣловались съ новыми друзьями. Конечно, не обошлось безъ того, что нѣкоторыхъ, особенно расчувствовавшихся юношей пришлось благовременно убрать и водворить на ихъ койки, но никакихъ буйствъ и безобразій, къ счастью, не было и все закончилось вполне благополучно.

ГЛАВА II.

Помѣщеніе и обстановка студенческаго общежитія. Столовая и чайная.

Въ первые два года нашей академической жизни мы помѣшались въ инспекторскомъ корпусѣ, нижній этажъ котораго запятъ былъ такъ называемыми померами, т. е. жилыми комнатами студентовъ, гардеробной и чайной, а верхній—

профессорскими квартирами о. арх. Михаила и П. С. Казанскаго и нашими дортуарами. Съ переходомъ на 3-й и 4-й курсы мы должны были переселиться въ главный академическій корпусъ и затѣмъ въ бакалаврскій. По своей обстановкѣ и удобствамъ жизни студенческіе номера, въ какомъ-бы здави не находились, были болѣе или мѣнѣе одинаковы. Прочная и довольно массивная ясеневая мебель номеровъ состояла изъ продолговатыхъ четверугольныхъ столовъ съ выдвигаемыми въ нихъ ящиками, стоявшихъ посреди комнаты, табуретовъ и стульевъ, дивана, гардеробовъ, стеклянныхъ шкафовъ для книгъ, также съ выдвинутыми ящиками, и конторокъ для желающихъ заниматься стоя. Освѣщеніе было свѣчами, при чемъ на двоихъ полагалась одна свѣча. Въ первое время свѣчи были сальныя, но затѣмъ ихъ замѣнили экономическими. Лишь очень немногіе изъ насъ выхлопотали себѣ разрѣшеніе завести свою небольшую керосиновую лампу, которая затѣмъ уже оправлялась и наливалась казеннымъ служителемъ. Заниматься въ номерахъ вообще было очень удобно, тѣмъ болѣе, что ихъ обитатели строго соблюдали, особенно въ часы занятій, тишину и порядокъ, не позволяя себѣ и другъ другу нарушать ихъ громкими разговорами или какимъ-либо шумомъ. Случаи безпорядковъ въ этомъ отношеніи были очень рѣдки и тотчасъ-же вызывали протестъ и принятіе должныхъ мѣръ противъ ихъ виновниковъ.—Форменной одежды въ наше время у студентовъ не было. Изготовление въ установленномъ количествѣ для студентовъ казенной одежды отдавалось съ подряда пріѣзжавшему изъ Москвы портному, съ которымъ можно было свободно вступать во всякія соглашенія и за нѣкоторую плату выбирать себѣ какіе угодно фасоны и матеріи, такъ что къ лѣтнему сезону, вмѣсто казенной черной сюртучной пары, студенты облекались въ визитки и пиджаки изъ свѣтлыхъ легкихъ матеріи, считая для себя обязательнымъ употребленіе чернаго сюртука лишь на экзаменахъ и вообще въ какихъ-либо официальныхъ случаяхъ. Въ качествѣ верхняго платья, въ послѣдній разъ шилась для нашего курса традиціонная студенческая шинель со стоячимъ воротникомъ и большимъ капюшономъ, изъ голубовато-сѣраго, довольно свѣтлаго сукна, похожаго на офицерское, на синей клѣтчатою фланелевою подкладкѣ только до пояса. Эта ши-

нель также не считалась обязательною и по желанію могла быть замѣнена пальто; но многимъ изъ насъ не захотѣлось разстаться съ этимъ оригинальнымъ академическимъ костюмомъ и мы выразили желаніе получить именно шинель. Намъ очень нравилось, водрузивъ себѣ на головы большія кастановыя шляпы съ широкими полями, задрапироваться въ свои шинели и разгуливать по лаврѣ и посадѣ въ видѣ какихъ-то оперныхъ бандитовъ.—Наша столовая помѣщалась подъ церковью, т. е. въ нижнемъ этажѣ главнаго корпуса, такъ что для обѣда и ужина намъ приходилось пройти почти половину академическаго сада. Вообще главное неудобство нашего обитанія въ инспекторскомъ корпусѣ состояло въ обиліи холодныхъ переходовъ, какіе намъ приходилось дѣлать по нѣскольку разъ въ день. Церковь, аудиторіи, библиотека, столовая—все это помѣщалось въ другихъ корпусахъ академіи, и въ холодное зимнее время необходимо было одѣваться во все теплое при каждомъ выходѣ изъ номера по какому-либо дѣлу. Мало того, даже внутри нашего корпуса нужно было миновать два холодныхъ перехода, чтобы пройти изъ номера въ чайную и спальную, или обратно, что, конечно, было очень непріятно и нерѣдко рискованно. Я лично поплатился за это въ первую же осень, схвативъ сильную жабу и пробывъ нѣсколько недѣль въ больницѣ. Столовая представляла собою большой квадратный залъ со сводами, довольно низкій и темноватый; но, какъ говоритъ пословица: не красна изба углами, а красна пирогами. Въ нашей не красной углами столовой кормили насъ очень хорошо. Никакихъ особенныхъ изысканностей въ блюдахъ, конечно, не было и быть не могло, но столъ вообще былъ сытный, изъ хорошихъ продуктовъ и даже достаточно разнообразный. Инспекторъ проф. С. К. Смирновъ, имѣвшій большую семью и потому хорошо знакомый съ хозяйствомъ, пытался иногда ввести въ студенческое расписаніе кушаній нѣкоторыя введенія съ претензіями на изящество, хотя его попытки и не всегда имѣли успѣхъ. Помню напр., что по его инициативѣ появился у насъ рассольникъ съ почками и, на мой взглядъ, это блюдо было приготовлено очень вкусно, но большинству студентовъ оно, къ сожалѣнію, не полюбилось и вскорѣ было отмѣнено. Расписаніе блюдъ на обѣды и ужины всей недѣли, составлявшееся вѣроятно экономомъ

и утверждавшееся инспекторомъ, обыкновенно висѣло въ рамкѣ за стекломъ на стѣнѣ столовой. По поводу этого расписанія не мало бывало смѣха среди студентовъ. Писалъ его обычно кто-то изъ нижнихъ чиновъ академической экономіи и въ его орфографіи встрѣчались подъ-часъ забавные курьезы. Тамъ мы читали напр.: „пирожки съ кишнецѣмъ“, „уха и зокуней“ и т. пд. Если студенты желали внести въ расписаніе какое-либо измѣненіе, или были недовольны чѣмъ-либо по столу, они могли заявить объ этомъ инспектору, который, если было возможно, принималъ надлежащія мѣры. Въ мелочахъ подобныя заявленія бывали, но какихъ-либо крупныхъ студенческихъ исторій на почвѣ недовольства столомъ за все время своего пребыванія въ академіи не припомню. Въ товарищеской средѣ нашей было, между прочимъ, замѣчено, что наибольшее количество претензій по части стола высказывалось не со стороны тѣхъ, которые были дѣтьми столичныхъ и губернскихъ городскихъ протоіереевъ и священниковъ и потому должны были, повидимому, быть болѣе избалованными; а, напротивъ,—со стороны сельскихъ выходцевъ изъ глухихъ провинцій. Должно быть, въ ихъ глуши, на своемъ сельскомъ хозяйствѣ, имъ по части желудка жилось привольнѣе. Что касается кулинарнаго искусства академическихъ поваровъ, то въ этомъ отношеніи верѣдко можно было пожелать нѣсколько лучшаго. Знаменитые „пирожки съ кишнецѣмъ“ приготовлялись напр. такъ, что ихъ можно было употреблять не иначе, какъ послѣ производства предварительнаго вскрытія, такъ какъ ягоды запекались цѣлыми вѣтками вмѣстѣ со стеблями. Въ особенно торжественныхъ случаяхъ, какъ напр. въ праздники Рождества Христова и Пасхи, на студенческомъ столѣ появлялась даже такая роскошь, какъ „ветчина съ горошкомъ“ и „жаркое гуся“. Вообще, нашъ академическій столъ можно было назвать очень хорошимъ. Въ послѣдующіе годы жизни своей, при встрѣчахъ и бесѣдахъ со многими питомцами академіи того времени, мнѣ всегда приходилось слышать, что они съ удовольствіемъ вспоминаютъ о томъ, какъ ихъ кормили въ академіи. Мало того,—и на себѣ самомъ и на многихъ изъ своихъ однокашниковъ я замѣчаю, что мы, занимая хорошее общественное положеніе и обладая вполне достаточными денежными средствами, во многомъ сохраняемъ тѣ вкусы,

которые выработались въ академіи, и особенно любимъ блюда, нравившіяся намъ нѣкогда въ студенческой столовой. Даже о висѣвшемъ въ нашей столовой расписаніи нѣкоторые изъ бывшихъ питомцевъ академіи сохраняли, повидимому, нѣжное воспоминаніе. Уже состоя на академической кафедрѣ, я нѣрѣдко бывалъ въ семейномъ кругу одного изъ своихъ сослуживцевъ и моего бывшаго наставника. На стѣнѣ его столовой неизмѣнно можно было видѣть въ рамкѣ подъ стекломъ расписаніе блюдъ на обѣды и ужины всей недѣли, представлявшее собою точное воспроизведеніе академическаго оригинала, только, конечно, съ иною орѳографіей. Наверху этого расписанія красовалась надпись: „Быть по сему“ и затѣмъ фамилія хозяина. Бывали впрочемъ времена, когда и въ нашей средѣ раздавались жалобы на нѣкоторую недостаточность питанія. Это обыкновенно случалось при продолжительныхъ постахъ, которые въ академіи, конечно, строго соблюдались. Большинство студентовъ старалось восполнить недоимку постныхъ обѣдовъ и ужиновъ, усиленно напирая на казенный хлѣбъ и покупая, по возможности, лишнюю булку къ чаю, а менѣе выносливые и болѣе требовательные устроялись съ гораздо большимъ комфортомъ. Составивъ небольшую компанію, они вступали въ сдѣлку съ поваромъ и въ условенное время получали отъ него мясное блюдо, которое потреблялось ими въ такъ называемыхъ „печурахъ“, т. е. въ комнатахъ, гдѣ обитала прислуга студенческихъ номеровъ. Безъ сомнѣнія, начальство наше прекрасно знало объ этомъ, но относилось снисходительно и какъ будто не замѣчало.

Относительно чая дѣло было поставлено такъ, что каждому студенту выдавалось ежемѣсячно деньгами по три рубля, которыхъ было вполне достаточно, чтобы имѣть каждый день чай, сахаръ, булку и, по желанію, молоко. Булочникъ и молочница обязательно являлись въ студенческія чайныя съ своимъ товаромъ. Натурою отъ академіи предоставлялась лишь горячая вода въ кубѣ въ установленные часы утромъ и вечеромъ. Ради пріятной бесѣды за стаканомъ чая, а также для удобства и экономіи, многіе изъ студентовъ соединялись въ небольшія компаніи, по два или по три человѣка, и сообща вели свое чайное хозяйство, при чемъ свою посуду послѣ cadaго употребленія убирали въ

особыхъ шкатулкахъ на полки помѣщавшагося въ чайной шкафа. Моимъ компаньономъ былъ давній товарищъ по училищу и семинаріи П. М. Апостольскій и мы, какъ дѣти достаточно обезпеченныхъ московскихъ священниковъ, пользовались всегда въ своемъ чайномъ хозяйствѣ немалымъ комфортомъ. У насъ постоянно водились и сладные сухари, и печенье, и конфеты, и баночки варенья, заботливо изготовленнаго любящею рукой баловавшихъ насъ маменекъ. Мало того,—я даже привезъ изъ дома старинный кофейникъ, весьма быстро поспѣвавшій отъ горячихъ углей, которыхъ мы легко добывали себѣ изъ подъ казеннаго куба. За этимъ кофейникомъ мы часто подолгу пировали, угощая и своихъ пріятелей. Постоянное общеніе въ чайной и совмѣстная жизнь въ одномъ студенческомъ номерѣ особенно способствовали моему сближенію съ Апостольскимъ, скоро обратившемуся въ самую тѣсную дружбу; а эта дружба очень удивляла другихъ нашихъ москвичей-товарищей, которые за послѣдніе годы семинаріи привыкли считать насъ за постоянныхъ соперниковъ и чуть-ли не враговъ. По этому поводу я позволю себѣ привести здѣсь выдержку изъ рѣчи, произнесенной мною при гробѣ П. М. Апостольскаго 1-го марта 1879 года. „Не могу удержаться“, говорилъ я тогда, „чтобы не сказать и тебѣ, почившій, своего послѣдняго слова. Двѣнадцать лѣтъ мы провели съ тобою вмѣстѣ, какъ сотоварищи по школѣ, и тѣсная задушевная дружба была плодомъ этого долгаго товарищества. И тѣмъ знаменательнѣе, тѣмъ прочнѣе была эта дружба, что она выработалась почти изъ непріязни. Было время, когда мы часто ссорились съ тобою; но это было тогда, когда мы еще сами хорошенько не понимали и не сознавали своихъ собственныхъ требованій, когда наши мысли еще бродили, убѣжденія не сложились, и мы, съ свойственнымъ юношеству увлеченіемъ, часто пустое считали первостепеннымъ. Въ этихъ столкновеніяхъ мы, конечно, горячились, можетъ быть, не разъ и оскорбляли другъ друга; но все это было плодомъ лишь нашего неразумія и служило только къ тому, чтобы мы все ближе и ближе узнавали другъ друга. Прости же меня, дорогой другъ мой, еще разъ, какъ при жизни твоей мы давно уже простили другъ другу. Мы давно уже взаимно поняли и оцѣнили другъ друга, и до послѣднихъ дней твоей жизни наша дружба развивалась и укрѣпи-

лялась все болѣе и болѣе. Увы! Ей не суждено было быть долговременною!.. Одинъ Всевѣдущій Богъ былъ свидѣтелемъ нашихъ задушевныхъ бесѣдъ, нашихъ пылкихъ, юношескихъ мечтаній, которыми мы дѣлились съ тобою. Пусть же Его безконечная благодать, предъ Престоломъ Которой мы предстанемъ съ тобою на страшномъ судилищѣ, воздастъ тебѣ за все, за все!.. Теперь же, дорогой другъ мой, прими отъ меня увѣреніе, что въ моей благодарной, любящей памяти всегда запечатлѣлся неизгладимыми чертами твой свѣтлый дружескій образъ, что моя недостойная молитва всегда будетъ возноситься за тебя къ престолу Всевышняго...“ *)

ГЛАВА III.

Начало учебныхъ занятій. Курсы профессорскихъ лекцій.

Съ 1870—1871 учебнаго года въ жизни московской академіи начинался новый періодъ, такъ какъ съ этого года вводился въ дѣйствіе новый академическій уставъ, вносившій существенныя измѣненія не только въ порядокъ управленія академіей, но и въ постановку учебнаго дѣла, и нашъ курсъ являлся такимъ образомъ первымъ при полномъ примѣненіи этого устава. По новому порядку въ академіи учреждались отдѣленія — богословское, церковно-историческое и церковно-практическое, представлявшія собою нѣкоторое подобіе университетскихъ факультетовъ, а потому намъ было предложено предъ началомъ учебныхъ занятій записаться по желанію на то или другое изъ отдѣленій. Я избралъ церковно-историческое и совершенно неожиданно вызвалъ тѣмъ нѣкоторое неудовольствіе о ректора Александра Васильевича. Самъ онъ по старинной традиціи въ качествѣ ректора принялъ на себя въ это время преподаваніе догматическаго богословія, которое было отнесено въ число факультетскихъ предметовъ богословскаго отдѣленія. Повидимому ему хотѣлось, чтобы я сталъ подъ его ближайшее руководство, былъ его слушателемъ и занимался предметомъ его каедры; а потому, когда я сказалъ ему о своемъ выборѣ церковно-исторической спеціальности, онъ сталъ мнѣ доказывать неосновательность моего выбора и отзывался при

*) Православное обозрѣніе, мартъ 1879.

этомъ о занятіяхъ церковною исторіей въ такихъ выраженіяхъ, которыя весьма удивили меня въ устахъ человѣка, десятки лѣтъ работавшаго въ области именно этой науки и ею стяжавшаго себѣ высокій ученый авторитетъ. Само собою разумѣется, что въ данномъ случаѣ съ его стороны была лишь мимолетная вспышка, не оказавшая затѣмъ ни малѣйшаго вліянія на его нѣжно-отеческія ко мнѣ отношенія. — Въѣсть съ распредѣленіемъ по отдѣленіямъ намъ еще предложено было избрать для изученія одинъ изъ древнихъ и одинъ изъ новыхъ языковъ. Я избралъ изъ древнихъ греческій, руководствуясь тѣмъ соображеніемъ, что мое прежнее знакомство съ нимъ было болѣе слабымъ, сравнительно съ латинскимъ, и мнѣ хотѣлось теперь по возможности восполнить этотъ недостатокъ. По тому же соображенію изъ новыхъ языковъ я избралъ англійскій. До поступленія въ старшій классъ духовнаго училища я два года обучался въ извѣстномъ въ то время московскомъ пансіонѣ Луи Эпнеса, гдѣ теоретическое и практическое изученіе французскаго и нѣмецкаго языковъ было, можно сказать, на первомъ планѣ. Почти всѣ предметы преподавались тамъ на иностранныхъ языкахъ, такъ что и на латинскомъ классѣ напр. насъ заставляли переводить Цезаря „de bello Gallico“ не на русскій, а на нѣмецкій языкъ. Благодаря этому, хотя и недолговременному, пребыванію въ пансіонѣ, я обладалъ уже довольно хорошимъ знаніемъ французскаго и нѣмецкаго языковъ, объ англійскомъ же не имѣлъ никакого понятія, а потому и рѣшилъ избрать для изученія теперь въ академіи именно этотъ языкъ.

Начались занятія. Студентамъ предстояло слушать лекціи по предметамъ двухъ категорій: общеобязательнымъ, предназначеннымъ для всего курса въ совокупности, и спеціальнымъ — для каждаго отдѣленія особо. Мы, студенты церковно-историческаго отдѣленія, за все время своего пребыванія въ академіи выслушали обще-обязательные курсы: Священнаго писанія ветхаго заветъа — доцента Н. А. Елеонскаго; Священнаго писанія новаго заветъа — ординар. профес. архимандрита Михаила; основнаго богословія — доц. П. Д. Петропавловскаго; метафизики — орд. проф. В. Д. Кудрявцева-Платонова; логики и исторіи философіи — экстр. проф. В. Н. Потапова; психологіи — экстр. проф. Ал. П. Смирнова; педа-

гогики — экстр. проф. П. И. Казанскаго и греческаго или латинскаго языка—орд. проф. С. К. Смирнова или доц. П. И. Цвѣткова; спеціальныя же курсы: библейской исторіи—доц. Ан. П. Смирнова; древней церковной исторіи — доц. А. П. Лебедева; новой церковной исторіи—экстр. проф. Д. Θ. Касицына; русской церковной исторіи — доц. Н. Θ. Каптерева; исторіи и обличенія русскаго раскола—орд. проф. Н. И. Субботина; древней гражданской исторіи—орд. проф. П. С. Казанскаго; новой гражданской исторіи—доц. Д. Д. Королькова и русскою гражданской исторіи — доц. В. О. Ключевскаго. Изъ числа этихъ нашихъ наставниковъ почти половина только-что начинали въ это время свою профессорскую дѣятельность. Причиною этого обстоятельства былъ новый академическій уставъ, со введеніемъ котораго открывалось нѣсколько новыхъ кафедръ. Предметы этихъ кафедръ или совсѣмъ доселѣ не читались въ академіи, или въ сокращенныхъ размѣрахъ входили доселѣ лишь какъ части въ составъ другихъ кафедръ, теперь же получали самостоятельное значеніе. Къ этой основной причинѣ присоединились впрочемъ и нѣкоторыя случайности. Такъ напр. во время нашего пребыванія въ академіи профессоръ русской церковной исторіи Е. Е. Голубинскій былъ въ ученой заграничной командировкѣ, а потому намъ не пришлось быть его слушателями, и чтеніе лекцій по этому предмету было временно поручено только-что окончившему академическій курсъ магистранту Н. Θ. Каптереву, который затѣмъ, по возвращеніи Е. Е. Голубинскаго, занялъ кафедру древней гражданской исторіи. Намъ приходилось быть свидѣтелями и самаго выбора на свободныя кафедры новыхъ преподавателей, которые при насъ подвергались установленному испытанію посредствомъ чтенія пробныхъ лекцій. Нельзя, конечно, сказать, чтобы такое обиліе начинающихъ наставниковъ было особенно выгоднымъ и полезнымъ для слушателей. По дѣйствовавшему тогда въ академіяхъ порядку на профессорскія кафедры поступали лучшіе питомцы академій большею частію прямо со студенческой скамьи, или же прослужившіе годъ-другой въ качествѣ преподавателей семинаріи. Въ томъ и другомъ случаѣ они вступали на кафедру безъ всякой предварительной спеціальной подготовки, часто совсѣмъ не предугадывая того предмета научныхъ занятій, который вынадалъ имъ на

долю, а иногда даже и не чувствуя къ нему особенной склонности. Такая постановка дѣла для начинающаго преподавателя была великимъ и тяжкимъ испытаніемъ. Безъ надлежащаго знакомства съ первоисточниками и литературой своего предмета, иногда не имѣя даже и опытнаго руководителя за отсутствіемъ въ данный моментъ специалиста, научная область котораго была бы близка къ предмету его каеэдры, начинающій преподаватель оказывался вполне предоставленнымъ самому себѣ и „безъ руля и безъ вѣтриль“ носился по научнымъ волнамъ, бросаясь отъ книжки къ книжкѣ и затрачивая подчасъ непроизводительно громадное количество энергии и труда. Проходили дѣльные годы напряженной работы прежде, чѣмъ онъ получалъ наконецъ возможность стать на правильный путь. Само собою разумѣется, что ради такихъ условій ожидать отъ начинающаго преподавателя зрѣло продуманнаго, основательно обслѣдованнаго и тщательно обработаннаго курса лекцій не было возможности, а потому и лекціи нашихъ молодыхъ наставниковъ не оставили въ насъ глубокаго слѣда, хотя почти всѣ они въ послѣдующіе годы приобрѣли себѣ хорошую репутацію, а нѣкоторые, какъ напр. А. П. Лебедевъ, Н. Ѳ. Каптеревъ и В. О. Ключевскій, даже извѣстное ученое имя. Что касается, впрочемъ, В. О. Ключевского, то онъ въ данномъ случаѣ находился въ особенныхъ, сравнительно со своими сотоварищами по академическимъ каеэдрамъ, исключительно благопріятныхъ для него условіяхъ. Не прямо со студенческой скамьи вступалъ онъ на каеэдру, а чрезъ шесть лѣтъ по окончаніи университетскаго курса, при чемъ въ эти годы, какъ оставленный при университетѣ, онъ уже специализировался на изученіи русской исторіи, четыре года читалъ лекціи по этому предмету въ Александровскомъ военномъ училищѣ, усердно работалъ надъ рукописями и уже привелъ къ концу свою знаменитую магистерскую диссертацию „Древне-русскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ“. Не новичкомъ въ своемъ предметѣ, какъ его коллеги, вступалъ онъ такимъ образомъ на каеэдру, а въ значительной степени его хозяиномъ. Солидная подготовка и замѣчательный лекторскій талантъ Василія Осиповича, и тогда уже проявлявшійся съ полною силой, были причиною того, что молодой профессоръ сразу приобрѣлъ себѣ глубокое

уваженіе и симпатіи своихъ слушателей. Первый курсъ лекцій, прочитанный В. О.—чемъ въ академіи, не былъ обширенъ: онъ довелъ свое изложеніе лишь до половины XVI-го вѣка. Съ неослабввающимъ интересомъ прослушали мы этотъ курсъ талантливаго профессора и поражались его удивительнымъ умѣньемъ захватить вниманіе аудиторіи не только художественными характеристиками, какъ напр. Іоанна Грознаго, но и мастерскимъ изложеніемъ такихъ, повидимому сухихъ и скучныхъ предметовъ, какъ колонизація древней Руси, или измѣненія въ составѣ московскаго боярства XV и XVI вѣка.

Изъ числа профессоровъ средняго возраста, состоявшихъ на кафедрѣ лѣтъ по пяти и болѣе, пользовались на нашемъ курсѣ и отдѣленіи наибольшимъ вниманіемъ слушателей А. П. Смирновъ, читавшій психологію, и Д. О. Касицынъ—новую церковную исторію. Слушать нашего психолога было, впрочемъ, очень не легко. Его лекціи написаны были до крайности тяжелымъ и неуклюжимъ стилемъ съ непомѣрно длинными періодами и, повидимому, представляли собою недостаточно обработанный переводъ съ нѣмецкаго оригинала. Трудность усвоенія такого рода лекцій еще болѣе увеличивалась благодаря невозможной дикціи профессора. Появляясь на кафедрѣ часто въ болѣзненномъ состояніи, съ нервною дрожью въ голосѣ и движеніяхъ, онъ читалъ какъ будто прямо наперекоръ всякимъ правиламъ декламации: останавливался на половинѣ фразы, дѣлалъ ударенія, повышалъ и понижалъ голосъ совершенно не тамъ, гдѣ слѣдовало. Однако при всѣхъ этихъ крупныхъ недостаткахъ курсъ Александра Петровича по своему содержанію былъ такъ серьезенъ и интересенъ, что мы исправно посѣщали его аудиторію, а нѣкоторыя изъ его лекцій производили настолько сильное впечатлѣніе, что служили потомъ предметомъ немалыхъ разговоровъ въ нашей студенческой средѣ, какъ это было напр. послѣ чтеній о характерѣ и темпераментѣ. При концѣ учебнаго года, когда А. П. прочиталъ послѣднюю лекцію, студенты нашего курса выразили ему свою благодарность апплодисментами и словеснымъ заявленіемъ чрезъ особаго депутата.

Д. О. Касицынъ читалъ намъ исторію западной христіанской церкви и главнымъ образомъ реформаціи шестнадцат-

таго вѣка. Его лекціи были для насъ особенно интересны уже по тому одному, что ихъ содержаніе въ значительной степени представляло прелесть новизны, такъ какъ на семинарскихъ урокахъ обыкновенно очень мало и въ самыхъ бѣглыхъ чертахъ касались этого предмета. Чтобы еще болѣе привлечь вниманіе слушателей, Димитрій Ѳеодоровичъ часто не прочь былъ иллюстрировать свои чтенія какими-либо пикантными подробностями и разными курьезами, заимствуя ихъ напр. изъ обильной подобнымъ матеріаломъ исторіи папства, или приводя любопытныя выдержки изъ „Похвалы глупости“ и „Писемъ темныхъ людей“. Можетъ быть именно такая склонность Д. Ѳ—ча иронически коснуться иногда даже и такихъ предметовъ, надъ которыми шутить не принято, создала ему репутацію человѣка, не чуждаго нѣкотораго вольномыслія. Въ студенческой средѣ за нимъ утвердилось даже прозвище „радикалъ“, хотя едва ли это прозвище можно признать подходящимъ къ человѣку, сотрудничавшему въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, а затѣмъ превратившемуся въ редактора „Душеполезнаго Чтенія“ и въ почетнаго протоіерея.

Изъ болѣе заслуженныхъ академическихъ профессоровъ мы слушали П. С. Казанскаго, С. К. Смирнова, В. Д. Кудрявцева-Платонова, Н. Н. Субботина и арх. Михаила.

П. С. Казанскій читалъ намъ древнюю гражданскую исторію, при чемъ большую половину учебнаго года употребилъ на обзоръ исторіографіи. Лекціи Петра Симоновича не могли похвалиться ни интересомъ содержанія, ни живостію изложенія. Въ особенности его исторіографія нерѣдко представляла собою сухой библіографическій перечень, переполненный множествомъ хронологическихъ датъ, именъ писателей и заглавій написанныхъ ими произведеній. Такъ какъ громаднаго большинства этихъ произведеній мы никогда, конечно, не видали, то краткія о нихъ упоминанія оказывались пустымъ звукомъ, не оставлявшимъ никакого слѣда. Что касается яркихъ и мѣткихъ характеристикъ той или другого писателя или направленія, которыя могли бы отчетливо запечатлѣться въ памяти, то на такія характеристики Петръ Симоновичъ, при свойственной ему сухости и сжатости изложенія, мастеромъ не былъ. Трудность усвоенія преподававшегося намъ курса древней исторіи мы особенно сильно

почувствовали при концѣ перваго полугодія, когда на нашемъ отдѣленіи Пётръ Симоновичъ выступилъ единственнымъ исполнителемъ требованія новаго устава относительно репетицій и устроилъ намъ нѣчто въ родѣ экзамена, къ которому намъ пришлось не на шутку готовиться по собственнымъ записямъ на лекціяхъ и по книгѣ Петрова: „Новѣйшая національная историографія Англіи, Франціи и Германіи“.—Не будучи популярнымъ въ аудиторіи, Пётръ Симоновичъ пользовался однако среди студентовъ большимъ уваженіемъ. Мы уважали его и какъ ученаго, и какъ человѣка. Какъ ученый, онъ приобрѣлъ себѣ почетную извѣстность своими многочисленными изслѣдованіями по церковной и въ особенности по русской исторіи; а какъ человѣка мы хорошо знали его потому, что намъ немало приходилось обращаться къ нему по разнаго рода учебнымъ дѣламъ, какъ къ декану историческаго отдѣленія, и при такихъ съ нимъ сношеніяхъ мы всегда встрѣчали въ немъ человѣка безукоризненно-внимательнаго къ нашимъ нуждамъ и желаніямъ, но правдиваго до рѣзкости, требовательнаго и подчасъ неумолимо строгаго къ себѣ самому и ко всѣмъ другимъ, когда дѣло шло объ исполненіи служебнаго долга или религіозно-нравственныхъ обязанностей.

С. К. Смирновъ преподавалъ намъ греческій языкъ, при чемъ его уроки обычно раздѣлялись на двѣ половины: первую половину урочнаго часа онъ посвящалъ на чтеніе лекціи, а во вторую кто-либо изъ студентовъ, по его вызову, читалъ, разбиралъ и переводилъ отрывокъ избраннаго греческаго писателя и при этомъ Сергѣй Константиновичъ дѣлалъ не рѣдко интересныя разъясненія изъ области филологіи, исторіи и классическихъ древностей. Лекторъ С. К. былъ прекрасный. Возсѣдая на кафедрѣ съ необыкновенно-величественной осанкой, за которую студенты прозвали его Зевсомъ, онъ читалъ свои лекціи ясно, отчетливо, выразительно, мастерски отгѣняя и подчеркивая смыслъ cadaго слова. Позволяя себѣ нерѣдко оживлять свое изложеніе остроумными выходками, самъ онъ въ то же время сохранялъ удивительную серьезность, и ни малѣйшей улыбки не появлялось на его лицѣ, хотя вся аудиторія покатывалась со смѣху. По содержанію лекціи С. К.—ча были для насъ очень интересны. Въ нихъ намъ сообщались свѣдѣнія изъ исторіи греческой

литературы, напр. о гимнахъ Орфея, о Гомерѣ, Пиндарѣ, Эсхилѣ, Софоклѣ, Платонѣ, Демосѣенѣ, Геродотѣ и т. д. Правда, эти свѣдѣнія были кратки и имѣли эпизодическій характеръ, но для многихъ изъ насъ представлялись цѣнными, такъ какъ въ семинаріяхъ исторія классической литературы не преподавалась. Въ особенности же интересною новинкой были для насъ чтенія С. К—ча о Рейхлиновскомъ и Эразмовскомъ произношеніи, о дорическомъ и іонійскомъ діалектахъ, объ особенностяхъ греческаго языка новозавѣтныхъ писаній и о языкѣ новогреческомъ.—Весьма своеобразной системы придерживался Сергѣй Константиновичъ на своихъ экзаменахъ. Приготовленіе изъ писчей бумаги билетовъ для производства экзамена онъ обязательно поручалъ самимъ студентамъ. При этомъ обыкновенно дѣлалось такъ, что весь курсъ, представлявшійся къ экзамену, раздѣлялся на нѣсколько отдѣловъ, и для каждаго отдѣла билеты готовились съ ясно замѣтными внѣшними отличительными признаками: одни были на бумагѣ съ клеймами, другіе были аккуратно разрѣзаны острымъ ножомъ, третьи—съ мохнатыми разорванными краями. Всѣ экзаменующіеся заранѣе полюбовно распредѣляли между собою отдѣлы курса, и каждыи студентъ готовилъ къ экзамену не весь курсъ, а только ту или другую часть его, и соответственно этому долженъ былъ брать на экзаменаціонномъ столѣ билетъ назначенной ему категоріи. Не всегда при этомъ дѣло обходилось безъ курьезовъ. На нашемъ курсѣ былъ напр. одинъ студентъ до крайности близорукой, и всѣ присутствующіе не могли удержаться отъ смѣха, когда онъ, уткнувшись носомъ въ самый столъ, тщательно разыскивалъ нужный ему билетъ съ обрѣзанными краями. То же самое продѣлывалось и при переводѣ, для котораго на нашемъ курсѣ назначено было нѣсколько отрывковъ изъ разныхъ авторовъ. „Переведите теперь что-нибудь.... ну, хоть изъ Гомера“, величественно провозглашалъ экзаменаторъ; а студентъ въ своей закрытой книгѣ давно уже держалъ палецъ на томъ мѣстѣ, гдѣ ему нужно переводить. Для чего разыгрывалась вся эта комедія и кого при этомъ хотѣли обмануть,—неизвѣстно, такъ какъ настоящей смыслъ происходящаго прекрасно знали всѣ дѣйствующія лица, не исключая и ассистентовъ, которые сами прежде были учениками

Сергѣя Константиновича. Даже и мы, студенты, невольно чувствовали при этомъ вѣкоторую неловкость.

Профессоромъ философіи былъ у насъ В. Д. Кудрявцевъ-Платоновъ. Въ годы нашего студенчества онъ, какъ философъ, уже пользовался общепризнаннымъ высокимъ авторитетомъ; а вся московская академія, какъ профессорская корпорація, такъ и студенты, кромѣ того, относилась къ нему съ глубокимъ уваженіемъ, котораго онъ вполнѣ заслуживалъ, какъ человѣкъ искренно-религіозный, высоко-нравственный, въ высшей степени благородный, при всѣхъ своихъ достоинствахъ и преимуществахъ служебнаго положенія замѣчательно-скромный, кроткій и снисходительный ко всѣмъ окружающимъ. Преемникъ и продолжатель Ѳ. А. Голубинскаго, Викторъ Дмитріевичъ десятками лѣтъ неутомимаго труда выработалъ свою стройную философскую систему христіанскаго тензма, которая, будучи напечатана уже послѣ его кончины въ собраніи его сочиненій, стала теперь всеобщимъ достояніемъ. Эту именно систему, хотя и не въ полномъ видѣ, мы слушали на лекціяхъ изъ устъ ея автора, причемъ изъ напечатанныхъ сочиненій В. Д—ча у насъ былъ подъ руками лишь трудъ его „Объ источникѣ идеи Божества“. Лекціи В. Д—ча, написанныя изящнымъ литературнымъ языкомъ, отличались замѣчательною плавностію, ясностію и отчетливостію изложенія, раскрывая иногда повидимому весьма сложные и глубокіе философскіе предметы съ необыкновенною простотою и доступностію. Удѣляя не мало вниманія на критическій разборъ взглядовъ несогласныхъ съ нимъ мыслителей, Викторъ Дмитріевичъ пріятно удивлялъ насъ полнымъ отсутствіемъ полемическаго задора и замѣчательно-серьезнымъ и благороднымъ отношеніемъ къ своимъ противникамъ. При всѣхъ своихъ несомнѣнныхъ достоинствахъ лекціи В. Д—ча на большинство слушателей не производили того впечатлѣнія, какого можно было бы ожидать отъ нихъ, и причина этого заключалась въ способѣ ихъ произношенія. Чтеніе его, ясное и отчетливое, было вмѣстѣ съ тѣмъ до такой степени ровнымъ, безстрастнымъ и монотоннымъ, что какъ-то утомляло вниманіе слушателя и не давало мысли его никакого подъема. Отсюда получился, между прочимъ, такой результатъ, что при чтеніи печатной статьи В. Д—ча „Объ источникѣ идеи Божества“ мой

товарищи живо интересовались и даже увлекались ею, а прослушавъ ее раньше на лекціяхъ, почти совсѣмъ не замѣтили ея достоинствъ.

Очень большою популярностію пользовались на нашемъ отдѣленіи лекціи Н. И. Субботина, который читалъ намъ исторію раскола. Въ то время этотъ предметъ въ семинарской программѣ не имѣлъ, какъ теперь, самостоятельнаго значенія; но входилъ лишь составною частію въ исторію русской церкви, и на него, по крайней мѣрѣ въ московской семинаріи, обращалось очень мало вниманія. При ограниченности нашихъ познаній по исторіи раскола, лекціи такого знатока своего предмета, какимъ былъ Николай Ивановичъ, сообщавшія намъ массу совершенно новыхъ для насъ свѣдѣній, представляли глубокой интересъ. Въ живыхъ и характерныхъ картинахъ онъ подробно раскрывалъ предъ нами внутреннюю жизнь своеобразнаго раскольниковьяго міра, доводя свое изложеніе до самаго послѣдняго времени. Основательно знакомилъ насъ съ памятниками раскольниковьяго и противу-раскольниковьяго литературы, обильно подтверждая свои сужденія и вмѣстѣ оживляя изложеніе характерными выдержками. Лекціи Николая Ивановича написаны были легкимъ, изящнымъ языкомъ, а читалъ онъ ихъ съ замѣчательнымъ искусствомъ. Усиленно работая надъ памятниками раскольниковьяго литературы и находясь въ постоянномъ живомъ общеніи съ представителями раскола, онъ такъ сроднился съ образомъ мыслей и способомъ выраженія этой среды, что выдержки изъ раскольниковьяго произведеній передавались имъ съ удивительнымъ мастерствомъ. Это было не просто хорошее выразительное чтеніе, а какъ будто спеническая передача рѣчи какого-нибудь Андрея Деписова со всѣми особенностями его говора и интонаціями голоса. Даже на разные голоса говорилъ Николай Ивановичъ, когда ему приходилось передавать какіе-либо діалоги.

Священное писаніе Новаго Завѣта читалъ намъ о. архим. Михаилъ. Уже стяжавшій себѣ извѣстность, большой знатокъ своей спеціальности, онъ предлагалъ намъ интересныя лекціи изъ нѣсколькихъ отдѣловъ катехогии и экзегетики, составлявшихъ, конечно, лишь часть всей обширной программы его предмета. Но многимъ отдѣльнымъ вопросамъ онъ въ широкой степени знакомилъ насъ съ повѣйшими взгляда-

дами западно-европейской богословской науки, давая их основательный критический разборъ. Съ наибольшимъ же интересомъ слушали мы его лекціи по экзегетикѣ, какъ напр. его изъясненіе евангельскаго повѣствованія объ искушеніи Господа въ пустынѣ. Произносилъ свои лекціи о. Михаилъ громко, ясно, отчетливо, выразительно, мастерскими ораторскими приёмами придавая своей рѣчи всё желательныя оттѣнки выраженія. Если въ чемъ можно было упрекнуть о. Михаила, какъ оратора, то только въ нѣкоторомъ многословіи. У него была напр. манера при началѣ каждой лекціи устанавливать ея связь съ предшествующей, и дѣлалъ онъ это не жалѣя ни словъ, ни времени, хотя часто и ссылался при этомъ на недостатокъ времени. Начиналъ онъ напр. свою лекцію обычно такъ: „въ прошедшій разъ мы сказали о томъ-то и томъ-то; затѣмъ, кратко коснувшись того-то и того-то и, сдѣлавъ нѣсколько небольшихъ попутныхъ замѣчаній о томъ-то и томъ-то, чтобы по возможности выяснитъ то-то и то-то, перешли къ подробному раскрытію того-то и того-то. Теперь намъ слѣдовало-бы остановиться на томъ-то и, раскрывъ то-то и то-то, чтобы выяснитъ и утвердить то-то и то-то, перейти къ тому-то и тому-то; но по недостатку времени мы вынуждены ограничиться лишь тѣмъ-то и тѣмъ-то, а потому, остановившись лишь кратко на томъ-то и томъ-то, перейдемъ прямо къ тому-то“ и т. д. Такимъ образомъ, при ссылкѣ на недостатокъ времени добрыхъ четверть часа тратилась на эту мало интересную и едва ли потребную интродукцію. Были у о. Михаила нѣкоторыя характерныя, излюбленныя имъ, фразы. Опровергая напр. какую-либо теорію, онъ нерѣдко съ особенною выразительностію восклицалъ: „странно, даже болѣе чѣмъ странно, чтобы не сказать рѣзче!“ Эту фразу студенты, конечно, подхватили, и въ ихъ домашнихъ разговорахъ и спорахъ часто можно было слышать: „странно, даже болѣе чѣмъ странно, чтобы не сказать рѣзче!“

Кромѣ предметовъ общеобязательныхъ и специальныхъ, была у насъ еще кафедра, слушать лекціи по которой желающіе могли записываться добровольно, и по которой экзаменовъ не производилось. Это была естественно-научная апологетика, которую мы въ шутку называли химическимъ богословіемъ. Такая кафедра существовала только въ москов-

ской академіи и имѣла случайное происхожденіе. Новымъ уставомъ 1869-го года, между прочимъ, уничтожалась существовавшая дотолѣ въ академіи каѳедра физико-математическихъ наукъ, и ея представителю, орд. профессору Д. Ѳ. Голубинскому, было предложено избрать себѣ какую-либо другую каѳедру изъ числа тѣхъ, которыя вновь открывались со введеніемъ новаго устава. Димитрій Ѳедоровичъ былъ однако такъ преданъ своей наукѣ, что не желалъ промѣнять ее ни на какую другую, хотя по своимъ познаніямъ свободно могъ бы принять на себя преподаваніе напр. Священнаго писанія или латинскаго языка. Еще до утвержденія новаго устава, онъ особою докладною запиской пытался отстоять существованіе въ академіяхъ своей, предполагавшейся къ уничтоженію, физико-математической науки; а когда эта попытка не удалась, исходатайствовалъ у митрополита Иннокентія учрежденіе при нашей академіи, на средства московской митрополіи, сверхштатной каѳедры естественно-научной апологетики и сталъ преподавателемъ этой науки, превратившись такимъ образомъ въ профессора сверхштатнаго, не имѣющаго права голоса въ совѣтѣ, и съ жалованіемъ только 2,000 рублей, вмѣсто трехтысячнаго оклада, который ему слѣдовало по званію ординарнаго профессора. Эти свои личныя преимущества онъ, не задумываясь, принесъ въ жертву, лишь бы остаться вѣрнымъ любимой наукѣ. Новая каѳедра Д. Ѳ—ча имѣла своей задачей, сопоставляя истины Божественнаго откровенія съ данными естествознанія, утверждать на научныхъ основаніяхъ ту мысль, что изученіе природы есть путь къ Богопознанію. Но такъ какъ посильное осуществленіе такой задачи возможно лишь при условіи, что слушатели обладаютъ уже хотя нѣкоторыми, болѣе или менѣе достаточными, свѣдѣніями въ области естественныхъ наукъ; то Димитрій Ѳедоровичъ большую часть своихъ лекцій употреблялъ на систематическое изложеніе курса физики и начальныхъ основаній химіи и астрономіи, лишь въ краткихъ чертахъ примѣняя эти свѣдѣнія къ цѣлямъ апологіи. Лекціи Д. Ѳ—ча, интересныя по содержанію и сопровождавшіяся демонстраціей опытовъ, заблаговременно и тщательно подготовленныхъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ и глубокое уваженіе, которымъ пользовался почтенный профессоръ, какъ человекъ пламенной вѣры и рѣдкой высоты нравственныхъ

достоинствѣ, были причиною того, что слушать естественно-научную апологетику записывались всѣ студенты курса и аудиторія по этому предмету никогда не была малолюдною.— Въ октябрѣ 1894-го года наша академическая корпорація на товарищескомъ собраніи привѣтствовала Д. Ф.—ча по поводу исполнившагося сороколѣтія его профессорскаго служенія. Разбираясь какъ-то недавно въ своихъ бумагахъ, я нашелъ между прочимъ, запись той рѣчи, которая была произнесена мною тогда на этомъ собраніи. Обращаясь къ уважаемому юбиляру, я говорилъ: „Вы любите дѣлиться съ нами своими интересными и поучительными для насъ воспоминаніями, позвольте же и мнѣ начать свое слово подражаніемъ Вашему примѣру,—сдѣлать теперь маленькую экскурсію въ ту же область воспоминаній.

„Двадцать четыре года тому назадъ, въ одной изъ академическихъ аудиторій собрались мы, студенты перваго курса, и съ напряженнымъ интересомъ ожидали первой лекціи по только-что открытой тогда при нашей академіи, послѣ долгихъ и усиленныхъ хлопотъ, кафедрѣ естественно-научной апологетики. Оглично помню этотъ моментъ: съ радостно-оживленнымъ лицомъ быстро почти вбѣжали Вы на кафедру, стали на ней и, освѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, громко произнесли—„Слава Богу!“ Вотъ съ какихъ хорошихъ словъ началось у насъ преподаваніе новой наукѣ! Не знаю, какъ теперь, но въ прежнихъ семинаріяхъ преподаваніе естественныхъ наукъ находилось въ довольно печальномъ положеніи. Заучивали мы параграфы физики Гано, насколько можно было понять ихъ по приложеннымъ рисункамъ, и только. Никакихъ инструментовъ и опытовъ мы не видавали, и въ рукахъ нашего преподавателя табакерка была единственнымъ инструментомъ, на которомъ, для наглядности, давались всякія объясненія по всѣмъ отдѣламъ физики. Хорошо понимали мы этотъ пробѣлъ и душевно радовались, когда получили возможность расширить и утвердить свои скудные познанія, слушая Ваши тщательно обработанныя научно-обоснованныя лекціи, сопровождавшіяся невѣдомыми намъ дотолѣ интересными опытами. Могло вѣдь этого и не случиться, думалось намъ, а потому часто мы восклицали въ душѣ: Слава Богу, что случилось такъ!—Никто не заставлялъ и не заставляетъ студентовъ заниматься Вашей нау-

кой; она поставлена въ академической программѣ предметомъ не обязательнымъ, но неослабѣвающей и доселѣ интересъ студентовъ къ Вашимъ лекціямъ ясно показываетъ, что и послѣ насъ и донынѣ студенты думаютъ такъ же, какъ думали мы, и доселѣ готовы вмѣстѣ съ нами сказать: Слава Богу, что случилось такъ!

„Когда, при реформѣ 70-го года въ академіяхъ, поднятъ былъ вопросъ объ уничтоженіи каѳедры физики-математическихъ наукъ, Вы, многоуважаемый Димитрій Ѳеодоровичъ, употребляли всѣ усилія, чтобы отстоять ихъ существованіе въ академической программѣ, и, послѣ долгихъ усиленныхъ хлопотъ, при сочувственной поддержкѣ покойнаго Высокопр. митрополита Иннокентія, добились наконецъ того, что наука Ваша сохранилась только въ нашей академіи въ новой формѣ естественно-научной апологетики. Всѣ мы знаемъ, что, съ точки зрѣнія Вашихъ личныхъ выгодъ, Вы вышли изъ этой борьбы съ немалыми жертвами, и, да проститъ мнѣ Ваша скромность, всегда мы удивлялись и радовались на Ваше безкорыстіе, на Вашу самоотверженную преданность своей наукѣ. Говорятъ, нѣтъ худа безъ добра,—такъ было и въ этомъ случаѣ. Уничтоженіе естественныхъ наукъ въ академіи дало намъ возможность видѣть въ теченіи цѣлыхъ почти 25-ти лѣтъ рѣдкій и высоко-назидательный примѣръ такой любви къ наукѣ, которая не задумывается даже надъ большими личными жертвами. Не въ правѣ ли мы сказать: Слава Богу, что случилось такъ!

„Позвольте же мнѣ, какъ ученику и сослуживцу, сказать Вамъ сердечное спасибо и за то доброе слово, которымъ Вы возбудили и поддержали въ насъ вниманіе къ великой книгѣ природы, и за тотъ добрый примѣръ самоотверженной любви къ наукѣ, которымъ Вы поощряли насъ на нашемъ служеніи. Дай Богъ, чтобы это слово звучало съ каѳедры и этотъ примѣръ свѣтилъ въ академіи еще многая, многая лѣта!“

Я позволилъ себѣ привести здѣсь эту рѣчь потому, что она, хотя и юбилейная, заключаетъ въ себѣ только правду, съ которой согласится всякій, кто зналъ незабвеннаго Димитрія Ѳеодоровича.

Лекторомъ англійскаго языка приглашенъ былъ въ академію англичанинъ И. П. Смитъ, давно уже состоявшій въ

той же должности въ московскомъ университетѣ. Онъ преподавалъ намъ по имъ же самимъ изданному учебнику и по собственной своеобразной методѣ. Его учебникъ представлялъ собою курсъ англійской грамматики, изданный въ видѣ подстрочника, при чемъ на первой строкѣ излагались грамматическія правила на англійскомъ языкѣ, а внизу помѣщался ихъ подстрочный переводъ. Урокъ состоялъ обычно въ томъ, что мистеръ Смитъ медленно и отчетливо прочитывалъ намъ англійскую фразу учебника, а затѣмъ мы по очереди должны были повторять ее. Все вниманіе сосредоточивалось на произношеніи. Никакихъ устныхъ или письменныхъ упражненій по грамматикѣ не было; очевидно рассчитывалось, что эту грамматику мы должны усвоить при самомъ чтеніи учебника. Тягучая монотонность такихъ уроковъ и ихъ представлявшаяся на первый взглядъ малосмысленность производила на студентовъ нѣсколько удручающее впечатлѣніе, такъ что нѣкоторые изъ насъ вскорѣ прекратили совсѣмъ свои занятія по англійскому языку. Однако тѣ, у которыхъ хватило терпѣнія выдержать нѣсколько мѣсяцевъ испытанія, не имѣли основаній жаловаться на скудость полученныхъ результатовъ. Мы, по возможности, усвоили довольно приличное произношеніе и перешли къ переводу изъ хрестоматіи образцовъ англійской литературы. Самъ мистеръ Смитъ былъ очень милый и прекрасно образованный человекъ, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ порядочный оригиналъ. Владѣя гдѣ-то подъ Москвою небольшимъ имѣніемъ, онъ намъ нерѣдко рассказывалъ о разныхъ довольно курьезныхъ пріемахъ своего сельскаго хозяйства,—о томъ напр., какъ онъ сознательно, по соображеніямъ экономіи, купилъ себѣ лошадь на столько почтеннаго возраста, что она не была уже въ состояніи пережевывать зерна овса, и онъ приобрѣлъ особую машину, которая должна была приготавливать овесъ для употребленія престарѣлому буцефалу. Такъ какъ англійскимъ языкомъ на нашемъ курсѣ занимались всего три или четыре студента, то на урокахъ мы обыкновенно сидѣли на первой партѣ всѣ вмѣстѣ, а мистеръ Смитъ помѣщался противъ насъ на стулѣ, приставленномъ къ самой партѣ. Въ такомъ близкомъ, какъ будто семейномъ, кружкѣ нашъ наставникъ чувствовалъ себя совсѣмъ по домашнему. Во время нашего чтенія онъ напр., ни мало не стѣсняясь, вынималъ и вытиралъ

платкомъ свои вставные зубы, доставалъ изъ ушей и чистилъ какія-то, вкладывавшіяся туда, раковины, очевидно предназначенныя для улучшенія слуха, и только парикъ на его головѣ оставался неприкосновеннымъ. Прїѣзжая въ академію еженедѣльно изъ Москвы и не находя удобнымъ и выгоднымъ оставаться въ посадѣ до слѣдующаго дня съ почлегомъ въ гостиницѣ, мистеръ Смитъ вмѣстѣ съ лекторомъ нѣмецкаго языка получили разрѣшеніе давать всѣ свои уроки на трехъ курсахъ въ продолженіи одного дня. При такой постановкѣ дѣла наши лекторы, закончивъ всѣ свои дообѣденные урочные часы, обыкновенно располагались въ освобожденной профессорской комнатѣ за самоваромъ и привезенной съ собою закуской, ложились отдохнуть на диванахъ и затѣмъ давали еще урока по два вечеромъ уже при вечернемъ освѣщеніи. Когда мистеръ Смитъ въ первый разъ явился къ намъ на вечерній урокъ, на партѣ между нимъ и нами поставлены были два подсвѣчника съ употреблявшимися тогда въ академіи сальными свѣчами и тутъ же лежали желѣзные щипцы. Нашъ англичанинъ тотчасъ же обратилъ на щипцы свое вниманіе и попросилъ насъ разъяснить ему,—что это за инструментъ. Когда мы удовлетворили его любозпательность и показали ему способъ употребленія невиданнаго имъ дотолѣ инструмента, онъ такъ заинтересовался этимъ, что съ той поры на каждомъ вечернемъ урокѣ, аккуратнѣйшимъ образомъ, занимался свиманіемъ нагара то съ одной свѣчи, то съ другой, съ самымъ серьезнымъ, сосредоточеннымъ видомъ. При этихъ вечернихъ урокахъ, происходившихъ въ необычное внѣклассное время, случались иногда и нѣкоторые неожиданные сюрпризы. Былъ у насъ на должности класснаго служителя, котораго студенты называли почему-то „канцлеромъ“, отставной солдатъ Поликарпъ—большой противникъ трезвости. Одна изъ его главныхъ обязанностей состояла въ томъ, чтобы съ математической точностію бить звонки въ назначенное время при перемѣнахъ лекцій. Эта обязанность при вечернихъ англійскихъ урокахъ представлялась ему, повидимому, особенно тяжелой, такъ какъ заставляла его быть исправнымъ въ такое время, когда онъ по привычкѣ обычнаго порядка уже считалъ себя свободнымъ отъ канцлерскаго долга. Однажды какъ-то при концѣ англійскаго урока мы слышимъ:

что не звонить колокольчикъ, а раздаются беспорядочные удары въ какой-то тазъ или сковороду. Мы, конечно, тотчасъ же поняли, что нашъ канцлеръ куда-нибудь затерялъ свой колокольчикъ и, вѣрный своему долгу, постарался замѣнить его какимъ-то другимъ инструментомъ; но, оканчивая послѣднюю фразу перевода, нѣсколько замедлили свой выходъ изъ аудиторіи. Вдругъ съ шумомъ распаивается дверь и появившаяся въ ней, пошатываяющаяся фигура канцлера громко провозглашаетъ: „мусью! я вѣдь звонилъ!“ Мы всѣ расхохотались и не докончили своего перевода.—Эготъ Поликарпъ, не смотря на свою слабость, былъ долговременнымъ служакою при академіи и я помню его въ той же канцлерской должности, когда самъ былъ уже на профессорской кафедрѣ. Однажды, въ началѣ восьми-десятихъ годовъ, мнѣ привелось видѣть и слышать его даже въ роли музыкальнаго исполнителя. Студенты устроили тогда въ актовомъ залѣ академіи превосходный концертъ со множествомъ вокальныхъ, литературныхъ и музыкальных номеровъ, пригласивъ въ качествѣ публики профессоровъ и должностныхъ лицъ съ ихъ семействами и своихъ знакомыхъ. Главнымъ устройтеlemъ и талантливымъ дирижеромъ концерта былъ одинъ изъ студентовъ, обладавшій прекраснымъ теноромъ, рѣдкой силы и красоты, и производившій всегда своимъ чуднымъ пѣніемъ глубокое впечатлѣніе на богомольцевъ академическаго храма. Эготъ бывший студентъ, слава Богу, здравствуетъ доселѣ и съ честію подвизается въ высокомъ святительскомъ санѣ. Для какой-то шумной ніесы концерта потребовалось участіе барабана, и вотъ, въ числѣ артистовъ оказался нашъ канцлеръ Поликарпъ, который послѣ чрезвычайно гордился тѣмъ, что удостоился выступать на концертной эстрадѣ предъ господами — профессорами.

Е. А. Соколовъ.

(Продолженіе слѣдующей).

Годы студенчества.

(1870—1874).

(Продолженіе) ¹⁾.

ГЛАВА IV.

Письменные работы студентовъ. Курсовые экзамены. Организация учебныхъ занятій на четвертомъ курсѣ. Мой выборъ темы для магистерской диссертациі и работа надъ нею. Магистерскій экзаменъ.

Наряду съ посѣщеніемъ профессорскихъ лекцій, учебныя занятія студентовъ состояли еще изъ письменныхъ работъ, которыя распредѣлялись на все продолженіе учебнаго года. На первыхъ двухъ курсахъ мы должны были написать по три сочиненія, при чемъ на каждое назначался срокъ, въ два или три мѣсяца. Обыкновенно тотъ профессоръ, которому слѣдовало, согласно составленному совѣтомъ расписанію, давать сочиненіе студентамъ, въ назначенный срокъ предлагалъ списокъ темъ, иногда 10, 12 и даже болѣе, и по большей части въ часъ своей ближайшей лекціи дѣлалъ нѣкоторыя разъясненія относительно задачи предлагаемыхъ вопросовъ и тѣхъ требованій, какія имъ предъявляются къ будущимъ студенческимъ работамъ, а также давалъ иногда и руководственные указанія по литературѣ вопросовъ. Каждому студенту представлялась полная свобода избрать любую изъ предложенныхъ темъ. Я на первомъ курсѣ писалъ сочиненія: по философіи на тему—„О значеніи скептицизма въ философіи“, по психологіи — „Объ инстинктѣ“, и по древней гражданской исторіи — „Развитіе демократіи въ

¹⁾ См. Бог. Вѣст. Февр. 1916 г.

Аеинахъ послѣ Солонова законодательства“; а на второмъ курсѣ—по исторіи философіи—„Разсмотрѣніе ученія Канта о государственномъ правѣ“, по русской гражданской исторіи—„Старшій сынъ по духовнымъ грамотамъ московскихъ князей“, и по древней церковной исторіи что-то относительно ересей четвертаго вѣка, на тему, которую теперь не припомню. На третьемъ курсѣ мы во все продолженіе учебнаго года писали только одно кандидатское сочиненіе, для котораго я избралъ тему, данную доцентомъ А. П. Лебедевымъ по предмету древней церковной исторіи: „О вліяніи христіанства на греко-римское законодательство“. Тотчасъ по выборѣ темы мы устремлялись на поиски источниковъ и пособій для предполагаемой работы. Всего естественнѣе, конечно, было въ данномъ случаѣ обращаться прежде къ тѣмъ профессорамъ, по предмету которыхъ предложены темы для сочиненій. Однако наши наставники большею частію ограничивались лишь указаніемъ на двѣ-три книжки, что рвенію многихъ изъ насъ казалось недостаточнымъ. Начинающіе-же изъ профессоровъ иногда откровенно заявляли, что сами еще не настолько ознакомились съ своимъ предметомъ, чтобы широко руководить нашей работой. Такъ случилось напр. со мною. Когда я избралъ тему для кандидатскаго сочиненія и обратился къ Алексѣю Петровичу Лебедеву, онъ прямо заявилъ мнѣ, что можетъ указать только кодексы Феодосія и Юстиніана, а затѣмъ предоставляет мнѣ самому исполнѣ самостоятельно разбираться въ источникахъ и литературѣ избраннаго вопроса. Наболѣе ревностные изъ насъ считали необходимымъ по всѣмъ темамъ своихъ сочиненій просить совѣтовъ и указаній у „папашеньки“—Александра Васильевича. Мы такъ глубоко вѣровали въ его ученый авторитетъ, во всеобъемлющую широту и глубину его познаній, въ неизмѣнную готовность его протянуть намъ руку помощи во всѣхъ нашихъ вуждахъ и затрудненіяхъ, что шли къ нему всегда увѣренно и безбоязненно съ открытой душой, не какъ къ высокопоставленному начальнику, а какъ къ доброму, любящему отцу. И эта вѣра наша въ него никогда насъ не обманула. Каждаго приходящаго за совѣтомъ студента незабвенный „папаша“ встрѣчалъ съ своей чарующей ласковой улыбкой, привѣтливо выслушивалъ его научный младенческій лепетъ, охотно удѣлялъ ему иногда не-

малую часть своего трудового драгоценнаго времени, терпѣливо копался и даже на колѣняхъ ползалъ среди массы книгъ, не только наполнявшихъ шкафы, столы, диванъ и кресла его двухъ большихъ кабинетовъ, но и громадными грудями возвышавшихся на полу. И ни одинъ студентъ не уходилъ отъ него, не получивъ нѣсколькихъ книгъ, не выслушавъ цѣнныхъ совѣтовъ по существу вопроса и библиографическихъ указаній относительно того, что слѣдуетъ еще достать изъ академической библіотеки. Все это дѣлалось притомъ въ такомъ духѣ и настроеніи, какъ будто студентъ своимъ обращеніемъ не только не обременялъ его, но, напротивъ, доставлялъ ему большое удовольствіе. — Послѣ бесѣды съ учеными руководителями мы отправлялись обыкновенно на дальнѣйшіе розыски въ свою библіотеку. Производить здѣсь эти розыски въ наше время было подвигомъ немалымъ. Академическая библіотека помѣщалась тогда въ верхнемъ этажѣ двухэтажнаго корпуса, построеннаго митрополитомъ Платономъ въ 1802—1803 гг. Это помѣщеніе печей не имѣло, а потому почти во все продолженіе учебнаго года въ немъ царилъ пронизывающій холодъ, а во время глубокой зимы даже жестокой морозъ. Библіотекарь и его помощникъ, вынужденные проводить здѣсь по нѣскольку часовъ, были несчастными мучениками, хотя и работали въ валенкахъ, мѣховыхъ шапкахъ и перчаткахъ и въ подпоясанныхъ енотовыхъ шубахъ. Студенты допускались въ библіотеку лишь по окончаніи лекціонныхъ часовъ и на небольшое количество времени для сдачи взятыхъ книгъ и для полученія новыхъ, которыя выдавались по заранѣе представлявшимся запискамъ. При такихъ условіяхъ разыскивать что-либо въ библіотекѣ было не легко, и въ особенности потому, что не было тогда ни печатнаго, ни карточнаго, ни вообще какого-либо полнаго и доступнаго студентамъ каталога, который сталъ надлежащимъ образомъ составляться лишь съ конца семидесятыхъ годовъ, когда построено было для библіотеки и новое теплое зданіе. При всѣхъ этихъ трудностяхъ, многимъ изъ насъ въ концѣ концовъ удавалось все-таки запастись вполне достаточнымъ количествомъ научнаго матеріала и, обложившись книгами и фоліантами, разныхъ годовъ и размѣровъ и на разныхъ языкахъ, мы усаживались за свою работу.

Въ качествѣ обязательной письменной работы, всѣ студенты курса должны были еще представить ежегодно по одной проповѣди, хотя гомилетика и была отнесена къ числу спеціальныхъ предметовъ, только церковно-практическаго отдѣленія. Профессоръ этого предмета, протоіерей Ф. А. Сергіевскій, составлялъ расписаніе проповѣдниковъ на всѣ праздничные дни учебнаго года, и каждый студентъ долженъ былъ представить свою проповѣдь за недѣлю до того дня, который былъ ему назначенъ. Проповѣдь проходила цензуру профессора и затѣмъ о ректора, какъ настоятеля академической церкви, и если получала одобреніе, авторъ ея допускался къ произнесенію своего произведенія съ церковнаго амвона. Къ работѣ надъ составленіемъ проповѣдей большинство студентовъ относилось почему-то съ большою неохотою, а потому широко практиковался обычай списывать проповѣди цѣликомъ съ готовыхъ печатныхъ образцовъ и затѣмъ выдавать ихъ профессору за свои. Наиболѣе удобнымъ и безопаснымъ источникомъ для такого плагіата служили обычно провинціальныя епархіальныя вѣдомости, обильный запасъ которыхъ имѣлся въ академической бібліотекѣ и, конечно, предполагалось, что профессоръ гомилетики едва-ли станетъ заглядывать въ эту захолустную литературу. Случались однако по этой части нѣкоторые любопытные курьезы. Намъ рассказывали напр. что будто-бы на одномъ изъ предшествовавшихъ намъ курсовъ профессоръ гомилетики призвалъ къ себѣ представившаго ему проповѣдь студента и спросилъ его, показывая ему рукопись: „чья это проповѣдь?“—„Моя“, отвѣчалъ, конечно, студентъ. „Нѣтъ, моя!“—возразилъ профессоръ. Получилась картина. По разслѣдованіи интереснаго казуса оказалось, что студентъ списалъ изъ какихъ-то епархіальныхъ вѣдомостей и, конечно, никакъ не предполагалъ, что провинціальныи писатель, помѣстившій въ вѣдомостяхъ проповѣдь подъ своимъ именемъ, въ свою очередь списалъ ее у почтеннаго профессора. Иногда наши плагіаторы попадали въ просакъ еще потому, что случайно списывали вдвоемъ одну и ту-же проповѣдь въ слишкомъ близкій промежутокъ времени, когда профессоръ не успѣлъ еще забыть недавно прочитанное произведеніе. Въ предупрежденіе подобныхъ случаевъ установился даже обычай дѣлать на бібліотечныхъ экземплярахъ епархіальныхъ вѣдомостей

точные отмѣтки, что извѣстная проповѣдь списана и представлена въ такой-то день такого-то года, чтобы студенты послѣдующихъ курсовъ имѣли это въ виду. Среди моихъ товарищей было однако не мало и такихъ, которые серьезно и добросовѣстно относились къ работѣ надъ проповѣдью, выполнѣ сознавая ея важное значеніе для питомцевъ духовной школы. Нѣсколько стѣснительнымъ и неудобнымъ при этой работѣ представлялось лишь то обстоятельство, что она, приуроченная къ случайному сроку какого-либо праздника, приходилась иногда въ такое время, когда студентъ поглощенъ былъ своей работой надъ семестровымъ сочиненіемъ, и ему нужно было такимъ образомъ прерывать на нѣкоторое время выполнѣ налаженный трудъ и настраивать мысли свои въ совершенно иномъ направленіи. Нѣкоторымъ утѣшеніемъ въ данномъ случаѣ служило то, что студенту, занимавшемуся проповѣдью и оторванному такимъ образомъ на время отъ работы надъ сочиненіемъ, предоставлялось право ходатайствовать объ отсрочкѣ ему послѣдняго хотя-бы на недѣлю. Декапъ нашего отдѣленія П. С. Казанскій былъ человѣкъ строгій, и обращаться къ нему съ какими-либо ходатайствами мы вообще побаивались; но просить его объ отсрочкѣ сочиненія по случаю проповѣди отправлялись смѣло, съ полною увѣренностію, что отказа не будетъ. Не совсѣмъ обычная и особенная его въ этомъ случаѣ снисходительность объяснялась тѣмъ, что составленіе проповѣди онъ считалъ за большой и тяжелый трудъ, такъ какъ самому ему приходилось тратить на такую работу цѣлые мѣсяцы и, при всемъ томъ, его ораторскія произведенія выходили все-таки весьма далекими отъ совершенства.

На первыхъ трехъ курсахъ, при концѣ учебнаго года, студенты должны были держать экзаменъ по всѣмъ предметамъ, которые читались имъ въ истекшемъ году. Предъ экзаменомъ каждый профессоръ обыкновенно выдавалъ конспектъ по своему предмету съ распредѣленіемъ въ немъ научнаго матеріала на извѣстное количество отдѣльных билетовъ. По большей части этотъ конспектъ не обнималъ молностію всего того, что было прочитано профессоромъ на его лекціяхъ, но для облегченія студентовъ допускалъ нѣкоторыя, часто очень значительныя, сокращенія. Тѣмъ не менѣе, почти всегда отправлялись къ профессорамъ студенческіе депутаты съ

ходатайствомъ о дальнѣйшемъ сокращеніи представляемаго къ экзамену курса и о выпускѣ нѣсколькихъ билетовъ, казавшихся почему-либо особенно затруднительными. И очень рѣдко такія ходатайства не приводили въ большей или меньшей степени къ желаемымъ результатамъ. Никакихъ литографированныхъ курсовъ лекцій въ нашей академіи не было, а потому прежде всего нужно было позаботиться объ организаціи и подборѣ тѣхъ учебныхъ пособій, по которымъ можно было-бы подготовиться къ предстоящему экзамену. Установился обычай, по которому трудъ составленія и письменнаго изложенія на особыхъ тетрадкахъ билетовъ по всѣмъ предметамъ распредѣлялся полюбовно между самими студентами, при чемъ источниками для такой коллективной работы служили классныя записи студентовъ за читавшимися лекціями, нѣкоторыя подходящія къ дѣлу печатныя произведенія и подлинныя профессорскія лекціи, предоставлявшіяся иногда во временное пользованіе тому или другому студенту очень немногими, впрочемъ, изъ профессоровъ. Составленные такимъ образомъ курсы по разнымъ предметамъ переходили по наслѣдству изъ года въ годъ, измѣнялись и дополнялись по мѣрѣ надобности и усердія и бережно хранились какъ общая собственность. По своему содержанію и способу изложенія эти курсы, какъ составленные разными лицами и по разнымъ источникамъ, представляли собою нѣчто пестрое, мало согласованное въ своихъ частяхъ и часто очень не одинаковое по достоинству. Случалось, конечно, что нѣкоторые составители билетовъ относились къ своей работѣ небрежно, а потому ихъ товарищамъ приходилось или рисковать по чужой винѣ плохимъ отвѣтомъ на экзаменѣ, или-же стараться своими силами восполнить, по возможности, въ неисправномъ билетѣ то, что представлялось недостаточнымъ или неудовлетворительнымъ. Предъ каждымъ экзаменомъ, въ одномъ изъ студенческихъ номеровъ выкладывалась на конторкѣ полная коллекція билетовъ по очередному предмету, и каждый студентъ, взявъ себѣ любую тетрадку и сдѣлавъ отмѣтку объ этомъ въ лежавшемъ тутъ-же листѣ бумаги, отправлялся куда ему угодно и принимался за изученіе избраннаго на это время билета. Такимъ путемъ происходилъ непрерывный обмѣнъ билетовъ между готовившимися студентами во все продолженіе предшествовавшихъ

экзамену дней, послѣ чего, съ наступленіемъ очереди слѣдующаго предмета, на той же конторкѣ появлялась новая коллекція и опять начинался такой-же обмѣвъ. Въ ясныя майскіе дни экзаменной страды не только во всѣхъ зданіяхъ академіи, но и на дорожкахъ академическаго сада, и по всѣмъ концамъ уединеннаго монастырскаго сада Пафнутіевскаго, и даже на лаврскихъ стѣнахъ — всюду можно было видѣть одиноко сидѣвшія или бродившія фигуры студентовъ, сосредоточенно углубившихся въ свои тетрадки. Такъ шло дѣло до первыхъ чиселъ іюня, когда оканчивался сезонъ экзаменовъ и почти вся академическая молодежь разбѣжалась на отдыхъ по всѣмъ концамъ Руси великой.

Четвертый годъ академическаго курса по уставу 1869 года назначался на спеціальныя и практическія занятія студентовъ по избранной ими группѣ предметовъ; но въ наше время этотъ планъ, представлявшійся въ теоріи удобнымъ и разумнымъ, на практикѣ остался почти совсѣмъ безъ осуществленія. Наши наставники почему-то не выработали такихъ пріемовъ, при помощи которыхъ можно было бы надлежащимъ образомъ организовать предполагавшіяся спеціальныя занятія, а потому на дѣлѣ оказалось, что студенты на этомъ курсѣ были почти вполнѣ предоставлены самимъ себѣ. Профессорскихъ лекцій для нихъ уже не полагалось, а занимались они домашнимъ, кабинетнымъ образомъ предметами избранной спеціальности, знакомясь съ литературою этихъ предметовъ и просматривая учебники, принятые въ духовныхъ семинаріяхъ. Но такъ какъ размѣръ и характеръ такихъ занятій всецѣло зависѣли отъ доброй воли самихъ студентовъ, то, конечно, часто дѣлалось много менѣе, чѣмъ сколько было возможно и слѣдовало. Ихъ энергія въ данномъ случаѣ значительно ослаблялась тѣмъ обстоятельствомъ, что никто изъ нихъ не могъ быть увѣренъ въ томъ, что ему придется получить преподавательскую должность въ семинаріи именно по той спеціальности, къ которой онъ готовился. Будучи въ большинствѣ своемъ казенными стипендіатами, студенты академіи были обязаны тотчасъ же по окончаніи курса служить установленное количество лѣтъ по духовно-учебному вѣдомству; но всякій, конечно, зналъ, что въ распоряженіи вѣдомства не могутъ быть въ каждый моментъ именно такія мѣста, которыя соотвѣтствуютъ спеціаль-

ности оканчивающихъ курсъ студентовъ, а потому легко могъ ожидать, что его специальная подготовка не найдетъ себѣ надлежащаго примѣненія. При такихъ условіяхъ естественно ослабѣвала охота заниматься усердно тѣмъ, что, быть можетъ, не окажется нужнымъ. Практика первыхъ же годовъ примѣненія устава 1869 года, къ сожалѣнію, вполне подтвердила справедливость подобныхъ опасеній, такъ какъ многимъ изъ нашихъ кандидатовъ дѣйствительно пришлось волей-неволей выступить преподавателями такихъ предметовъ, которые мало соотвѣтствовали ихъ специальной подготовкѣ и склонностямъ.—Въ качествѣ официальныхъ практическихъ занятій по приготовленію къ преподаванію, болѣе или менѣе правильно велись на нашемъ курсѣ только такъ называемыя пробныя лекціи, которыя каждый изъ насъ долженъ былъ составить и прочесть предъ профессорами по всѣмъ тѣмъ предметамъ, которые входили въ составъ группы, избранной имъ специальностію. Такъ какъ эти лекціи были рассчитаны на предполагаемое преподаваніе въ средней школѣ и потому должны были имѣть соотвѣтствующій размѣръ и характеръ, то ихъ приготовленіе, конечно, не требовало отъ студента большой затраты труда и времени. Что же касается занятій специально-научныхъ, то на нашей группѣ напр. нѣкоторую попытку устроить ихъ сдѣлалъ только В. О. Ключевскій, но и эту попытку нельзя было признать вполне удачной. Василій Осиповичъ раздалъ всѣмъ намъ по одному историческому памятнику, и каждый изъ насъ къ назначенному сроку долженъ былъ составить рефератъ о порученномъ ему произведеніи. За недѣлю или дней за десять до срока, авторъ реферата передавалъ изученный имъ памятникъ своимъ товарищамъ по специальностію, чтобы они, передавая источникъ одинъ другому, заблаговременно могли познакомиться съ предметомъ и источникомъ предстоящаго реферата. Въ назначенный день вся наша компанія, подъ предсѣдательствомъ В. О-ча, собиралась въ аудиторіи и авторъ читалъ свой рефератъ, въ заключеніи котораго формулировалъ тезисы, какъ конечный выводъ своего изслѣдованія. Затѣмъ слѣдовало обсужденіе прочитаннаго реферата, предъявленіе возраженій и защита со стороны референта. Руководилъ преніями Василій Осиповичъ, присоединяя отъ себя поправки и замѣчанія, и заключалъ собраніе своимъ

резюме. На мою долю выпалъ рефератъ о Запискахъ императрицы Екатерины II. На первыхъ порахъ наши собранія были оживленны и вызывали къ себѣ съ нашей стороны большой интересъ; но этотъ интересъ очень скоро ослабѣлъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ заглохли и собранія. Для надлежащей постановки обсуждения предложеннаго реферата представлялась необходимымъ, чтобы участники преній были въ достаточной мѣрѣ знакомы съ предметомъ реферата, но вотъ этого-то условія на дѣлѣ и не оказывалось. На первыхъ же рефератахъ ясно обнаружилось, что съ предметомъ ихъ знакомы только сами референты да ихъ руководитель Василий Осиповичъ. Что касается всѣхъ остальныхъ участниковъ собранія, то они, по недостатку усердія или свободнаго отъ другихъ занятій времени, обыкновенно не успѣвали въ назначенный для того срокъ просмотрѣть реферируемый источникъ и являлись на собранія безъ всякаго научнаго багажа по данному вопросу. Въ результатѣ получалось, что разговоръ по существу предмета могъ вестись только между референтомъ и профессоромъ, а когда выступали съ своими возраженіями другіе участники собранія, ихъ возраженія имѣли только формальный или діалектическій характеръ; слушать же такого рода словопренія и тѣмъ болѣе принимать въ нихъ дѣятельное участіе, конечно, скоро надоѣло.

Недостатокъ надлежащаго порядка въ занятіяхъ на четвертомъ курсѣ внушилъ мысль нѣкоторымъ изъ моихъ товарищей,—воспользоваться сравнительно большимъ здѣсь количествомъ свободнаго времени для того, чтобы избрать себѣ предметъ для магистерской диссертациі и поработать надъ нимъ при помощи находившихся пока подъ руками сокровищъ нашей богатой академической бібліотеки. Я принадлежалъ къ ихъ числу и давно уже делѣялъ мысль о работѣ надъ магистерской диссертацией. Хотя мое кандидатское сочиненіе было по древней церковной исторіи и удостоилось блестящаго отзыва проф. А. П. Лебедева, мои научныя симпатіи стали однако склоняться теперь съ рѣшительностію на сторону исторіи новой. Для выбора темы своей будущей работы я, прежде всего, обратился за совѣтомъ къ горячо любимому родному дядѣ своему Николаю Кирилловичу Соколову, занимавшему тогда кафедру церковнаго права въ Московскомъ университетѣ. При неоднократ-

ныхъ искреннихъ бесѣдахъ, незабвенный Н. К-чь внимательно прислушался къ моимъ научнымъ стремленіямъ, близко зная и любя меня съ ранняго дѣтства, принялъ горячее участіе въ обсужденіи волновавшаго меня вопроса и далъ цѣлый рядъ руководственныхъ указаній. Его совѣты имѣли особенно высокую цѣну потому, что самъ онъ былъ первымъ профессоромъ новой церковной исторіи въ академіи; а предъ открытіемъ курса по этому предмету два года подготовлялся къ нему въ заграничной командировкѣ, главнымъ образомъ въ Англіи, и почти вновь создалъ для новой кафедры цѣлый отдѣлъ академической библіотеки по специальному порученію академіи. Подъ влияніемъ бесѣдъ съ Николаемъ Кирилловичемъ я утвердился въ намѣреніи сосредоточить свое вниманіе и трудъ на изученіи религіозной реформациі въ Англіи. Вторымъ моимъ совѣтникомъ по выбору темы былъ ученикъ и преемникъ Николая Кирилловича по академической кафедрѣ новой церковной исторіи, проф. Д. Θ. Касицынъ. Во всѣ годы своего студенчества я иногда бывалъ на квартирѣ у Димитрія Ѳедоровича, какъ дальняго родственника моей матери и одного изъ наиболѣе уважаемыхъ профессоровъ нашего отдѣленія, и за чашкою чая проводилъ у него часа два—три въ интересной бесѣдѣ. По вопросу о темѣ Д. Θ-чь сперва не особенно сочувственно относился къ моему выбору. Хотя и профессоръ новой церковной исторіи, онъ почему-то склонялъ меня заняться какимъ-либо вопросомъ изъ исторіи церкви древняго времени; въ особенности же совѣтовалъ ограничиться возможно—болѣе узкимъ предметомъ изслѣдованія, избравъ для него напр. отдѣльную историческую личность, или какой-либо частный вопросъ. Руководился онъ при этомъ соображеніями преимущественно практическаго свойства. Второго октября 1873 года счастливый случай помогъ мнѣ окончательно рѣшить, наконецъ, свой вопросъ о темѣ. Въ этотъ день, на докторскій диспутъ П. С. Казанскаго, пріѣхалъ изъ Москвы Николай Кирилловичъ, и вечеромъ мы вмѣстѣ съ нимъ провели нѣсколько часовъ у Димитрія Ѳедоровича. Здѣсь, между прочимъ, предположенная мною тема подверглась всестороннему обсужденію обоихъ моихъ совѣтниковъ, причемъ замѣчательно-интересныя, глубоко-научныя и одушевленныя рѣчи Н. К-ча произвели на меня такое сильное впечатлѣніе, что мой выборъ былъ рѣшенъ

безповоротно. Вотъ почему, когда восемь лѣтъ спустя вышла въ свѣтъ моя книга: „Реформація въ Англіи. (Генрихъ VIII и Эдуардъ VI)“, на первой страницѣ этой книги было написано: „Памяти незабвеннаго Николая Кирилловича Соколова“.

Установивъ предметъ своихъ занятій, я обложился, нѣмецкими, англійскими и французскими книгами и принялся за работу. Очень скоро однако оказалось, что обстановка нашей студенческой жизни далеко не благопріятствовала моимъ намѣреніямъ. Трудно было сосредоточиться на работѣ, когда кругомъ мои добрые друзья и товарищи, не чувствуя себя связанными какою-либо обязательной срочной работой, шумно и весело пользовались своею свободой. Съ ихъ стороны совершенно не было какого-либо сознательнаго пренебреженія къ моимъ интересамъ; но, конечно, странно было бы ожидать, что пятнадцать или двадцать сосѣдей станутъ помогать свою жизнь такъ, какъ это нужно для одного и какъ это совсѣмъ не требуется для нихъ самихъ. Между тѣмъ эта веселая обстановка окружающей жизни до такой степени отвлекала отъ занятій, что съ каждымъ днемъ я все болѣе и болѣе убѣждался въ невозможности достигнуть при данныхъ условіяхъ сколько-нибудь удовлетворительныхъ результатовъ своего труда. И вотъ, у меня явилась и созрѣла мысль—забрать съ собою всю свою науку и уѣхать изъ академіи въ Москву, чтобы тамъ, въ уединеніи родительскаго дома, свободно и безпрепятственно посвятить научнымъ занятіямъ все свое время. Исходатайствовать въ учебное время формальный отпускъ на продолжительный срокъ я, конечно, не могъ, не имѣя для того законныхъ основаній, а потому представлялось необходимымъ прибѣгнуть къ фиктивной болѣзни. По зрѣломъ размысленіи, я написалъ отцу письмо, въ которомъ описалъ ему положеніе дѣлъ въ академіи, подробно со всѣми аргументами изложилъ свой планъ поѣздки въ Москву и просилъ разрѣшенія немедленно привести этотъ планъ въ исполненіе. Мой отецъ, всегда серьезно и даже строго относившійся къ вопросамъ долга, тѣмъ не менѣе призналъ основательность моихъ соображеній и высказалъ, лишь опасеніе, какъ бы мой поступокъ не уронилъ меня во мнѣніи Александра Васильевича и не повредилъ его доброму ко мнѣ отношенію. По этому поводу я въ слѣ-

дующемъ письмѣ къ отцу говорилъ: „занятія научныя Александръ Васильевичъ ставитъ выше всего и потому, когда онъ узнаеть, что я, не становясь въ прямое противорѣчье съ формами академической дисциплины, употребилъ время своего пребыванія въ Москвѣ вполнѣ дѣльно, въ чемъ самъ я совершенно увѣренъ, то онъ забудетъ всякое неудовольствіе, если оно у него и было. Если бы еще это случилось въ прошедшемъ году, когда у насъ были лекціи, то трудно было бы доказать Александру Васильевичу ту мысль, что я въ Москвѣ провелъ время дѣлнѣе, чѣмъ въ академіи, такъ какъ лекціи онъ цѣнитъ очень высоко. Но настоящій годъ въ этомъ отношеніи составляетъ исключеніе, что извѣстно и Александру Васильевичу. ...Не подумаетъ онъ и того, что я не занимался своимъ сочиненіемъ, когда я изложу ему результаты своихъ трудовъ, чего онъ имѣетъ обыкновеніе требовать въ концѣ года...“ Послѣ этихъ дополнительныхъ объясненій разрѣшеніе было получено, и я, отпросившись въ Москву на праздникъ 8-го ноября, упаковалъ всѣ свои книги и вечеромъ 7-го числа уѣхалъ изъ академіи. Черезъ нѣсколько дней академическому начальству было послано медицинское свидѣтельство, въ которомъ одинъ нашъ знакомый докторъ находилъ во мнѣ „бродячій ревматизмъ сочлененій, требующій продолжительнаго лѣченія“. Въ Москвѣ я пробылъ до конца февраля 1874-го года, всецѣло погрузившись въ свою ученую работу. Академическое начальство, я увѣренъ, не имѣло ни малѣйшаго сомнѣнія въ истинномъ характерѣ моей болѣзни, но никакихъ претензій по этому поводу не заявляло; а счастливый случай наглядно убѣдилъ Александра Васильевича въ серьезной причинѣ моего долговременнаго отсутствія изъ академіи. Какъ будто около 12-го числа января, Александръ Васильевичъ, будучи въ Москвѣ вѣроятно по поводу акта въ Московскомъ университетѣ, заѣхалъ навѣстить моихъ родителей. Въ это время и старшій братъ мой, окончивавшій курсъ ярославскаго юридическаго лица, занятъ былъ также своимъ кандидатскимъ сочиненіемъ по исторіи русскаго права и проводилъ въ Москвѣ послѣдніе дни рождественскихъ каникулъ. И вотъ мы съ братомъ сидѣли, обложенные ворохомъ книгъ, углубившись каждый въ свою работу. Въ такой обстановкѣ и засталъ насъ неожиданно Александръ Васильевичъ. Этого

было совершенно достаточно, чтобы нашъ дорогой „папашенька“ весь превратился въ привѣтъ и ласку и во все продолженіе своего посѣщенія не обмолвился, конечно, ни единымъ словомъ о состояніи моего здоровья.

Послѣ четырехмѣсячной усиленной и успѣшной работы въ Москвѣ, я счелъ нужнымъ возвратиться въ академію, такъ какъ студентамъ 4-го курса предстояло сдавать выпускной экзаменъ по избранной группѣ предметовъ и потому, конечно, требовалось нѣкоторое время для надлежащаго къ нему приготовленія. Отъ степени успѣшности этого выпускного экзамена, который назывался у насъ магистерскимъ, зависѣло окончаніе академическаго курса только кандидатомъ, или же магистрантомъ, которому уставомъ предоставлялось право на полученіе степени магистра безъ новыхъ устныхъ испытаній, но лишь по представленіи и публичной защитѣ магистерской диссертации. Постановка нашего магистерскаго экзамена имѣла довольно странный видъ. По соглашенію съ профессоромъ, экзаменующійся избиралъ по каждому предмету своей группы извѣстный отдѣлъ, который и изучался имъ болѣе или менѣе основательно по нѣсколькимъ, указаннымъ ему, пособиямъ. Такимъ образомъ онъ являлся на экзаменъ съ знаніемъ не всего предмета, а только одного отдѣла, по которому и давалъ экзаминаторамъ свой отчетъ. Думаю, что по мысли составителей устава дѣло должно было обстоять нѣсколько иначе. Уставъ, мнѣ кажется, предполагалъ, что каждый студентъ, въ продолженіи четвертаго академическаго года, долженъ съ возможною обстоятельностью изучить предметы своей группы въ ихъ полномъ объемѣ, а уже на самомъ экзаменѣ ему будетъ указанъ тотъ отдѣлъ предмета, по которому экзаминаторы желаютъ выслушать его отчетъ. Практика же такъ исказила мысль устава, что наши магистерскіе экзамены по существу своему оказались совершенно не соответствующими ихъ громкому названію. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ лишь припомнить заглавія тѣхъ отдѣловъ, по которымъ мы отвѣчали на нашихъ экзаменахъ. Я готовился и отвѣчалъ напр. по русской церковной исторіи „о ересьяхъ въ русской церкви XV и XVI столѣтія“, по новой церковной исторіи—„о пуританствѣ“, по русской гражданской исторіи—„объ Іоаннѣ Грозномъ“. Само собою разумѣется, что какъ бы прекрасно

ни отвѣчалъ я на эти вопросы, по моимъ отвѣтамъ никакъ нельзя было составить правильное понятіе о степени моихъ познаній въ указанныхъ предметахъ вообще.

Сдачею магистерскихъ экзаменовъ оканчивался нашъ учебный курсъ, и къ этому времени академическій портной уже доставлялъ намъ форменные фраки и сюртуки духовно-учебнаго вѣдомства съ бархатными воротниками и свѣтлыми пуговицами. Ясно, что даже по признанію самого начальства мы переходили теперь изъ студенчества въ положеніе полноправныхъ гражданъ, выступающихъ на самостоятельную служебную дѣятельность. Совершая этотъ переходъ, мы съ чувствомъ глубокой признательности оглядывались на минувшіе годы, на четырехлѣтній пройденный путь. Хорошо жилось намъ въ академіи и было чѣмъ вспомнить нашу привольную студенческую жизнь.

Во всѣхъ обыденныхъ порядкахъ этой студенческой жизни мы пользовались тогда большою свободой, и намъ, какъ взрослымъ людямъ, въ весьма значительной степени предоставлялось самимъ, по собственному такту и разумѣнію, располагать собою и своими поступками. Посѣщеніе профессорскихъ лекцій въ наше время было вообще довольно исправнымъ. Что касается лекцій по предметамъ спеціальнымъ, то студенты нашего церковно-историческаго отдѣленія посѣщать ихъ считали непремѣнною обязанностію и рѣдко можно было замѣтить отсутствіе въ аудиторіи одного или двухъ, почему-либо уклонившихся отъ исполненія этой, всѣми нами общепризнанной, обязанности. Записавшись въ историки, мы признавали долгомъ чести оказывать надлежащее уваженіе предметамъ своей спеціальности. Нѣсколько инымъ было наше отношеніе къ лекціямъ по предметамъ общеобязательнымъ. Даже такіе уважаемые лекторы, какъ О. Арх. Михайлъ и В. Д. Кудрявцевъ-Платоновъ, нерѣдко видали въ своей аудиторіи гораздо менѣе слушателей чѣмъ слѣдовало. На этой почвѣ происходили иногда и нѣкоторые неприятные инциденты. „Александръ Васильевичъ имѣлъ напр. обыкновеніе посѣщать неожиданно профессорскія лекціи и заставлялъ иногда въ аудиторіи студентовъ въ гораздо меньшемъ количествѣ, чѣмъ-бы слѣдовало. Въ такихъ случаяхъ онъ приказывалъ дежурному студенту переписать всѣхъ отсутствующихъ въ журналъ, гдѣ велся отчетъ о дневныхъ

занятіяхъ. Послѣ подобной переписи долгое время провинившимся студентамъ приходилось расплачиваться за свою провинность. Каждый день, когда очередной дежурный являлся съ журналами къ о. ректору, А. В-чъ прежде всего отыскивалъ роковую страницу переписи и, если находилъ въ ней фамилію явившагося, начиналъ журить его за допущенную нѣкогда неисправность. Вынести эти кроткіе укоры, слушать эти глубокіе вздохи было хуже всякаго наказанія. Но не столько начальникъ и ректоръ слышался намъ въ этихъ укорахъ и вздохахъ, сколько любящій, огорченный отецъ“¹⁾.—Съ преимущественнымъ вниманіемъ и усердіемъ всѣ мы относились къ работѣ надъ сочиненіями. Такое отношеніе установилось давнимъ обычаемъ, по которому въ московской академіи письменнымъ работамъ всегда придавалось особенно высокое значеніе. Въ наше время академическимъ совѣтомъ была установлена даже точная математическая расцѣпка, въ силу которой баллъ, полученный студентомъ за семестровое сочиненіе, считался въ четыре раза выше балла за устный отвѣтъ на экзаменѣ, а за кандидатское сочиненіе—даже въ двѣнадцать разъ. Благодаря такой высокой оцѣнкѣ сочиненій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и тому обстоятельству, что самостоятельная творческая работа способна заинтересовать студента гораздо болѣе, чѣмъ пассивное воспріятіе профессорскихъ лекцій, мы этой работой занимались съ увлеченіемъ, не разгибаясь сидѣли надъ нею цѣлые дни, а нѣкоторые изъ насъ не хотѣли подчасъ оторваться отъ нея даже для церкви и аудиторіи. Наибольшаго напряженія достигала эта работа, конечно, въ тѣ дни, когда приближался срокъ, назначенный для подачи заданнаго сочиненія. Помню, бывали случаи, когда мы почти всю ночь просиживали за своей работой. Наша небольшая компанія такихъ увлекшихся и запоздавшихъ сочинителей собиралась вмѣстѣ въ одномъ номерѣ и соединенными силами принимала нѣкоторыя спеціальныя мѣры къ тому, чтобы поддержать въ себѣ бодрость духа и мысли на предстоящую ночь напряженнаго труда. Служитель приносилъ въ нашъ номеръ ки-

¹⁾ Выдержка изъ моей статьи—рѣчи: „Изъ воспоминаній объ А. В. Горскомъ“. См. Богословскій Вѣстникъ 1900 г. № 11, а также отдѣльную брошюру: „Протоіерей Александръ Васильевичъ Горскій въ воспоминавіяхъ о немъ М. Д. Академіи въ 25-ю годовщину со дня его смерти“.

пящій самоваръ, а къ крѣпкому чаю подавалась бутылка кагора и пачка сигаръ. Вотъ съ какимъ комфортомъ раздѣлывали мы свою науку.

Г Л А В А V.

Развлеченія и удовольствія нашей студенческой жизни.

Такую роскошь, какъ вино и сигары, студенческая братія могла, конечно, позволить и позволяла себѣ лишь въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ; при обыденныхъ же условіяхъ жизни наши претензіи были гораздо болѣе скромными. Большинство изъ насъ были вполне довольны, если имъ удавалось выпить одну или двѣ рюмки водки передъ обѣдомъ или передъ ужиномъ. Обыкновенно три—четыре студента устроили складчину соотвѣтственно состоянію своихъ ресурсовъ и командировали служителя за такъ называемой сороковушкой, т. е. маленькой бутылочкой изъ подъ сельтерской воды, вмѣщавшей въ себѣ $\frac{1}{40}$ часть ведра. Къ этой посудинѣ при благопріятныхъ обстоятельствахъ присоединялась приличная закуска въ видѣ колбасы или селедки; а въ минуту жизни трудную приходилось ограничиваться одними казенными продуктами въ видѣ чернаго хлѣба, соли и горчицы. Мои добрые друзья какъ-то придумали даже такую удивительную закуску, одно воспоминаніе о которой доселѣ приводитъ меня въ содраганіе. Каждый изъ нихъ, по очереди, отправлялся въ академическую больницу и бралъ тамъ, яко-бы для леченія, стклянку неочищеннаго, темнаго рыбьяго жира. Тотъ жиръ они наливали на тарелку, посыпали солью и, выпивъ по рюмочкѣ водки, обмакивали въ тарелку куски чернаго хлѣба и закусывали этимъ необычайнымъ провансалемъ. повидимому, съ большимъ удовольствіемъ. Не смотря на всѣ убѣжденія и хвалебные отзывы своихъ пріятелей, я ни разу не рискнулъ попробовать этой отчаянной закуски и даже видѣть ее не могъ равнодушно. Излюбленнымъ мѣстомъ нашихъ распивочныхъ собраній были такъ называемыя „печуры“—маленькія комнатки служителей, находившіяся сзади студенческихъ номеровъ. Здѣсь мы и проводили полчаса или часъ въ пріятельской бесѣдѣ подлѣ своей сороковушки. Такую пріятную компанію однажды засталъ въ печурѣ самъ нашъ папашенька Александръ Ва-

Сильевичъ. Какъ-то зашелъ онъ туда въ сопровожденіи какихъ-то двухъ джентльменовъ. Вѣроятно это были не почетные посѣтители, которыхъ, конечно, не было надобности водить по печурамъ; а какіе-нибудь техники или архитекторы, производившіе осмотръ академическихъ зданій. Студенты, засѣдавшіе въ печурѣ, пришли, конечно, въ большое смущеніе; но добрый папашенька не показалъ и вида, что онъ замѣчаетъ нелегальную обстановку ихъ бесѣды, и даже послѣ того никому изъ нихъ не сказалъ ни слова по поводу происшедшаго. Въ печурахъ засѣдали лишь обыденныя маленькія компаніи, а когда выпивки получали по числу участниковъ болѣе широкіе размѣры, онѣ происходили въ чайной комнатѣ. Поводами для такихъ болѣе многочисленныхъ собраній обыкновенно служили разнаго рода поздравленія, изъ которыхъ нѣкоторыя имѣли даже характеръ обязательнаго налога. Каждый авторъ проповѣди напр., удостоившійся ея произнесенія съ церковнаго амвона, непременно устраивалъ угощеніе своимъ близкимъ товарищамъ. Такой же налогъ, даже въ точно установленной денежной цифрѣ, должно были принять на себя всѣ, получавшіе награды на академическомъ актѣ. Размѣръ налога на нашемъ курсѣ установленъ былъ въ 10%, какъ съ денежныхъ наградъ, которыя выдавались на актѣ въ количествѣ двадцати и пятнадцати рублей, такъ и съ наградъ книгами, по ихъ продажной стоимости. Само собою разумѣется, что на такихъ поздравленіяхъ, а также на добровольно устраивавшихся именинахъ, дѣло заходило гораздо дальше скромныхъ сороковушекъ; но случаи настоящаго, крупнаго пьянства и на нихъ были очень рѣдки. Въ большинствѣ своемъ эти собранія имѣли совершенно приличный видъ; а маленькія наши компаніи въ печурахъ своею уютностію, своею скромной, какъ бы домашней обстановкой и живой пріятельской бесѣдой, оказывали на участниковъ даже благотворное вліяніе мирнаго отдыха и дружественнаго товарищескаго единенія. Такое пріятное впечатлѣніе выносили изъ нашей печуры и нѣкоторые посторонніе молодые люди, случайно попадавшіе въ нашу компанію, какимъ былъ напр. старшій братъ мой—студентъ ярославскаго лицея и близкій мой другъ—студентъ петроградской духовной академіи И. А. Покровский¹⁾. Оба они пришли въ нѣкоторое

¹⁾ Оба они уже скончались въ должности—первый судебнаго слѣдова-
Вѣст. № 3—4. 1916.

умиленіе отъ нашей печуры, а Иванъ Алексѣевичъ завидовалъ московскимъ порядкамъ, сравнивая ихъ со своими петроградскими. „Выпиваютъ“, говорилъ онъ, „и у васъ и у насъ; но у васъ—въ приличной обстановкѣ, не торопясь, въ пріятельской бесѣдѣ, а у насъ—торопливо и крадучись, гдѣ-нибудь за шкафомъ въ темномъ углу, чашкой или чайнымъ стаканомъ. У васъ выпиваніе не цѣль, а лишь средство къ тому, чтобы провести весело время; а у насъ пьютъ, только чтобы пить“. Въ петроградской академіи царила тогда, какъ видно, дисциплина строгая; но сохранившіяся у меня письма Ивана Алексѣевича ясно показываютъ, что эта строгость едва ли могла похвалиться особенно благопріятными результатами. Вотъ нѣсколько выдержекъ изъ этихъ писемъ 1870 и 1871 года. „Что, у васъ въ академіи строго?..“ спрашивалъ Иванъ Алексѣевичъ въ письмѣ черезъ мѣсяць послѣ своего поступленія. „У насъ ужъ какъ строго! Въ театръ напр. попроситься и не могли. Недавно у насъ произошло печальное явленіе. Нѣкто Л. (изъ Вятской семинаріи) пришелъ въ столовую выпивши, и тамъ вслухъ пофилософствовалъ о томъ, что Богъ худо сдѣлалъ, сотворивши рыбу со множествомъ костей, ибо это сильно мѣшаетъ человѣку при яденіи рыбы. Объ этомъ начальство узнало и немедленно попросило г-на Л. подать прошеніе объ увольненіи, а въ противномъ-де случаѣ и такъ исключимъ. Л. подаль прошеніе и получилъ уже документы“... „Пьянство у насъ, братъ, развивается; молодые студенты, считавшіе прежде чѣмъ-то безнравственнымъ напиться чаю въ трактирѣ, теперь дерутъ сивуху съ артистичностью отставныхъ солдатъ. И замѣчательно: больше пьютъ все хорошіе люди, и пьютъ, по собственному признанію, чтобы сколько-нибудь оразнообразить и подцвѣтить скучную жизнь. Вотъ-те и академія въ столицѣ, которая всегда могла бы представить благородныя развлеченія для разнообразія жизни! А все виновато начальство и въ особенности Его Превосходительство Г. инспекторъ Лучицкій, всѣ свои старческія силы употребляющій, чтобы студенты не ходили въ городъ“... „Читали ли вы про нашъ концертъ, бывшій въ пятницу на масляницѣ?..“ писалъ Ив. А-чъ въ февралѣ 1871 г.

теля въ московской губерніи, а второй—управляющаго отдѣленіемъ Волжско-Камскаго коммерческаго банка въ Саратовѣ.

„Славно сошелъ, самъ Кирилль ¹⁾ изволилъ дать для употребленія собственное фортепiано. Посѣтители входили по билетамъ, все было чинно и благопристойно. За то, послѣ концерта мы всѣ перепились и передрались (явленіе нерѣдкое на старшемъ курсѣ)“. А о другомъ концертѣ въ декабрѣ того же года Ив. А-чъ писалъ: „Концертъ въ нашей академіи сошелъ блистательно самъ по себѣ, не скверно по нѣкоторымъ результатамъ. Вопреки желаніямъ начальства, на нашъ концертъ приплыло очень много постороннихъ посѣтителей, между коими были и дамы, и, вопреки его ожиданіямъ, учинилось великое пьянство (къ стыду нашему) съ различными безобразіями напр. мордобитіями и стеклобитіями. Во второмъ часу ночи самъ Превосходительный Кирилль приходилъ разгонять студентовъ. Впрочемъ, узнавши, какой характеръ имѣетъ пьянство, онъ испугался и послалъ въ самое настоящее сборище субинспектора, а самъ свои инспекторскія способности обнаружилъ только тѣмъ, что обозвалъ нашъ балъ „столпотвореніемъ вавилонскимъ“ и „адамъ кромѣшнымъ“ и съ угрозою, завтра разобрать все дѣло, поспѣшилъ удалиться. Выпито было такъ много, что никто ничего знать не хотѣлъ. О характерѣ пьянства ты можешь судить изъ того напр., что на одномъ изъ устроенныхъ студентами буфетовъ выпито 1½ ведра очищенной, ½ ведра наливки и 3 ящика пива,—это на одномъ только, а всѣхъ было три...“

Была при насъ и въ Московской академіи крупная исторія скандальнаго свойства, надѣлавшая въ свое время не мало шума. Въ одно прекрасное утро обнаружилось на нашемъ курсѣ безслѣдное исчезновеніе двухъ студентовъ, неизвѣстно куда. Проходятъ два-три дня, а бѣглецы не возвращаются и нѣтъ о нихъ никакихъ извѣстій. Наше начальство всполошилось, конечно, и приняло всѣ возможные мѣры къ выясненію причинъ и обстоятельствъ загадочнаго происшествія. По разслѣдованію оказалось, что отецъ одного изъ скрывшихся студентовъ, состоятельный священникъ сосѣдней губерніи, имѣлъ неосторожность довѣрить своему сыну полученіе въ Москвѣ по какому-то наслѣдственному дѣлу довольно значительной денежной суммы, въ размѣрѣ нѣ-

¹⁾ Кирилль Ивановичъ Лучицкій.

сколькихъ тысячъ рублей. Сынъ отправился въ Москву, захвативъ съ собою для компаніи другого студента, своего пріятеля, и, по свойству и наклонностямъ ихъ обоихъ, можно было опасаться, что они дали полученнымъ деньгамъ не надлежащее употребленіе. Тогда начальство командировало въ Москву субъинспектора съ оригинальнымъ порученіемъ: совершить объѣздъ разныхъ увеселительныхъ учрежденій сомнительной репутаціи и постараться разыскать гдѣ-либо предполагаемую резиденцію нашихъ кутящихъ бѣглецовъ, чтобы предложить имъ немедленно возвратиться въ академію. Вѣроятно не безъ содѣйствія полиціи, субъинспекторъ нашелъ заблудившихся, но они на его предложеніе отвѣчали рѣшительнымъ отказомъ. И вотъ, начались между сомнительнымъ московскимъ убѣжищемъ и нашей академіей любонитные переговоры. Съ одной стороны, наше начальство предъявляло свои требованія, а съ другой — зарвашіеся юноши находили возможнымъ выставять тѣ условія, на которыхъ соглашались вернуться въ академію. Исходъ этой печальной исторіи, конечно, не замедлилъ. Прибывшій въ Москву отецъ успѣшилъ отобрать у сына оставшіяся не растраченными деньги, а совѣтъ академіи немедленно исключилъ обоихъ виновныхъ, безъ права поступленія въ какое-либо высшее учебное заведеніе въ продолженіе года. Въ такихъ именно чертахъ была извѣстна эта исторія на нашемъ курсѣ, но такъ какъ мы не были посвящены во всѣ ея подробности, то за точность изложенныхъ свѣдѣній я, конечно, ручаться не могу. Какъ-бы то ни было, во всякомъ случаѣ эта исторія представляется явленіемъ случайнымъ, касающимся лишь отдѣльныхъ личностей. Такихъ личностей было на нашемъ курсѣ нѣсколько. Онѣ составляли изъ себя теплую компанію, которая нерѣдко въ довольно высокой степени проявляла свою наклонность къ сильнымъ ощущеніямъ. Къ счастью для товарищей, подвиги этой компаніи обыкновенно происходили гдѣ-нибудь на сторонѣ, въ трактирахъ, кабакахъ и другихъ злчныхъ мѣстахъ посада. Къ намъ въ академію она появлялась большею частію уже готовою, въ нѣсколько мрачномъ видѣ, съ растрепанной шевелюрою, въ распахнутыхъ, полу-спустившихся съ плечъ шинеляхъ, и молчаливо шествовала по номерамъ, или пробиралась къ своимъ постелямъ. Появленія этой компаніи ничѣмъ почти

не нарушали обычнаго хода нашей курсовой студенческой жизни, и никакихъ отъ нея громкихъ безобразій, а тѣмъ болѣе стеклобитій или мордобитій, я совершенно не припомню. Самое существованіе этой компаніи не было продолжительнымъ. Двое изъ ея членовъ, какъ я сейчасъ сказать, были исключены изъ академіи; одинъ скончался во время каникулярнаго отпуска на своей родинѣ и еще одинъ, принятый на нашъ курсъ вольнослушателемъ съ обязательствомъ для зачисленія въ студенты представить въ продолженіи года всѣ назначенныя намъ семестровыя сочиненія и, вмѣстѣ съ нами, сдать переходный экзаменъ на второй курсъ, не выдержалъ удовлетворительно этихъ испытаній и потому долженъ былъ оставить академію. Въ результатѣ оказалось, что къ Рождеству второго года отъ этого всепьянѣйшаго собора на нашемъ курсѣ не осталось и слѣда, а съ его прекращеніемъ уже не встрѣчались у насъ, хотя-бы и отдѣльными мрачныя пошатывающіяся фигуры, и, даже въ какихъ-либо особенныхъ случаяхъ, на студенческихъ пирушкахъ въ пещурахъ или чайныхъ обыкновенно можно было застать только, можетъ быть, слишкомъ шумное веселье, но не пьяное сборище, готовое ежеминутно разразиться буйнымъ скандаломъ. При такомъ положеніи дѣлъ, читая петроградскія письма своего друга, я тогда-же находилъ, что по части общестуденческаго пьянства „столичная“ академія, несмотря на всю строгость своей дисциплины, превосходила нашу „деревенскую“.

Въ провинціальной глуши посада, между тѣмъ, наша академія мало могла доставить студентамъ средствъ, чтобы „образнообразить и подцвѣтить скучную жизнь“, какъ говорилъ Ив. А—чь о своихъ товарищахъ. Въ нашемъ захолустьи не было не только театровъ, но даже и мало-мальски порядочныхъ улицъ, которыя обладали-бы тротуарами и давали возможность гуляющимъ съ интересомъ наблюдать разнообразіе бойкаго движенія городской жизни, любоваться и назидаться созерцаніемъ безчисленнаго количества богатыхъ и изящныхъ произведеній промышленности, искусства и науки, разсыпанныхъ по витринамъ блестящихъ магазиновъ, какъ это было всегда подъ рукою у петроградскихъ или кievскихъ студентовъ на ихъ Невскомъ или Крещатикѣ. Мы бродили по нашимъ Вианкамъ, Переяславкамъ и Кукуев-

камъ по снѣгу, пыли или жидкой грязи, непремѣнно по срединѣ улицы, такъ какъ за отсутствіемъ тротуаровъ хожденіе по незамошеннымъ краямъ нашихъ проспектовъ было часто очень рискованнымъ. Предметомъ нашихъ наблюденій были лишь посадскіе извозчики, крестьянскія подводы базарныхъ дней, да вереницы богомольцевъ и богомолокъ съ котомками за плечами; а любоваться намъ приходилось старыми, каменными торговыми рядами, мелкими лавчонками желто-фаянсовой посуды и игрушекъ мѣстнаго кустарнаго производства, да единственнымъ въ то время колоніальнымъ магазиномъ, витрина котораго украшалась жестянками консервовъ, колбасами, виноградомъ и яблоками. Репертуаръ нашихъ развлеченій въ „деревенской“ академіи скромнаго посада былъ, конечно, очень ограниченъ. Внутри студенческихъ номеровъ единственною игрою были шахматы, за которыми многіе изъ нашего курса любили засиживаться по нѣскольку часовъ. Что касается карточной игры, то, не знаю по какой причинѣ, она у насъ совершенно отсутствовала. Я, по крайней мѣрѣ, не припомню ни одного случая, когда самъ участвовалъ-бы въ этой игрѣ, или видѣлъ компаніи играющихъ. Очевидно, если и бывали подобные случаи, то настолько рѣдко, что совсѣмъ не оставили въ памяти моей никакого слѣда. Съ особеннымъ увлеченіемъ, развлекались мы игрою въ кегли. По распоряженію нашего начальства, кегельбанъ былъ устроенъ для насъ на одной изъ полянокъ такъ называемаго больничнаго сада, сзади бакалаврскаго корпуса. Такъ какъ это мѣсто было открытымъ и зимою заносилось сугробами снѣга, то пользоваться кегельбаномъ мы пачинали лишь съ наступленіемъ теплаго весенняго времени, а самый разгаръ кегельнаго сезона былъ у насъ обыкновенно въ періодъ экзаменовъ. Отлично помню тѣ чувства нетерпѣнія и зависти, которыя обуревали меня, когда я сидѣлъ въ аудиторіи на экзаменѣ, ожидая очереди своего отвѣта, или стоялъ уже у профессорскаго стола, обдумывая взятый билетъ, а тамъ за окномъ слышались соблазнительные звуки катавшихся по кегельбану шаровъ, или шелканья падавшихъ кеглей. Мои лучшіе друзья обладали фамиліями, начинавшимися съ первыхъ буквъ алфавита, и потому на каждомъ экзаменѣ очень рано получали свободу, а мнѣ бѣдному приходилось страдать почти до самаго обѣда и только издали

слушать раскаты кегельнаго грома. Затѣвая на кегельбанѣ большую игру, мы обыкновенно дѣлились на двѣ противныя партіи, челоуѣка по четыре въ каждой, и на проигравшую сторону возлагалась нѣкоторая матеріальная расплата. Въ весеннюю пору появлялось у насъ въ продажѣ такъ называемое „мартовское“ пиво, очень вкусное, мало хмельное и доступное по цѣнѣ, продававшееся, сколько помнится, по 40 коп. за четверть. Проигравшая въ кегельной битвѣ сторона должна была выставить четверть пива и мы, разгоряченные весеннимъ тепломъ и боевымъ моціономъ, всею своею компаніей съ наслажденіемъ, распивали этотъ темный, сладкій и ароматный напитокъ.—Много удовольствія могла, конечно, доставить музыка, но, къ сожалѣнію она находилась у насъ въ очень печальномъ положеніи. На нашемъ курсѣ была только одна гитара и на ней бренчали нѣкоторые любители, въ особенности-же одинъ изъ нашихъ лучшихъ пѣвцовъ Д. И. Ивановскій, который нерѣдко подъ ея аккомпаниментъ услаждалъ насъ исполненіемъ разныхъ романсовъ. Сильно ощущавшійся всѣми недостатокъ музыки вызвалъ наконецъ возбужденіе вопроса о пріобрѣтеніи рояля для общаго пользованія. Инициаторомъ и главнымъ дѣятелемъ въ этомъ случаѣ выступилъ мой давній товарищъ и недавній другъ П. М. Апостольскій. Самъ онъ вовсе не былъ хорошимъ музыкантомъ, но любилъ музыку страстно, теоретически былъ знакомъ съ нею такъ, какъ удается немногимъ любителямъ и самоучкамъ, какимъ былъ онъ, и, горячій поклонникъ Глинки, наизусть зналъ и „Жизнь за Царя“ и „Руслана“. По его призыву, между нами устроился по подпискѣ денежный сборъ на пріобрѣтеніе рояля; но этотъ сборъ, даже при участіи нѣкоторыхъ лицъ изъ профессорскаго персонала, не достигъ и сотни рублей. Тогда рѣшили обратиться за содѣйствіемъ къ „папашѣ“. Александръ Васильевичъ встрѣтилъ нашу затѣю съ полнымъ сочувствіемъ и обѣщалъ денежную помощь даже въ такихъ размѣрахъ, чтобы предполагаемый инструментъ былъ вполне приличнаго качества, а не сторублевый, какой мы имѣли въ виду на основаніи переговоровъ Апостольскаго съ какимъ-то настройщикомъ. Для своего содѣйствія „папаша“ ставилъ намъ лишь нѣкоторыя условія, которыя мы нашли вполне пріемлемыми, а именно онъ желалъ, чтобы мы имѣли въ виду музыку и

пѣніе церковныя, а изъ свѣтскихъ избирали то, что приличествуетъ питомцамъ академіи; чтобы мы не устроили концертовъ публичныхъ и чтобы постарались ввести въ академической церкви общее пѣніе. Однако довести дѣло до конца въ этомъ направленіи намъ не пришлось, такъ какъ оно неожиданно разрѣшилось въ благопріятномъ смыслѣ совсѣмъ съ другой стороны. Рояль былъ намъ пожертвованъ супругою почетнаго блюстителя академіи Г-жею Толоконниковой, а собранныя нами деньги мы обратили въ запасный музыкальный фондъ, который долженъ былъ расходоваться на покупку нотъ, а также на ремонтъ и настройку пожертвованнаго инструмента. Появленіе на нашемъ курсѣ рояля внесло, конечно, не мало новаго въ студенческую жизнь. Прежде всего, началось порядочное количество любителей, которые желали заниматься музыкою систематически; а потому нѣкоторые дневные часы, свободные отъ научныхъ студенческихъ занятій, распредѣлены были, по особому расписанію, между этими любителями для ихъ музыкальныхъ упражненій. Впрочемъ ихъ горячее на первыхъ порахъ рвеніе, не сопровождавшееся, конечно, особенно быстрыми и блестящими успѣхами, скоро остыло и всѣ они мало-по-малу прекратили свои занятія къ несомнѣнному благу нашего рояля, которому очень тяжело приходилось въ первые мѣсяцы его академической службы. Наиболѣе оживленнымъ музыкальнымъ временемъ были вечерніе часы, послѣ студенческаго ужина. На это время гардеробная нашего курса, гдѣ былъ поставленъ рояль, сдѣлалась клубомъ, куда каждый день собирались не только мы, но и многіе изъ тѣхъ студентовъ, которые обитали въ главномъ академическомъ корпусѣ. Подъ акомпаниментъ рояля выступали наши пѣвцы, — то солистами, то съ дуэтами, или тріо; составлялось хоровое пѣніе, а затѣмъ гремѣли кадрили и польки, и разошедшаяся молодежь пускалась въ плясъ со всевозможными выкрутасами. Приходили иногда взглянуть на нашу новинку и нѣкоторые почетные посѣтители. Помню напр., что заходилъ къ намъ большой любитель музыки профессоръ В. Н. Потаповъ и, по просьбѣ студентовъ, исполнилъ на нашемъ роялѣ свою любимую піесу—Шубертовскаго „Лѣснаго царя“.

Потребность въ развлеченіяхъ не ограничивалась только тѣмъ, что можно было найти въ предѣлахъ академіи, и мы

старались за стѣнами лавры взять по возможности все, что въ состояніи былъ доставить намъ въ этомъ отношеніи нашъ захолустный посадъ. Зимой 1872 г., когда мы перешли уже на третій курсъ, при благосклонномъ содѣйствіи нашего академическаго начальства, получено было отъ лавры разрѣшеніе устроить для студентовъ катокъ на принадлежащемъ монастырю прудѣ, который находится сзади старой гостиницы, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ расположеннаго вдоль восточной лаврской стѣны бульвара. Ни о какихъ теплушкахъ для раздѣванія мы, конечно, хлопотать не думали, и все приспособленія ограничились лишь устройствомъ на льду нѣсколькихъ скамеекъ; но за то академическіе сторожа и рабочіе каждый день аккуратно занимались чисткою и разметаніемъ нашего катка, который такимъ образомъ содержался въ полной исправности во все продолженіе зимняго сезона. Студенческій катокъ сейчасъ-же привлекъ къ себѣ вниманіе мѣстнаго населенія, и къ нему стали стекаться на прогулку многіе представители и представительницы посадской интеллигенціи. Вскорѣ и на конькахъ появились знакомые студентамъ посторонніе люди и барышни, а затѣмъ завели мы и кресла, съ которыми неустанно и наперерывъ носились по льду наши конькобѣжцы для удовольствія своихъ знакомыхъ дамъ и барышень. Каждый день, въ особенности при хорошей ясной погодѣ, послѣ студенческаго ранняго обѣда, на каткѣ царило большое оживленіе, заводились новыя знакомства, слышался громкій смѣхъ и веселые разговоры оживленной молодежи; но все это продолжалось лишь часа два и, съ ударами лаврскаго колокола къ вечернѣ, студенты обыкновенно уже сѣвшили пить чай въ академію, публика расходилась, сторожа убирали кресла и пустынный катокъ замиралъ до слѣдующаго дня. — И зимою и лѣтомъ студенты весьма усердно пользовались прогулками, что представлялось прямою необходимостію при долговременныхъ сидѣніяхъ на лекціяхъ и въ номерахъ надъ сочиненіями. Въ зимнее время для прогулокъ было мало простора: приходилось ограничиваться лишь дорожками академическаго сада, небольшимъ бульваромъ у монастырской стѣны, да посадскими улицами, идя по срединамъ которыхъ необходимо было постоянно оглядываться назадъ, чтобы успѣть во время дать дорогу крестьянскимъ розвальнямъ, часто мчавшимся

рысю съ раскатами во всѣ стороны, при чемъ ихъ возчики почти никогда не имѣли обыкновенія крикомъ предупреждать о своемъ приближеніи. Несравненно лучше было, конечно, весной и осенью, когда по просохшимъ дорогамъ вездѣ устанавливался свободный путь. Группы гуляющихъ студентовъ устремлялись тогда прежде всего на такъ называемую „насыпь“, т.-е. на высоко поднимавшееся надъ окрестностью полотно желѣзной дороги, пересѣкавшее Виѣанскую улицу по направленію къ Ярославлю. Эта насыпь была, можно сказать, единственнымъ мѣстомъ прогулки для посадской публики, которая могла здѣсь при желаніи сдѣлать хотя бы нѣсколько верстъ на хорошемъ воздухѣ, среди луговъ, полей и перелѣсковъ. Въ теплые апрѣльскіе и майскіе дни, при распутившейся зелени, съ большимъ удовольствіемъ путешествовали мы въ Геосиманскій и Черпиговскій скиты и къ Виѣанскому монастырю, гдѣ почти вся дорога шла по рощамъ и вблизи красивыхъ монастырскихъ прудовъ. При нашихъ прогулкахъ мы не всегда ограничивались лишь созерцаніемъ красотъ природы, но иной разъ пользовались ими, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ потѣшить себя маленькимъ угощеніемъ. Въ этихъ случаяхъ любили мы дѣлать привалъ въ посадскихъ блинныхъ, — любопытномъ учрежденіи, которое, кажется, хорошо извѣстно всѣмъ, приходящимъ или прїѣзжающимъ на богомолье въ Троицкую-Сергіеву лавру. Расположившись за небольшимъ столикомъ въ одной изъ полуоткрытыхъ деревянныхъ палатокъ у какой-либо знакомой гостепріимной блинницы, мы съ наслажденіемъ заканчивали свою прогулку то шипучими блинами, украшенными разнымъ припекомъ, то жареными карасями или грибами, то почкою съ картофелемъ. Все это было очень дешево, казалось намъ замѣчательно вкуснымъ и приготавлилось тутъ-же въ маленькой печкѣ на нашихъ глазахъ. Употребленіе спиртныхъ напитковъ въ блинныхъ было запрещено полиціей, но наша услужливая блинница всегда умѣла быстро доставить намъ желанную сороковушку, которую мы и распивали безпрепятственно, соблюдая лишь должную осторожность, чтобы нашъ законопреступный поступокъ не бросился въ глаза какому-нибудь неожиданному наблюдателю.—Затѣвали мы иногда и довольно далекія прогулки, верстъ за восемь или за десять, какъ напр. на Торбѣвское озеро или къ историческому селу

Деулину. Это были уже настоящие пикники, такъ какъ, отправляясь на довольно продолжительное время, приходилось брать съ собою немалое количество всякой провизіи. Добравшись до цѣли своего путешествія, мы выбирали гдѣ-нибудь на опушкѣ лѣса красивое уютное мѣстечко, располагались въ кружокъ на травѣ за добытымъ у мѣстныхъ обитателей самоваромъ и пировали часа два, оглашая окрестность дружной студенческой пѣсней.—Большимъ стѣсненіемъ для нашего подъ-часъ широкаго гулевого размаха было то обстоятельство, что академія пріютилась въ монастырскихъ стѣнахъ, а входныя лаврскія ворота были заперты съ десяти часовъ вечера до утрени, благовѣсть въ которой начинался въ три часа. Гуляя гдѣ-либо или будучи въ гостяхъ у знакомыхъ, студенты должны были твердо помнить, что имъ необходимо посигѣть къ монастырскимъ воротамъ никакъ не позднѣе десяти часовъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ ихъ положеніе становилось критическимъ и имъ предстояло удовольствіе волей-неволей гулять гдѣ угодно до заутрени, хотя-бы и при лютомъ морозѣ. До одиннадцати часовъ была еще нѣкоторая возможность проникнуть въ ворота, хотя не безъ трудности и лишь при благопріятныхъ обстоятельствахъ. Дѣло въ томъ, что въ это время ключи отъ запертыхъ воротъ находились еще въ рукахъ привратника, такъ какъ въ концѣ одиннадцатаго часа онъ долженъ былъ отворить калитку для впуска того монаха—сборщика, который ходилъ съ кружкою на вокзалѣ при приходѣ вечерняго Ярославскаго поѣзда. Запоздавшій студентъ могъ прибѣгнуть къ милостивому покровительству этого монаха и отъ его добраго сердца или хорошаго настроенія исполнѣ зависѣло впустить студента вмѣстѣ съ собою, или оставить его за воротами. Иногда вопросъ разрѣшался и нѣсколько иначе: студентъ вступалъ съ привратникомъ въ переговоры, и дѣло улаживалось уже не на почвѣ сердечныхъ расположеній, а при содѣйствіи презрѣннаго металла, который просовывался въ подворотню, послѣ чего калитка отворялась. Помню даже такой случай: одинъ изъ запоздавшихъ студентовъ, не имѣя ни копѣйки денегъ, просунувъ въ подворотню свои запонки и такое приношеніе, кажется, все-таки достигло своей цѣли. Всѣ подобнаго рода попытки были возможны однако только до одиннадцати часовъ, такъ какъ въ это время ключи уже

относились, какъ говорили, къ о. казначею лавры и такимъ образомъ приворотная стража оказать кому-либо снисхожденіе была не въ силахъ. При такихъ условіяхъ, по вечерамъ праздничныхъ дней, особенно въ хорошую ясную погоду, постоянно можно было видѣть нашихъ студентовъ, усиленно спѣшившихъ съ разныхъ концовъ посада къ его центру, чтобы застать еще открытую калитку; но былъ въ наше время одинъ случай, когда, вопреки общему обыкновенію, по поводу той-же запертой калитки проявила среди студентовъ свое дѣйствіе сила не центростремительная, такъ сказать, а центробѣжная. Одному изъ студентовъ почему-то непременно понадобилось выбраться изъ академіи въ посадъ среди ночи, когда проникнуть чрезъ запертыя ворота уже не было никакой возможности. Въ опустѣвшихъ на ночь номерахъ нашего курса онъ собралъ веревки отъ блоковъ всѣхъ дверей и, связавъ ихъ вмѣстѣ, отправился на монастырскую стѣну, задумавъ спуститься съ нея по веревкѣ на бульваръ. Чтобы сократить высоту спуска, онъ прикрѣпилъ верхній конецъ своей веревки къ бойницѣ стѣны въ томъ мѣстѣ, гдѣ внизу тянулся рядъ деревянныхъ палатокъ, въ которыхъ помѣщались лавочки для торговли кустарными издѣліями, а также мастерскія часовщика и парикмахера и жилища сторожей. Очевидно, онъ рассчитывалъ, добравшись по веревкѣ до кровли палатокъ, затѣмъ уже безъ труда спуститься съ нея на землю. Задуманный планъ безпрепятственно былъ приведенъ имъ въ исполненіе и акробатъ-любитель благополучно скрылся гдѣ-то въ посадѣ. Однако шумъ его шаговъ по желѣзной кровлѣ палатокъ разбудилъ сторожей бульвара и, повидимому, кто-то изъ нихъ успѣлъ нѣсколько разглядѣть его лицо. Опасаясь розыска и осмотра сторожей при своемъ дневномъ возвращеніи чрезъ лаврскія ворота, нашъ герой придумалъ сбрить себѣ усы и бороду и благополучно вернулся въ академію. Отъ монастырскаго начальства явились, конечно, съ жалобой на учиненное безобразіе и, въ качествѣ вещественнаго доказательства, предъявили наши веревки; но никакихъ уликъ противъ кого-либо въ частности у жалобщиковъ не было, а потому, за неразысканіемъ виновнаго, жалоба осталась безъ послѣдствій. Въ нашей студенческой средѣ догадывались, что героемъ приключенія былъ студентъ старшаго курса; но эта догадка основывалась, кажется, един-

ственно на той неожиданной и безпричинной перемѣнѣ физиономіи, какую онъ себѣ устроилъ. Никакой официальной карѣ онъ, однако, подвергнутъ не былъ, хотя мы все были увѣрены, что наша инспекція вполне осведомлена относительно всехъ обстоятельствъ дѣла.

Когда не посѣвала къ воротамъ возвращавшаяся съ прогулки цѣлая компанія, обладавшая притомъ нѣкоторымъ достаткомъ, она не желала, конечно, до заутрени бродить по посадѣ или толкаться на бульварѣ, но предпочитала искать себѣ гдѣ-либо пріютъ для ночлега. Ночевать въ монастырскихъ гостиницахъ не считалось удобнымъ, такъ какъ онѣ состояли подъ непосредственнымъ наблюдениемъ лаврскихъ монаховъ, а стоимость номеровъ въ нихъ не особенно подходила къ студенческому карману. Къ услугамъ студентовъ въ подобныхъ случаяхъ являлись разныя низкопробныя меблированныя комнаты и сомнительнаго свойства убѣжища, ютившіяся гдѣ-то на Нижней улицѣ и въ прилегавшихъ къ ней закоулкахъ. Помню одно изъ такихъ убѣжищъ и въ немъ типичную, съ отекашею физиономіей, фигуру „Кирюшки“, который исполнялъ обязанности камердинера, таская самовары и бѣгая за выпивкой и закуской для господъ посѣтителей. Однажды случилось, что наша небольшая компанія по внезапному вдохновенію очутилась даже въ такихъ далекихъ мѣстахъ, куда попасть ей раньше не приходило и въ голову. Насъ было пятеро и въ томъ числѣ одинъ изъ самыхъ любимыхъ и уважаемыхъ товарищей нашихъ, студентъ-священникъ, о. Георгій Орловъ ¹⁾, котораго мы звали „историческій попъ“, такъ какъ онъ, вопреки установившемуся взгляду, поступивъ въ академію уже вдовымъ священникомъ, записался не на богословское отдѣленіе, а на церковно-историческое. Оставшись за воротами лавры, мы двинулись на вокзалъ къ позднему ярославскому поѣзду. Стояла чудная майская погода, мы чувствовали себя въ самомъ лучшемъ настроеніи, по случаю удачно сданнаго въ этотъ день экзамена, и въ нашемъ распоряженіи было свободное время, такъ какъ слѣдующій экзаменъ по исторіи раскола приходился черезъ шесть или семь дней, которыхъ было слишкомъ много для подготовки къ такому несложному

¹⁾ Скончался недавно въ санѣ Архіепископа Астраханскаго.

предмету. И вотъ, насъ вдругъ осѣнила мысль,—прокатиться по желѣзной дорогѣ до Александрова, ближайшаго уѣзднаго города Владимірской губерніи, въ сорока верстахъ отъ посада. Сказано-сдѣлано, и на слѣдующее утро мы уже путешествовали по Александрову и, вспоминая царя Грознаго, обозрѣвали достопримѣчательности этой, знаменитой нѣкогда, Александровской слободы. Но этого мало. По совѣту одного изъ членовъ нашей компаніи, В. В. Поспѣлова ¹⁾, мы поѣхали дальше по Карабановской вѣткѣ въ Махрицскую пустынь, а подлѣ этой пустыни, при храмѣ близъ лежащей слободы, былъ настоятелемъ отецъ Василія Васильевича, который со всею семьей своей оказалъ самый радушный пріемъ друзьямъ своего сына. Такъ пространствовали мы двое сутокъ и лишь на третій день благополучно возвратились въ академію.

Въ бытность свою на четвертомъ курсѣ я, какъ выше было сказано, на четыре мѣсяца уѣзжалъ изъ академіи въ Москву и въ домѣ отца своего занимался магистерской диссертацией. Не участвуя такимъ образомъ за это время въ прогулкахъ и пирушкахъ товарищей, я тѣмъ не менѣе не прерывалъ съ ними своего дружественнаго общенія. Нѣкоторые изъ нихъ, особенно въ рождественскіе праздники, навѣщали меня въ Москвѣ и, кромѣ того, мы письменно обмѣнивались новостями другъ съ другомъ. Помню напр., какъ однажды однокурсникъ мой Ив. Ник. Корсунскій ²⁾ привезъ мнѣ большое коллективное посланіе отъ кружка товарищей съ подробнымъ описаніемъ, между прочимъ, какихъ-то ихъ веселыхъ похожденій. На это посланіе я отвѣтилъ имъ шуточнымъ подражаніемъ „Письмамъ темныхъ людей“, съ которыми Д. О. Касицынъ знакомилъ насъ на своихъ лекціяхъ. Письмо мое, адресованное: „... *superabsurdissimis, praeobscurissimis, enormiter-potatoribus et immaniter-scortatoribus, diaboli autem malignitate, purissimae sanctissimaeque theologiae candidatis*“, начиналось такъ: „якоже Авраамъ, патриархъ древній, радовался ангеловъ пришествію, обѣтованія благая отъ Бога онѣму приносящихъ, и якоже Авгарь, царь Едесскій, радостію возрадовался, егда писанія николиже писавшаго въ своя рупѣ пріять,

¹⁾ Давно уже скончался смотрителемъ Шуяскаго дух. училища.

²⁾ Скончался ординарнымъ профессоромъ Моск. академіи.

и якоже римляне и коринѣяне, галатяне и ефесяне, веселемъ веселяхуся, егда божественная писмена апостола великаго къ назиданію души своя улучиша,—сиде и мнѣ грѣшному радостію неизглаголанною сердце исполнися, егда медорѣчивый оный и вельми сладкоглаголивый ангель вашъ¹⁾ моему лицедрѣнію предста и извлеченная изъ шуія страны милоти своя писмена моему смиренномудрію вручи. Чаяхъ бо азъ рукописанія ради свѣтлопросвѣщенныхъ другъ своихъ утѣшеніе веліе души своея пріяти. Уму моему въ мыслѣхъ бѣуща и сердцу тренещушу, сокрушихъ азъ рукама дрегущимама на писменахъ вашихъ смоленіемъ запечатлѣніе и абіе сбытсѣ реченное Давидомъ пророкомъ, яко сердце мое смятсѣя...

При окончаніи курса, у нашего тѣснаго пріятельскаго кружка явилось желаніе закрѣпить память о нашей дружбѣ фотографическою группою, вложивъ въ нее нѣкоторый особенный замыселъ. Мой петроградскій другъ какъ-то писалъ мнѣ: „Изъ твоего письма я вижу, что ты умѣешь гулять очень хорошо, даже слишкомъ хорошо; но за то въ соответственномъ порядкѣ умѣешь и работать“. Вотъ эту именно мысль мы и задумали выразить въ предполагаемой группѣ. Намъ хотѣлось, чтобы эта группа могла показать, что мы хорошо умѣемъ гулять, но столь-же хорошо умѣемъ и работать. Для осуществленія такого намѣренія мы задумали сняться въ двухъ видахъ. Первая наша группа предполагалась у стола, загроможденнаго кипами бумагъ и фоліантами, закрытыми и раскрытыми, и грудями книгъ, не только, на самомъ столѣ, но и на полу подъ нимъ, и на стоящихъ подлѣ стульяхъ. Всѣ мы должны были сидѣть здѣсь, углубившись въ письмо и чтеніе, съ серьезно-задумчивымъ, сосредоточеннымъ видомъ людей, предавшихся научной работѣ. Эта группа должна была помѣститься въ рамкѣ за стекломъ и висѣть на видномъ мѣстѣ у каждаго изъ насъ въ нашемъ будущемъ кабинетѣ. Вторая группа предполагала дать изображеніе тѣхъ же лицъ въ полный разгаръ веселой пирушки со всѣми аксессуарами соответствующей обстановки. Эту

¹⁾ Ив. Ник. Корсунскій отличался необыкновенною любезностію, пріятливостію и лаской какъ въ самомъ тонѣ голоса, такъ въ разговорѣ и во всякой манерѣ обращенія съ окружающими.

группу имѣлось въ виду вставить въ ту же самую рамку, но съ обратной стороны. Наши будущіе посѣтители такимъ образомъ прежде всего видѣли бы „какъ мы умѣемъ работать“; но хозяинъ кабинета всегда могъ повернуть висящую рамку обратной стороной и показать своему гостю „какъ мы умѣемъ гулять“. Къ сожалѣнію, при осуществленіи этой затѣи судьба жестоко надѣ нами посмѣялась. Въ одно прекрасное утро пятеро насъ—пріятелей, дѣйствительно, отправились въ лаврскую фотографію и изобразили тамъ веселую пирушку: трое изъ насъ расположились за столомъ и на барьерѣ, подлѣ бутылокъ и казенной академической закуски изъ горчицы и чернаго хлѣба, держа и въ рукахъ кто бутылку, кто рюмку; а остальные двое на первомъ планѣ рисунка, босикомъ и въ халатахъ, выдѣлывали отчаяннаго трепака. Группа вышла удачной и любопытной, но..... тѣмъ дѣло и окончилось. Случилось какъ-то такъ, что, собираясь выполнить второй снимокъ, мы все откладывали со дня на день, да такъ и не собрались. Вышло въ результатѣ, какъ будто мы умѣемъ только гулять; а такую группу помѣстить въ рамкѣ на лицевой сторонѣ и повѣсить на стѣнку не особенно удобно, и я по крайней мѣрѣ предпочитаю держать ее въ письменномъ столѣ.

Кое-какія развлечения доставляла иногда студентамъ и общественная жизнь нашего посада. Однимъ изъ крупныхъ посадскихъ событій являлась напр. ежегодная майская ярмарка, пріурочиваемая къ десятой пятницѣ послѣ Пасхи. Обыкновенно она начиналась за недѣлю до этого срока и продолжалась болѣе двухъ недѣль. Съ большимъ удовольствіемъ, конечно, мы толкались по рядамъ ярмарочныхъ палатокъ; лакомились орѣхами, халвой, конфектами и пряниками; покупали себѣ галстуки, запонки, гребенки и тросточки и съ особеннымъ интересомъ копались въ палаткахъ книжныхъ, гдѣ студенты и лаврскіе монахи были главными покупателями и потому встрѣчались торговцами съ неизмѣнной любезностью. Помню, какъ однажды, я рассказалъ Александру Васильевичу о книгахъ, видѣнныхъ мною въ ярмарочной палаткѣ, и онъ поручилъ мнѣ купить нѣкоторыя изъ нихъ на данныя имъ деньги.

Какого-либо клуба или постоянного общественного собранія въ то время въ посадѣ не было. Чтобы хотя сколько-ни-

будь восполнить этот недостатокъ, мѣстная интеллигенція одинъ или два раза въ годъ устроила балъ по подпискѣ, при чемъ большое участіе принимали въ немъ многіе изъ профессоровъ академіи съ своими семействами. Хорошо помню одинъ изъ такихъ баловъ, главнымъ организаторомъ котораго былъ молодой жандармскій полковникъ К. А. Герцогъ,—хорошій знакомый почти всего нашего профессорскаго кружка. Балъ былъ устроенъ въ большомъ залѣ и прилегающихъ къ нему помѣщеніяхъ новой монастырской гостиницы, при участіи выписаннаго изъ Москвы прекраснаго оркестра Александровскаго военнаго училища, подъ управленіемъ славившагося въ то время Крейнбринга. Энергичный распорядитель бала лично ходатайствовалъ предъ о. ректоромъ о разрѣшеніи присутствовать на балу студентамъ, желающимъ и могущимъ принять участіе въ танцахъ. Разрѣшеніе было охотно дано, и десятка полтора студентовъ пропировали до пяти часовъ утра въ кругу всѣхъ, такъ сказать, сливокъ посадскаго общества. Въ этомъ удовольствіи, очевидно, была въ состояніи принять участіе только часть нашего студенчества, равно какъ сравнительно немногимъ изъ студентовъ удавалось завести знакомство съ какими-либо семействами изъ посадскаго общества, гдѣ они получали такимъ образомъ возможность изрѣдка провести вечеръ въ пріятномъ семейномъ кругу. Къ числу такихъ счастливицевъ принадлежалъ и я, такъ какъ, по стариннымъ и родственнымъ связямъ моихъ родителей съ академіей, у меня было въ посадѣ нѣсколько домовъ, куда я имѣлъ свободный доступъ и гдѣ встрѣчалъ всегда радушный пріемъ. Любилъ я навѣщать почтенныхъ старушекъ,—мать и сестру Александра Васильевича, которыя перебрались изъ родной Костромы въ посадъ, подъ крылышко своего дорогого „батьюшки“, и жили здѣсь, кажется на его полномъ содержаніи, въ маленькомъ уютномъ домикѣ близъ посадской Рождественской церкви. Милыя хозяйки встрѣчали меня съ неизмѣнной лаской, поили чаемъ съ халвою, и участливо разспрашивали о всѣхъ нашихъ общихъ родныхъ и знакомыхъ. Нерѣдко посѣщалъ я, еще одинокаго въ то время, проф. Д. Ѳ. Касицына, обитавшаго въ старой монастырской гостиницѣ, и, за стаканомъ чая, съ удовольствіемъ бесѣдовалъ съ нимъ о разныхъ нашихъ ученыхъ, академическихъ и студенческихъ дѣлахъ.

Но самыми веселыми изъ моихъ посадскихъ визитовъ были вечера въ гостепріимной семьѣ нашего инспектора, проф. С. К. Смирнова. У него были двѣ взрослые дочери, къ которымъ иногда приходили подружки, а потому къ С. К.—ду мы большею частію отпраплялись компаніей въ три—четыре человекъ и у насъ составлялось такимъ образомъ маленькое общество веселой молодежи. Милыя барышни услаждали насъ музыкой; нерѣдко составлялись даже танцы; радушная хлопотунья-маменька, Софья Мартиновна, любезно насъ угощала; а самъ Сергѣй Константиновичъ, не надолго изъ кабинета появляясь въ гостиной и залѣ, мимоходомъ подбадривалъ наше общее веселье неисчерпаемымъ запасомъ своихъ остроумствъ. Короткій студенческой вечеръ мчался съ досадной быстротой, и безъ четверти въ десять мы уже бѣжали къ лаврскимъ воротамъ.—Одинъ разъ въ зиму составлялась еще у насъ поѣздка въ большихъ парныхъ саняхъ въ Виену къ старѣйшему изъ преподавателей семинаріи Петру Петровичу Делицыну,—сыну извѣстнаго академическаго профессора Протоіерея Петра Спиридоновича. Въ этой поѣздкѣ обыкновенно участвовали мы трое: я, В. И. Аничковъ и А. М. Боголюбскій, такъ какъ наши отцы, магистры тринадцатаго и шестнадцатаго курса московской академіи, были сверстниками Петра Петровича, а двое изъ нихъ, служившіе бакалаврами академіи въ сороковыхъ годахъ, обитали на академическомъ „казенномъ дворѣ“ близкими сосѣдями Петра Спиридоновича, и потому Петръ Петровичъ зналъ насъ всѣхъ троихъ съ самаго младенчества. Веселый старецъ, большой острякъ и анекдотистъ, встрѣчалъ насъ съ отеческой лаской и мы съ большимъ интересомъ слушали его любопытные рассказы и воспоминанія о далекомъ прошломъ.—Состоятельные изъ студентовъ—москвичей имѣли, конечно, возможность разнообразить жизнь свою поѣздками на праздники къ роднымъ въ Москву; но для недостаточныхъ и провинціаловъ, не имѣвшихъ тамъ дароваго пріюта, это было слишкомъ дорого стоящею роскошью, которую позволяли себѣ лишь немногіе и очень рѣдко, по какимъ либо особеннымъ случаямъ, какъ напр. чтобы получить понятіе о нашемъ столичномъ театрѣ, или посѣтить всероссійскую выставку, которая была устроена въ Москвѣ въ 1872 году и на которую наше начальство выхлопотало студентамъ академіи бесплат-

ные сезонные билеты.—Въ общемъ выходило такъ, что наиболѣе интересными изъ доступныхъ студентамъ развлеченій пользовались лишь немногіе, для большинства же ихъ академическая жизнь тянулась очень однообразно, а подь-часъ даже способна была нагнать нѣкоторую тоску. Думается мнѣ, что именно этимъ унылымъ однообразіемъ можно объяснить тотъ общестуденческій обычай, который очень удивлялъ меня на первыхъ порахъ. Тотчасъ послѣ обѣда почти всѣ мои товарищи отправлялись къ своимъ постелямъ и укладывались спать, раздѣваясь совсѣмъ какъ на ночь, что представлялось мнѣ въ высшей степени страннымъ и несоотвѣтствующимъ ихъ юному возрасту. Живя въ семьѣ до поступления въ академію, я не приобрѣлъ такой привычки и потому, оставаясь совсѣмъ одинокимъ въ опустѣвшихъ номерахъ и не чувствуя иногда расположенія писать письма или читать какой-либо изъ выписывавшихся нами журналовъ, уныло бродилъ изъ угла въ уголъ и подь-часъ испытывалъ порядочную тоску. Въ подобныхъ случаяхъ желаннымъ утѣшителемъ часто являлся ко мнѣ одинъ изъ послѣднихъ представителей такого промысла, который теперь, кажется, давно уже совсѣмъ вышелъ изъ употребленія. Медленно и съ трудомъ отворялась тяжелая, на блокъ, дверь нашего номера, и на порогъ появлялась маленькая сгорбленная фигура глубокаго старца, не просто сѣдого, а уже съ пожелтѣвшими отъ времени кудрями и большою бородой, и съ кроткимъ ласковымъ взглядомъ еще живыхъ выразительныхъ глазъ. Это былъ старый типичный сбитеньщикъ, какого можно теперь увидѣть, кажется, только на картинкахъ,—съ громаднымъ, висящимъ на ручкѣ, мѣднымъ чайникомъ, кипящимъ отъ горячихъ углей, и съ особаго рода деревяннымъ ящикомъ на поясѣ, гдѣ у него помѣщались стаканчики, бутылка съ молокомъ и полотенце. Я совсѣмъ не былъ любителемъ этого напитка, но обязательно заказывалъ себѣ стаканчикъ, чтобы провести время въ интересной бесѣдѣ со старцемъ. Сколько было ему лѣтъ,—не знаю; но несомнѣнно онъ увидѣлъ свѣтъ далеко не въ послѣдніе годы восемнадцатаго столѣтія. Онъ прекрасно помнилъ, конечно, не только моего отца и его сверстниковъ, но и знаменитыхъ патріарховъ нашей академіи Федора Александровича Голубинскаго и Петра Спиридоновича Делицына въ ихъ молодые годы. Журча-

щимъ потокомъ лилась его тихая рѣчь объ академическихъ „преданьяхъ старины глубокой“, и подь звуки его рѣчи съ величайшимъ интересомъ уносился я въ эту далекую, дорогую намъ, область.

В. А. Соколовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Годы студенчества.

(1870—1874).

(Окончаніе) ¹⁾.

Г Л А В А VI.

Наше начальство: ректоръ, инспекторъ и его помощники.

Не богата была впечатлѣніями студенческая жизнь въ нашей „деревенской“ академіи, и не много было у насъ средствъ, „чтобы“, какъ писалъ мой петроградскій другъ, „сколько нибудь оразнообразить и подцвѣтить скучную жизнь“. „А все виновато начальство“, прибавлялъ онъ при этомъ; но изъ моихъ товарищей по московской академіи, я увѣренъ, никто этого не скажетъ. Наше начальство не только не тѣснило насъ и не давило какими-либо чрезмѣрными требованіями суровой дисциплины; но, напротивъ, съ отеческою снисходительностію относясь къ нашимъ легкимъ проступкамъ, само принимало по возможности всѣ доступныя мѣры къ тому, чтобы оразнообразить и подцвѣтить нашу скучную жизнь. Не начальство-ли соорудило для насъ кегельбанъ? Не оно-ли позаботилось объ устройствѣ и постоянной поддержкѣ катка для нашихъ конькобѣжцевъ? Не при его-ли сочувствіи и поддержкѣ мы приобрѣли рояль? Не оно-ли безъ малѣйшихъ затрудненій и съ полною охотой отпускало студентовъ и на посадскіе балы, и въ Москву для посѣщенія театровъ и выхлопатывало намъ бесплатные билеты для входа на московскую выставку? Къ нашему великому счастью, во главѣ этого начальства стоялъ при насъ незаб-

¹⁾ См. Бог. Вѣст., Мартъ—Апрѣль, 1916 г.

венный Александръ Васильевичъ. Чудный образъ этого рѣдкаго человѣка такъ много разъ былъ предметомъ благоговѣйныхъ, признательныхъ и восторженныхъ изображеній, что я не думаю давать здѣсь вновь его полную характеристику. Ограничусь лишь повтореніемъ того, что было уже сказано мною пятнадцать лѣтъ тому назадъ. „Еще въ 1854 г. въ день св. Пасхи, Александръ Васильевичъ писалъ въ своемъ дневникѣ: «ударъ колокола къ утрени на свѣтлый день засталъ меня на этихъ словахъ Евангелія Іоанна: «о семь разумѣютъ вси, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою». Мнѣ показалось это знаменательно для меня, нужно мнѣ часто повторять эту заповѣдь о любви». Вся послѣдующая жизнь А. В—ча служила доказательствомъ того, что онъ не только не забылъ этой заповѣди, но какъ бы воплотилъ ее въ себѣ, такъ что широкая, истинно-христіанская любовь была господствующей характеристической чертой всей его нравственной личности. Больше чѣмъ кто-либо другой, это чувствовала та многочисленная семья юныхъ питомцевъ, во главѣ которой онъ былъ поставленъ. Его отношенія къ намъ — студентамъ имѣли совершенно своеобразный характеръ: высокопоставленный, властный и строгій начальникъ совсѣмъ стушевывался въ немъ за кроткимъ, горячо любящимъ отцомъ. Чрезвычайно рѣдко можно было видѣть его гнѣвнымъ и грознымъ: никакого страха мы никогда предъ нимъ не испытывали, не потому чтобы онъ, былъ слишкомъ слабъ и потворствовалъ нашимъ слабостямъ, а потому что «страха нѣсть въ любви, но совершенна любви нонѣ изгоняетъ страхъ». Его укоряющій взглядъ, его глубокій горестный вздохъ, одно слово его кроткаго назиданія дѣйствовали на насъ сильнѣе всякихъ грозныхъ выговоровъ. Мы хорошо знали, что каждый нашъ проступокъ глубоко огорчитъ его, а потому старались быть осторожнѣе не изъ страха гнѣва и наказанія, а только чтобы не разстроить и не огорчить А. В—ча и не заставить потомъ себя переживать тяжкія минуты стыда и раскаянія. И мы и наши ближайшіе начальники до такой степени благоговѣли предъ нравственною чистотою о. ректора, что прикасаться къ ней съ какими-либо низменными дрязгами обыденной дѣйствительности казалось какимъ-то святотатствомъ. Если обнаруживалось какое-либо печальное явленіе въ студенческой

жизни, прежде всего старались о томъ, чтобы о немъ, по крайней мѣрѣ во всей наготѣ его, не узналъ о. ректоръ. Никто не сомнѣвался нимало въ силѣ его всепрощающей любви, но всѣмъ было невыразимо больно причинять ему глубокое разстройство и огорченіе. Провиниться въ чемъ-либо и подвергнуться кроткому укору о. ректора было иногда для студента истинною пыткой, а поводы къ ней встрѣчались, конечно, не рѣдко“... „Однажды мы какимъ-то, должно быть выдающимся, проступкомъ сильно огорчили А. В—ча. Вечеромъ этого дня, часу въ десятомъ, въ нашихъ номерахъ разнесся слухъ, что къ намъ идетъ о. ректоръ. Мы тотчасъ-же догадались, что идетъ онъ со специальною цѣлью журить насъ за наши дѣянія. Вдругъ кому-то изъ насъ блеснула счастливая мысль, которая тотчасъ-же и приведена была въ исполненіе. Мы быстро собрались въ тотъ номеръ, гдѣ обыкновенно совершалась молитва и не смотря на то, что время назначенное для нея, еще не наступило, одинъ изъ насъ взялся за книгу и мѣрнымъ голосомъ, съ чувствомъ, началъ какъ-бы уже давно продолжающееся чтеніе. Едва мы успѣли устроиться, какъ дверь отворилась и вошелъ А. В—чъ. Строгій взглядъ, насупившіяся брови ясно свидѣтельствовали о томъ, въ какомъ настроеніи и съ какою цѣлю пожаловалъ къ намъ о. ректоръ. Помолились мы на этотъ разъ такъ, какъ не часто приходится молиться, голосъ чтеца звучалъ съ особенною выразительностію, низкіе поклоны видѣлись въ гораздо большемъ количествѣ, чѣмъ въ обыкновенное время, и съ замираніемъ сердца слѣдили мы за выраженіемъ лица дорогого о. ректора. Чѣмъ дальше продолжалась молитва, тѣмъ строгій взглядъ его становился все мягче и мягче, а когда прозвучали послѣднія слова заключительнаго пѣснопѣнія, свѣтлая, любящая улыбка уже сіяла на его кроткомъ лицѣ. Глубоко вздохнулъ онъ, глядя на насъ, и сказалъ: „Пришелъ было я съ вами браниться,—ну, да ужь Богъ простить!“ Затѣмъ низко поклонился и вышелъ изъ комнаты. И долго еще послѣ его ухода мы никакъ не могли опомниться подъ вліяніемъ того впечатлѣнія, какое произвело на насъ это достопамятное посѣщеніе. И любили мы А. В—ча именно какъ отца. Въ наше время въ средѣ студентовъ не было ему и другого имени, какъ „папаша“. Никто изъ насъ не говорилъ: „пойду къ о. ректору“, или

„меня зоветъ ректоръ“, а непремѣнно: „пойду къ папашѣ“, или „меня зоветъ папаша“. И шелъ къ нему каждый изъ насъ со всѣми своими нуждами и горестями, какъ къ родному отцу. Постигало-ли студента какое-либо семейное горе, онъ шелъ за совѣтомъ и утѣшеніемъ къ папашѣ. Понадобились-ли ему деньги, чтобы помочь ради какой-либо случайности своей бѣдной семьѣ, или просто чтобы поѣхать на праздникахъ на родину,—„Братства“ тогда не было, и онъ шелъ просить въ займы у того-же папаши. И встрѣчалъ онъ здѣсь всегда отеческій пріемъ. Отеческій, прежде всего, даже по самой внѣшней формѣ. Нерѣдко, бывало, выйдетъ къ нему папаша въ одномъ подрясникѣ, ласково возьметъ подъ руку, иной разъ обниметъ даже, и начнетъ тихонько прохаживаться по комнатамъ, выслушивая и спрашивая пришедшаго о его нуждахъ и горестяхъ. И утѣшалъ онъ горюющихъ, и щедрою рукою раздавалъ направо и калѣво свои деньги, такъ что, отдавая все другимъ, при всей своей личной умѣренности, не оставилъ послѣ себя ничего, кромѣ книгъ. Не только встрѣчалъ онъ всякую нужду съ готовностію помочь, но и самъ шелъ къ ней на встрѣчу, безъ всякаго вызова. Кто изъ питомцевъ А. В.—ча не помнитъ напр., съ какою вѣжною заботливостію относился онъ къ каждому заболѣвшему студенту, которому приходилось помѣститься въ больницѣ. Навѣстить академическую больницу папаша считалъ своимъ священнымъ долгомъ почти каждую недѣлю, а въ особенныхъ случаяхъ и гораздо чаще. Съ каждымъ больнымъ студентомъ онъ непремѣнно побесѣдуетъ, спроситъ его и о здоровьи, о дѣлахъ семейныхъ, о занятіяхъ; подкрѣпитъ и утѣшитъ своимъ любящимъ словомъ, а вернувшись къ себѣ, пришлетъ еще какой-нибудь гостинецъ, или книжку легкаго чтенія. Съ особенною вѣжностію относился онъ, конечно, къ лучшимъ студентамъ и главнымъ образомъ къ только-что поступившимъ и дальнимъ по происхожденію, всѣми силами стараясь вознаградить ихъ своею ласкою за непривычную и долгую разлуку съ семьей. Одинъ изъ первыхъ по успѣхамъ студентовъ, уроженецъ далекаго юга, только-что принятый въ академію, рассказывалъ мнѣ, что въ день его именинъ А. В.—чь неожиданно призвалъ его къ себѣ и вмѣстѣ съ ласковой бесѣдой предложилъ ему персикъ и еще какой-то десертъ, чтобы по возможности утѣ-

шить именинника, оторваннаго отъ далекой родины. Можно себя представить, какое неизгладимое впечатлѣніе должна была оставить эта отеческая ласка всѣми глубокоуважаемаго начальника въ сердцѣ юноши, не ожидавшаго, конечно, ничего подобнаго. А такія проявленія любви и ласки каждый изъ насъ видѣлъ со стороны нашего общаго дорогаго папаши почти на каждомъ шагу. Вотъ почему въ сердцахъ своихъ питомцевъ этотъ незабвенный папаша Александръ Васильевичъ оставилъ такой глубокой слѣдъ, который можетъ изгладиться только съ самой жизнію. Вотъ почему его имя всегда было для насъ и останется святыней¹⁾.

Достойнымъ сотрудникомъ и помощникомъ Александра Васильевича былъ нашъ инспекторъ, профессоръ Сергѣй Константиновичъ Смирновъ. Важный и величественный по внѣшней осанкѣ и наружности, прозванный студентами Зевсомъ, онъ могъ производить впечатлѣніе начальника строгаго и недоступнаго, но въ сущности былъ человѣкомъ добраго сердца и живого, веселаго нрава, который часто невольно прорывался у него неожиданной остроюю даже и при дѣловомъ разговорѣ со студентомъ. Инспекторскій надзоръ за нами былъ организованъ при немъ, повидимому, съ большимъ искусствомъ. Мы вполне были увѣрены въ томъ, что всѣ наши, болѣе или менѣе выдающіяся, дѣянія извѣстны Сергѣю Константиновичу въ достаточно отчетливомъ видѣ, и такая увѣренность не разъ подтверждалась краснорѣчивыми примѣрами. Бывали, напр., случаи, когда студентъ попадался въ какомъ-либо проступкѣ и инспекторъ призывалъ его для надлежащаго вразумленія. При этомъ вразумленіи С. К.—чѣ обыкновенно припоминалъ провинившемуся и нѣсколько его прежнихъ дѣяній, давно минувшихъ, относительно которыхъ студентъ имѣлъ, повидимому, полное основаніе думать, что они прошли благополучно, не будучи замѣченными начальствомъ. Оказывалось, такимъ образомъ, что инспектору извѣстно очень многое, но свои свѣдѣнія онъ до времени хранить въ секретѣ и пользуется ими лишь тогда, когда представляется къ тому потребный случай. При такихъ условіяхъ мы своего Зевса, конечно, нѣсколько по-

¹⁾ См. упоминаемую выше статью мою „Изъ воспоминаній объ А. В. Горскомъ“.

баивались, но вмѣстѣ съ тѣмъ всегда относились къ нему съ уваженіемъ и искреннимъ расположеніемъ. Главною причиною такого расположенія была наша общая вѣра въ то, что С. К.—чѣ желаетъ намъ только добра, что никакой злобы, никакихъ козней или стремленій непремѣнно изловить и покарать насъ, у него нѣтъ и быть не можетъ. Внимательно за нами наблюдая, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ относился къ намъ съ довѣріемъ и предоставлялъ широкую свободу, полагаясь на наше собственное благоразуміе и допуская свое вмѣшательство лишь тогда, когда это представлялось ему необходимымъ для нашей же пользы. На мелкіе проступки наши онъ смотрѣлъ снисходительно: но требовалъ только, чтобы мы отнюдь не переходили тѣхъ границъ, когда юношескія шалости получаютъ уже характеръ недопустимыхъ безобразій и скандала. Отсюда въ нашей погонѣ за развлеченіями напр., оставалось безнаказаннымъ много такого, что при другой инспекціи вѣроятно вызвало-бы суровую кару. Когда напр., послѣ неожиданнаго для насъ самихъ путешествія въ Александровъ и Махру, мы возвратились въ академію лишь на третьи сутки безвѣстнаго отсутствія, С. К.—чѣ, зная составъ нашей компаніи и, очевидно, увѣренный въ томъ, что мы не могли позволить себѣ ничего такого, что имѣло-бы характеръ скандала, ограничился только тѣмъ, что слегка пожурилъ насъ, говоря: „Куда это вы, окаянные, запропалились?! И попа-то съ собою увезли!“ Даже и при рѣдкихъ крупныхъ исторіяхъ С. К.—чѣ, вынужденный прибѣгнуть къ строгому наказанію, старался употребить всѣ доступныя ему мѣры, чтобы спасти виновнаго или облегчить его печальную участь, а потому и суровая кара, постигавшая кого-либо изъ товарищей, не вызывала въ нашей средѣ какого-либо озлобленія или враждебнаго чувства къ начальству, такъ какъ для всѣхъ было ясно, что сдѣлано только то, что являлось неизбѣжнымъ и чего не сдѣлать не было возможности.

Младшую инстанцію инспекторскаго надзора представлялъ субъ-инспекторъ, котораго мы называли „маленькое начальство“ или „субикъ“. Трое молодыхъ академикомъ, послѣдовательно занимавшіе при насъ эту должность, смотрѣли на нее, какъ на переходную ступень въ своей служебной карьерѣ, и при первой возможности спѣшили перейти на какое-либо болѣе интересное мѣсто,—преимущественно преподава-

тельское въ семинаріи. Въ отношеніяхъ къ студентамъ субикъ обыкновенно ограничивался лишь формальнымъ исполненіемъ своихъ неизбѣжныхъ обязанностей, и большею частію мы видѣли его только тогда, когда онъ обходилъ наши номера и спальни во время лекцій или церковныхъ богослуженій. Заставая здѣсь кого-либо изъ студентовъ на постели или за работой надъ книгами, онъ обязательно напоминалъ ему о необходимости быть въ это время въ церкви или въ аудиторіи и затѣмъ проходилъ дальше, нимало не настаивая на томъ, чтобы его напоминаніе было приведено въ исполненіе. При такой постановкѣ дѣла никакихъ столкновеній съ субикомъ у насъ, кажется, не бывало, а нѣкоторые изъ студентовъ старшаго курса, бывшіе ему почти товарищами, вели съ нимъ домашнее знакомство, ходили къ нему пить чай или провести вечеръ, не вызывая тѣмъ никакихъ косяхъ взглядовъ или подозрѣній со стороны своихъ остальныхъ однокурсниковъ.

Изрѣдка обходы студенческихъ номеровъ совершались и нашимъ высшимъ начальствомъ, при чемъ, Александръ Васильевичъ обыкновенно приходилъ къ намъ въ часы нашихъ вечернихъ занятій. Съ каждымъ студентомъ онъ бесѣдовалъ о предметѣ и ходѣ его работы, просматривалъ бывшія въ его рукахъ пособія и давалъ ему свои совѣты и указанія. Если его посѣщенія и имѣли въ виду какой-либо контроль, то не дисциплинарнаго, а главнымъ образомъ учебнаго свойства. Впрочемъ, какъ-то разъ, замѣтивъ наканунѣ за богослуженіемъ въ академической церкви недостаточное количество студентовъ, онъ сдѣлалъ намъ по этому поводу замѣчаніе при вечернемъ обходѣ номеровъ. Дѣло было въ послѣдніе дни предъ срокомъ, назначеннымъ для подачи сочиненія, и мы откровенно сослались „папашѣ“ на это обстоятельство въ свое оправданіе; но онъ съ кроткой улыбкой заявилъ намъ: „Будьте увѣрены, что написанное во время богослуженія въ прокъ не пойдетъ“.

Г Л А В А VII.

Академическая церковь и богослуженіе. Кончина и погребеніе товарищей. Академическая больница.

За исключеніемъ такихъ особенныхъ случаевъ, какъ срокъ сочиненія, въ посѣщеніяхъ академической церкви мы были

вообще очень исправны и въ этомъ отношеніи прекрасный назидательный примѣръ подавала намъ, вслѣдъ за папашей, почти вся наша профессорская корпорація. Устроенная въ залѣ прежней академической конференціи, небольшая и невысокая церковь наша представляла собою видъ именно церкви домовою, и такой-же домовый характеръ имѣла она и по количеству и по составу своихъ богомольцевъ. Большого числа посѣтителей она вмѣстить не могла ни по своимъ размѣрамъ, ни по количеству воздуха, такъ какъ еще не имѣла въ то время ни особой алтарной пристройки, ни купола. Всю лѣвую половину церкви обыкновенно занимали студенты, а почти всю правую—профессоры и должностныя лица съ ихъ семействами, при чемъ во главѣ ихъ неизмѣнно занимали свое обычное мѣсто предъ амвономъ у праваго клироса тогдашніе столпы нашей академіи Е. В. Амфитеатровъ, Вик. Д. Кудрявцевъ-Платоновъ и Н. И. Субботинъ. Для постороннихъ посѣтителей мѣста оставалось не много, и они какъ-то совѣмъ заслонялись преобладающимъ элементомъ нашей академической семьи. Богослуженіе совершалось у насъ весьма благоговѣнно и благолѣпно; но безъ стремленія подражать порядкамъ монастырскимъ, такъ что очень продолжительныхъ службъ, по три или по четыре часа, обыкновенно не бывало и потому чрезмѣрнаго утомленія студенты никогда не испытывали, а члены профессорской корпораціи были, вмѣстѣ съ семействами, постоянными и неизмѣнными посѣтителями своей академической церкви. Едва-ли не единственное исключеніе въ этомъ случаѣ представлялъ П. С. Казанскій, который рѣже другихъ появлялся въ числѣ нашихъ богомольцевъ, такъ какъ предпочиталъ службы лаврскія, и его всегда можно было встрѣтить въ Троицкомъ соборѣ. Академическій клиръ нашъ не былъ тогда такимъ многочисленнымъ, какимъ онъ бываетъ въ академіяхъ послѣдняго времени, но тѣмъ не менѣе онъ представлялся вполне достаточнымъ для того, чтобы въ потребныхъ случаяхъ богослуженіе могло устроиться съ приличною торжественностію. Изъ числа студентовъ въ составъ этого клира входили три священника старшаго (28-го) курса, два—нашего (29-го) и одинъ—слѣдующаго за нами (30-го). Священники старшаго курса были: о. Іоаннъ Петровъ ¹⁾, съ

¹⁾ Впослѣдствіи о. Іоаннъ, архимандритъ Московскаго Даниловскаго монастыря.

масивной, тучной фигурой и вѣжнымъ, сладкимъ голоскомъ; о. Петръ Виноградовъ, ¹⁾ котораго его товарищи прозвали Verfasser'омъ за то, что онъ принялъ на себя исполненіе заказа какой-то книгоиздательской фирмы составить житія святыхъ на всѣ дни года. Студенты острили, что, исполняя этотъ заказъ, о. Петръ на 29-е число декабря старался написать житіе четырнадцати тысячъ младенцевъ, въ Виелеемѣ избіенныхъ. Затѣмъ, о. Ипполитъ Лютостанскій, перешедшій въ православіе изъ католическихъ ксендзовъ, служившій съ большимъ акцентомъ, но замѣчательно высокимъ и звонкимъ теноромъ, по поводу котораго нашъ слуга-церковникъ говорилъ, что о. Ипполитъ „служить по канарейчному“. Священниками съ нашего курса были: „историческій“ о. Георгій Орловъ и о. Тимоѳей Лубянской,—страстный любитель споровъ, преимущественно на философскія темы. Къ немалому развлеченію товарищей, оппонентомъ о. Тимоѳею часто выступалъ одинъ изъ нашихъ однокурсниковъ М. А. Остроумовъ, человекъ очень умный и начитанный и также большой любитель словопреній. Сдѣпившись съ о. Тимоѳеемъ, они до такой степени увлекались затѣяннмъ диспутомъ, что, раскраснѣвшіеся и всклокоченные, совершенно забывали, повидимому, все окружающее, переставали слушать и понимать другъ друга и, говоря каждый свое, какъ будто старались только о томъ, чтобы своими зычными голосами перекричать одинъ другого. Въ церкви о. Тимоѳей служилъ не просто и естественно, какъ другіе, а съ какими-то особенными, искусственными приѣмами, какъ въ поступи и манерѣ держать себя, такъ и въ произношеніи и въ тонѣ голоса. Заамвонную молитву, которая ему, какъ одному изъ младшихъ членовъ клира, часто выпадала на долю, онъ читалъ то какимъ-то едва слышнымъ, замогильнымъ голосомъ, то, напротивъ, слишкомъ громко, съ звонкими и рѣзкими выкриками, и мы всѣ уже привыкли ожидать, что онъ при своемъ чтеніи каждый разъ допустить что-либо особенное. Въ концѣ 1872 года къ указаннымъ лицамъ присоединился еще поступившій въ составъ 30-го курса о. іеромонахъ Рафаилъ, впоследствии долгое время служившій въ академіи на должности помощника бібліотекаря и скончавшійся

¹⁾ Впоследствии—преосвященный епископъ Паисій.

архимандритомъ и, кажется, синодальнымъ ризничимъ въ Москвѣ.—Въ санѣ діакономъ подвизались у насъ о. Іоаннъ Казанскій ¹⁾, обладавшій легкимъ пріятнымъ басомъ и потому исполнявшій въ академической церкви обязанности протодіакона, и затѣмъ—три грека: о. Прокопій Икономидисъ, о. Германъ Апостолидисъ и о. Θεоклитъ Τριανταφυλιδисъ,— всѣ изъ состава старшаго (28-го) курса. Изъ нихъ о. Прокопій, поступившій въ академію изъ студентовъ аѳинскаго университета, былъ человекъ талантливый, чрезъ нѣсколько лѣтъ по окончаніи курса получилъ степень магистра богословія и, постепенно возвышаясь у себя на родинѣ въ различныхъ церковныхъ и ученыхъ должностяхъ, не такъ давно скончался въ санѣ митрополита Аѳинскаго. Это былъ красавецъ и по внѣшности, съ тонкими, изящными чертами интеллигентнаго лица и съ великолѣпной, волнистой шевелюрой, спускавшейся ниже талии. Раза два у насъ на глазахъ эта роскошная шевелюра о. Прокопія исчезала и студенты рассказывали, что будто-бы ея владѣлецъ получалъ за это хорошее вознагражденіе отъ какого-то парикмахера. Оо. діаконъ—греки служили въ нашей церкви очень исправно и благолѣпно, но, конечно, съ весьма большимъ акцентомъ и даже съ неправильностями въ произношеніи. Товарищи по этому поводу острили надъ ними, что будто-бы они вводятъ богомолцевъ въ соблазнъ, провозглашая „возлюбимъ другъ друга“.—Великимъ торжествомъ для нашихъ грековъ была та литургія, которая ежегодно совершалась въ академической церкви на греческомъ языкѣ въ одинъ изъ ближайшихъ воскресныхъ дней послѣ праздника Пасхи. Начиная съ часовъ, всѣ чтенія и пѣснопѣнія этого богослуженія всѣми участвующими произносились по гречески, а предстоительствовавшій о. ректоръ читалъ на этомъ языкѣ и всѣ тайные молитвы въ алтарѣ. Пѣвчіе—студенты обоихъ клиросовъ исполняли литургійныя пѣснопѣнія по нотамъ, выписанными, какъ говорили тогда, изъ Венеціи. Мотивы этихъ пѣснопѣній, очень красивые и музыкальные, были, повидимому, скорѣе итальянскаго, чѣмъ греческаго происхожденія, и совсѣмъ не давали тѣхъ своеобразныхъ руладъ, которыя составляютъ характерную особенность греческаго

1) Впостѣдствіи—преосвященный епископъ Іоанникій.

церковнаго гѣнія, какъ его можно слышать напр. въ Константинополѣ, или въ Московскомъ греческомъ монастырѣ. Но за то ужъ наши о.о. діаконъ, читавшіе апостоль, евангеліе и символъ вѣры, произносившіе эктени и втроемъ исполнявшіе въ алтарѣ троекратное „Χριστός ἀνάστη“, представляли намъ настоящіе образцы чисто греческихъ модуляцій. На нашъ русскій слухъ это чтеніе и гѣніе производило нѣсколько странное впечатленіе; но пріятно было видѣть восторженное церковно-патріотическое одушевленіе исполнителей, которое ясно показывало, что эта академическая литургія навсегда останется для нихъ однимъ изъ самыхъ лучшихъ и дорогихъ воспоминаній за годы пребыванія на далекой чужбинѣ.

—Высшій составъ нашего академическаго клира представляли: о. ректоръ, считавшійся настоятелемъ церкви, о. архимандритъ Михаилъ, о. протоіерей Ф. А. Сергіевскій и экономъ академіи, о. іеромонахъ Ириней. Благолѣпное, замѣчательно осмысленное и выразительное служеніе о. Михаила намъ очень нравилось, но какъ онъ, такъ и о. прот. Сергіевскій, выступали въ академической церкви очень не часто. Сколько помнится, намъ приходилось видѣть ихъ священнодѣйствовавшими лишь въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда совершалось въ нашей церкви архіерейское служеніе, или когда имъ выпадало на долю замѣнять въ предстоятельствѣ о. ректора, какъ напр. въ дни большихъ лаврскихъ праздниковъ Св. Троицы и памяти Преп. Сергія, когда Александръ Васильевичъ долженъ былъ принимать участіе вмѣстѣ съ митрополитомъ въ торжественныхъ богослуженіяхъ Троицкаго собора. Только однажды видѣлъ я, какъ А. В.—чъ и о. Михаилъ безъ архіерейскаго служенія священнодѣйствовали оба вмѣстѣ, при отпѣваніи врача академіи Н. П. Страхова, ¹⁾ и это былъ единственный, встрѣченный мною въ жизни, примѣръ, что два митрофорныхъ священнослужителя, предстоятельствующавъ большемъ сонмѣ духовенства, стояли рядомъ, какъ это обычно принято у архіеревъ. Такой обрядовый пріемъ показался мнѣ очень красивымъ и благолѣпнымъ и я увѣренъ, что безъ достаточныхъ основаній его никакъ не допустилъ бы такой ученый и строгій ревнитель церковнаго

¹⁾ Это было не въ академической церкви, а въ лаврской—Смоленской Божіей Матери.

порядка, какимъ былъ нашъ „папаша“. При академическихъ богослуженіяхъ cadaго воскреснаго и праздничнаго дня о. ректоръ всегда былъ неизмѣннымъ предстоятелемъ, и только болѣзнь или какая-либо крайняя необходимость могла вынужденно отвлечь его отъ участія въ богослуженіи. Это былъ человѣкъ глубокой вѣры. Въ святой храмъ влекла его не-удержимая потребность души, „а когда онъ былъ въ храмѣ, возвышенное религіозное настроеніе такъ глубоко проникало его, что невольно отражалось во всемъ его существѣ и производило сильное впечатлѣніе на всѣхъ присутствующихъ. По отзыву тѣхъ, которымъ приходилось служить вмѣстѣ съ А. В.—чемъ, ихъ охватывалъ нерѣдко благоговѣйный трепетъ, когда онъ со слезами восторженнаго умиленія предстоялъ престолу Божію и дрожащимъ отъ волненія голо-сомъ произносилъ священныя слова литургіи. Глубоко за-падали въ душу слушателей и слова назиданія, съ которыми онъ нерѣдко обращался къ своимъ питомцамъ въ церковныхъ поученіяхъ, особенно во дни приобщенія. Каждый невольно чувствовалъ и понималъ, что не искусственные плоды кра-снорѣчія касаются его слуха, а такія слова, которыя прямо исходятъ отъ пламенѣющаго вѣрою и любовію сердца“ ¹⁾). Сильное впечатлѣніе производили также на насъ его поуче-нія при концѣ учебнаго года, или по поводу какихъ-либо выдающихся современныхъ церковныхъ и общественныхъ событій, какъ напр. въ день исполнившагося десятилѣтія Высочайшаго Манифеста 19-го февраля, или по поводу греко-болгарскаго церковнаго спора.

Правый академическій хоръ въ наше время состоялъ подъ управленіемъ сперва студента старшаго курса В. П. Спасскаго, а затѣмъ—нашего однокурсника И. Н. Корсунскаго. Выборъ піесъ въ этомъ хорѣ вообще былъ удачный, а испол-неніе по своей стройности и выразительности производило всегда хорошее впечатлѣніе, хотя какими-либо особенно-рѣдкостными голосами и выдающимися солистами наша ка-пелла похвастаться не могла. Что касается хора лѣваго, то, подъ управленіемъ П. М. Апостольскаго, онъ составленъ былъ изъ второсортныхъ любителей, которые ни талантами, ни искусствомъ не отличались. Пѣли они, конечно, по вдох-

¹⁾ См. мою статью „Изъ воспоминаній объ А. В. Горскомъ“.

новенію и безъ всякаго приготовленія, а потому иногда случалось даже, что при концѣ малой эктени, на послѣднемъ „аминь“, вдругъ устраили такую отчаянную какофонію, распознаясь всѣ врознь, что многіе изъ присутствующихъ съ трудомъ удерживались отъ смѣха. П. М.—чѣ въ шутку называлъ это „поставили точку“, а нѣкоторые изъ товарищей утверждали даже, что будто-бы это дѣлалось съ намѣреніемъ, изъ баловства. Зная, что П. М.—чѣ былъ человѣкъ очень религіозный, я никакъ не думаю, что онъ могъ допустить такую глупую шалость за церковною службой.—По желанію „папаша“, сдѣлана была попытка устроить въ нашей церкви обще-студенческое пѣніе, хотя-бы нѣсколькихъ пѣснопѣній какъ всенощнаго бдѣнія, такъ и литургіи, при чемъ для исполненія этихъ пѣснопѣній оба клироса должны были сходиться на средину церкви и къ ихъ пѣнію примыкали-бы всѣ остальныя студенты, присутствовавшіе за богослуженіемъ. Опытъ произведенъ былъ за нѣсколькими службами и, по-видимому, съ успѣхомъ; но почему-то задуманный новый порядокъ не привился и вскорѣ все опять пошло по старому.

На долю нашего курса выпалъ печальный почивъ, обновить академическую церковь первымъ чиномъ погребенія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, положить начало особому академическому кладбищу. Одинъ изъ моихъ товарищей, питомецъ пермской семинаріи В. Д. Головинъ, только что перешедшій на второй курсъ, заболѣлъ ревматизмомъ въ ногѣ и помѣстился въ нашу академическую больницу. Его болѣзнь никому изъ насъ не представлялась серьезной, но будто-бы, по словамъ врача, отъ того, что онъ коротко остригся, ревматизмъ паль на голову и менѣе чѣмъ въ мѣсяцъ свелъ его въ могилу. Почившій юноша окруженъ былъ всѣми знаками молитвеннаго вниманія со стороны начальства и товарищей. Александръ Васильевичъ съ сонмомъ духовенства два раза въ день совершалъ при гробѣ панихиды, при участіи хора пѣвчихъ и всѣхъ студентовъ, а мы, однокурсники почившаго, распредѣлили между собою очередь чтенія псалтири на всѣ дни до погребенія. Хорошо помню то нѣсколько жуткое чувство, которое пришлось мнѣ испытать при этомъ чтеніи. Большая больничная палата, совсѣмъ освобожденная отъ всякой мебели и широкимъ корридормъ отдѣленная отъ

всѣхъ другихъ обитаемыхъ помѣщеній больницы, подавляла своею пустотой и безлюдьемъ. Почти по срединѣ палаты на катафалкѣ гробъ и кругомъ подсвѣчники съ высокими не зажженными свѣчами, обвитыми траурнымъ крепомъ. Одинокое пламя маленькой восковой свѣчки слабо трепещетъ въ рукѣ моей надъ страницей псалтири, освѣщая пространство лишь на нѣсколько аршинъ. Вокругъ такая тьма мрачнаго октябрьскаго вечера, что совсѣмъ не видно дальнихъ угловъ комнаты, и едва вырисовываются силуэты оконъ. Голосъ моего чтенія уныло и гулко разносится въ окружающей пустотѣ, а каждый неожиданный, откуда-то послышавшійся, стукъ или шорохъ невольно заставляетъ вздрагивать и напрягать зрѣніе въ загадочную тьму. Нѣкоторые изъ болѣе нервныхъ товарищей совсѣмъ не выносили такой обстановки, а другіе отправлялись на свою очередь чтенія даже и днемъ не иначе, какъ въ обществѣ кого-либо изъ своихъ друзей. Профессорская корпорація почти въ полномъ составѣ присутствовала при погребеніи. По предложенію о. ректора, я долженъ былъ приготовить надгробное слово, а самъ онъ произнесъ небольшую рѣчь за отпѣваніемъ. Проводя въ своемъ надгробномъ словѣ параллель между евангельскимъ сыномъ вдовы наинской и нашимъ почившимъ, который также былъ сынъ бѣдной вдовы, я, между прочимъ, указывалъ на тяжкую горестъ ранней кончины: для самого почившаго, который только-что начиналъ еще свою юную жизнь; для бѣдной матери, теряющей въ немъ свою послѣднюю опору и радость въ старости, и для любившихъ его сверстниковъ, которые лишаются товарища и друга. Развитие каждой изъ этихъ мыслей я заключалъ словами: „юноше, тебѣ глаголемъ, востани!.. Но не встаетъ юноша“. Этотъ ораторскій приѣмъ казался мнѣ тогда очень сильнымъ и вполне умѣстнымъ, но дорогой „папаша“, очевидно, усмотрѣлъ нѣкоторое излишнее дерзновеніе въ моей попыткѣ вложить въ наши уста всесильное, божественное слово. Мои заключительныя восклицанія онъ замѣнилъ словами: „Что же, не обратится ли намъ съ молитвою къ Жизнодавцу, чтобы Онъ изрекъ свое всесильное слово: юноше, тебѣ глаголю, востани“.— „Что же, не призвать ли намъ Милосердаго, отъемлющаго всяку слезу отъ очей скорбящихъ, не речетъ ли Онъ и сему сыну вдовицы: юноше, тебѣ глаголю, востани“.— „Не

просить ли всёмъ намъ, во имя любви, Положившаго душу свою за други своя, чтобы Онъ возвратилъ намъ друга нашего и рекъ ему: юноше, тебѣ глаголю, востани“. Безспорно правильными, замѣчательно-теплыми и сердечными эти поправки Александра Васильевича представляются мнѣ теперь, когда я перечитываю ихъ слишкомъ сорокъ лѣтъ спустя, послѣ ихъ написанія; но въ то время я не былъ ими доволенъ. Мнѣ было жаль отказаться отъ своего ораторскаго приѣма, но, преклоняясь предъ высокочтимымъ авторитетомъ о. ректора, я, конечно, повиновался и произнесъ свое слово такъ, какъ мнѣ было указано. Былъ у насъ, впрочемъ, однажды случай, когда при подобныхъ-же условіяхъ, одинъ изъ товарищей не захотѣлъ подчиниться какой-то поправкѣ А. В-ча и произнесъ съ амвона свою проповѣдь въ томъ видѣ, какъ она была имъ первоначально написана. Проповѣдникъ, очевидно, рассчитывалъ, что его своеволие пройдетъ незамѣченнымъ, но ошибся въ своемъ расчетѣ. Послѣ службы „папаша“ призвалъ его къ себѣ и задалъ такой нагоняй, который надолго остался ему памятнымъ, да, вѣроятно, не забыть и доселѣ. Могила В. Д. Головина положила начало нашему новому академическому кладбищу. Во избѣжаніе нѣкоторыхъ неудобствъ, какъ для лавры, такъ и для академіи, какими сопровождался иногда прежній обычай погребать студентовъ на прилегающемъ къ академіи монастырскомъ смоленскомъ кладбищѣ, академическое начальство признало лучшимъ, съ разрѣшенія митрополита, отдѣлить полосу земли отъ нашего сада, который тянется по фасаду главнаго корпуса и непосредственно примыкаетъ западнымъ концомъ своимъ къ тому-же смоленскому кладбищу. Отдѣленная такимъ образомъ полоса земли представлялась въ сущности продолженіемъ кладбища монастырскаго, но ограждалась отъ него особымъ заборомъ и имѣла свой особый входъ только изъ академическаго сада, находясь потому въ исключительномъ распоряженіи и завѣдываніи академической администраціи. Въ настоящее время это кладбище такъ наполнилось, что вмѣщаетъ въ себѣ уже нѣсколько десятковъ крестовъ и памятниковъ, и, посѣщая Троицкую лавру, каждый признательный питомецъ Московской академіи считаетъ своимъ священнымъ долгомъ зайти сюда и поклониться дорогимъ могиламъ ея достославныхъ подвижниковъ:

А. В. Горскаго, С. К. Смирнова, П. С. Казанскаго, Д. Θ. и Е. Е. Голубинскихъ и др., всю жизнь свою посвятившихъ академіи и даже по смерти сложившихъ прахъ свой на родной имъ академической землѣ. Къ первой могилѣ этого кладбища нашему-же курсу суждено было вскорѣ присоединить и вторую. Холодною осенью слѣдующаго, сколько помнится, года возвращался на пароходѣ по Волгѣ съ лѣтнихъ каникулъ въ академію одинъ изъ нашихъ однокурсниковъ, питомецъ нижегородской семинаріи, А. М. Барнуковъ, двѣтушій юноша, обладавшій такою физической силой, что въ шутку выходилъ на борьбу противъ двухъ и даже трехъ товарищей, оставаясь при этомъ побѣдителемъ. Однако и его могучая натура не выдержала жестокой простуды на пароходной палубѣ, и почти тотчасъ-же по прїѣздѣ въ посадъ онъ почувствовалъ приступы лихорадки и слегъ въ академическую больницу. Въ продолженіи пяти или шести недѣль болѣзнь становилась сильнѣе и сильнѣе, лихорадка, какъ говорили, приняла форму изнурительной, и вскорѣ нашего атлета не стало. По количеству понесенныхъ потерь нашъ курсъ вообще былъ очень несчастливымъ. Изъ общаго числа поступившихъ въ академію въ 1870 году (41 челов.), окончили вмѣстѣ со мною полный курсъ ученія только 29, и такимъ образомъ за четыре года мы успѣли растерять двѣнадцать человѣкъ, изъ коихъ четверо скончались (двое въ академіи и двое на каникулахъ у родителей), двое были уволены изъ академіи по постановленію совѣта, трое—вышли изъ числа студентовъ задолго до окончанія курса и трое отъ насъ отстали, потерпѣвъ аварію на кандидатскомъ сочиненіи, и окончили свой академическій путь на годъ позднѣе уже съ составомъ слѣдующаго за нами, 30-го курса.

Неожиданную для насъ потерю двухъ товарищей, скончавшихся въ академической больницѣ при такихъ условіяхъ, что ихъ болѣзнь имѣла на первыхъ порахъ, повидимому, совершенно ничтожный характеръ, а затѣмъ все время была на глазахъ нашего врача и фельдшера, многіе студенты склонны были въ значительной степени ставить въ вину недостаточно умѣлому и внимательному медицинскому уходу. Зная, какъ обычно и какъ легко, безъ надлежащаго знакомства со всѣми обстоятельствами дѣла, обвинять непременно врачей за всякій неблагопріятный исходъ леченія, я не вижу

достаточныхъ основаній къ тому, чтобы въ данныхъ случаяхъ укорять нашихъ академическихъ медиковъ. Очень можетъ быть, что печальный исходъ болѣзни нашихъ товарищей не стоялъ ни въ какой зависимости отъ недостатковъ нашей академической медицины, но не скрою, что эта медицина, благодаря своей довольно первобытной постановкѣ, далеко не пользовалась особеннымъ довѣріемъ въ студенческой средѣ. Академическимъ врачомъ въ наше время былъ уже очень почтенныхъ лѣтъ докторъ медицины Ниль Петровичъ Страховъ. Благодушный толстякъ, балагуръ и каламбуристъ, онъ пользовался репутаціей очень милого человека, пріятнаго себеѣдника, забавнаго и желаннаго члена всякой веселой компаніи; но, какъ врачъ, не производилъ серьезнаго впечатлѣнія и потому мало внушалъ довѣрія при затруднительныхъ случаяхъ. Входя въ нашу больничную палату, онъ обыкновенно громко спрашивалъ: „Ну что, всѣ мои больные, слава Богу, здоровы?“ Затѣмъ начинался очень быстрый и бѣглый обходъ по койкамъ, сопровождавшійся неизбѣжными каламбурами. Въ особенномъ употребленіи были у него какія-то двѣ микстуры, одна краснаго, другая бѣлаго цвѣта, изготовлявшіяся въ большомъ количествѣ его помощникомъ, фельдшеромъ Федоромъ Романовичемъ Бесѣдкинымъ. Обходя больныхъ студентовъ въ сопровожденіи Ѡ. Р—ча, онъ отдавалъ ему приказанія: „Этому—красненькой“, „ну, а этому—бѣленькой“. Федоръ Романовичъ былъ бравый мужчина изъ военныхъ фельдшеровъ николаевского закала съ большой лысиной и съ солидными, почти сѣдыми бакенбардами. Онъ очень часто заходилъ къ намъ въ палату и, поглаживая свою лысину, принималъ горячее участіе въ нашихъ разговорахъ. Это былъ большой любитель побесѣдовать, въ особенности о политикѣ, а тогда было такое время, когда для политическихъ разговоровъ представлялся широкій просторъ. Мы начинали свой курсъ въ академіи въ интересную эпоху франко-прусской войны; газеты и журналы читались у насъ на расхватъ и во всѣхъ углахъ академическихъ помѣщеній постоянно шли оживленные споры о современныхъ политическихъ событіяхъ. Шли эти споры съ участіемъ Ѡ. Р—ча и въ больничной палатѣ, гдѣ пришлось мнѣ провести три недѣли въ самый разгаръ интересныхъ событій. Въ однообразную и скучную больничную жизнь

большое утѣшеніе вносили обычные посѣщенія Александра Васильевича. Даже при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, когда въ больницѣ были лишь очень немногіе студенты и притомъ съ болѣзнями, не представлявшими ничего серьезнаго, нашъ „папаша“ считалъ всетаки своимъ священнымъ долгомъ навѣстить ихъ по крайней мѣрѣ разъ въ недѣлю. Когда-же бывали тамъ болѣе серьезные больные, онъ посѣщалъ ихъ гораздо чаще, даже каждый день, а въ тяжелыхъ случаяхъ самъ приходилъ послѣ литургіи напугать больного Свят. Дарами. При своихъ обычныхъ посѣщеніяхъ дорогой „папаша“ подсаживался къ больному студенту на койку, ласково бесѣдовалъ съ нимъ, старался утѣшить въ его безпокойствѣ по поводу вызванной болѣзнію задержки въ занятіяхъ, приносилъ ему иногда книги для легкаго чтенія и потомъ присылалъ даже съ своимъ служителемъ какой-нибудь молочной каши или чего-либо сладкаго, въ дополненіе къ больничному столу, который и безъ того всегда былъ очень хорошимъ. Не обходились подѣ часъ эти посѣщенія и безъ комическихъ происшествій. Случилось напр., какъ-то разъ, что въ больницѣ оказалось челоѣка два совсѣмъ уже выздоровѣвшихъ, доживавшихъ здѣсь послѣдніе дни, къ нимъ присоединился одинъ изъ тѣхъ, которые иногда попадали сюда не по болѣзни, а по собственному ихъ усиленному ходатайству предъ врачомъ о разрѣшеніи имъ пользоваться нѣкоторое время улучшеннымъ больничнымъ питаніемъ, да зашелъ еще навѣстить ихъ одинъ изъ товарищей, и составила такимъ образомъ пріятная компанія, очень мало имѣвшая отношенія къ больничному режиму. Поставили между койками небольшой столикъ, разложили карты и, больничной скуки ради, успѣли сразиться въ ералашъ. Вдругъ отворилась дверь и торопливо вошелъ къ намъ Ѳ. Р—чъ, озабоченнымъ шопотомъ говоря: „о. ректоръ!“ Мигомъ расхватили карты, а я, бывший однимъ изъ участниковъ компаніи, схватился за столикъ и бросился съ нимъ, чтобы поскорѣе убрать его съ необычнаго мѣста, но, зацѣпившись за что-то, загремѣлъ и растянулся посреди палаты вмѣстѣ со столикомъ. Къ счастью, инцидентъ окончился вполне благополучно: никакого членовредительства я себѣ не причинилъ, а „папаша“ совсѣмъ и не было, такъ какъ оказалось, что это подшутилъ надъ нами нашъ Ѳ. Р—чъ.

Въ другой разъ происшествіе закончилось не безъ нѣкоторой потери. Лежалъ въ больницѣ одинъ студентъ старшаго курса съ переломленною ногою. Самъ онъ былъ, по общему состоянію своему, совершенно здоровъ, а потому, не пользуясь никакими лекарствами, не прочь былъ иногда по собственному рецепту прибѣгнуть къ внутреннему приему изъ сороковушки, чему Ѡ. Р.—чь обыкновенно не препятствовалъ. Только что расположился онъ однажды съ своимъ товарищемъ, какъ дали знать, что идетъ „папаша“. Товарищъ успѣлъ куда-то скрыть всѣ признаки закуски, а самъ болящій схватилъ сороковушку и сунулъ ее къ себѣ подъ одѣяло. Александръ Васильевичъ подошелъ прямо къ нему, подсѣлъ на койкѣ и началъ бесѣдовать. Сперва все шло благополучно, но затѣмъ нашъ больной, поддерживая разговоръ съ „папашей“, вдругъ началъ чувствовать, что его сороковушка, очевидно второпяхъ плохо прикрытая, отпкннулась и живительная влага стала вытекать на постель. Послѣ онъ намъ рассказывалъ, какія мучительныя терзанія испытывалъ онъ, ощущая постепенную гибель дорогого продукта и не имѣя ни малѣйшей возможности, на глазахъ у „папашы“, принять какія-либо мѣры къ спасенію погибающаго. Такъ половина содержимаго въ посудинѣ и погибла безвозвратно.

Г Л А В А VIII.

Ученыя торжества въ академіи: годовыя акты и докторскіе диспуты. Дѣло П. С. Казанскаго. Наше окончаніе академическаго курса.

Благодаря тому обстоятельству, что мы поступили въ академію вмѣстѣ со введеніемъ въ ней новаго устава, въ нашу, вообще довольно однообразную, студенческую жизнь вошла значительная струя нѣкоторыхъ новыхъ, иногда очень интересныхъ впечатлѣній. Я разумѣю публичныя академическія собранія, которыя, по требованію устава, стали обязательными.—Начиная съ 1871-го года, ежегодно перваго октября, въ день открытія академіи, совершался торжественный актъ. Наканунѣ этого дня, за заупокойной литургіей и панихидой, происходило поминовеніе всѣхъ почившихъ начальниковъ, учившихъ и учившихся въ академіи за все время ея существованія. При этомъ въ академическую церковь приносилась почитаемая лаврская святыня,—большая

икона Преп. Сергія, написанная на его гробовой доскѣ, которую съ пѣніемъ: „ублажаемъ тя, преподобне Отче Сергіе“, студенты обносили по всѣмъ жилымъ помѣщеніямъ академіи. На самый день праздника пріѣзжалъ московскій викарій, епископъ Игнатій, который служилъ всенощную и литургію и затѣмъ предсѣдательствовалъ на актѣ. Торжественное собраніе начиналось вступительной молитвой, послѣ которой слѣдовала ученая рѣчь. За годы студенчества мы выслушали три актовыя рѣчи: о ректора—„о соборѣ Іерусалимскомъ 1672 года“, Е. В. Амфітеатрова—„о существѣ и свойствахъ художественной дѣятельности“ и С. К. Смирнова—„Константинъ Экономосъ и сочиненіе его о сродствѣ славяно-русскаго языка съ эллинскимъ“. На нашъ студенческій взглядъ, всѣ эти рѣчи не отличались особеннымъ интересомъ. Рѣчь Александра Васильевича показалось намъ слишкомъ сухою и специальною; Егоръ Васильевичъ читалъ не иное что, какъ многимъ хорошо знакомую выдержку изъ курса своихъ лекцій, по обыкновенію превосходно обработанную по внѣшней формѣ, но излагавшую довольно туманныя эстетическія теоріи въ гегельянскомъ стилѣ, а Сергій Константиновичъ сообщалъ мелочныя и мало интересныя подробности изъ біографіи Экономоса, потѣшивъ лишь публику курьезными примѣрами его удивительнаго производства отъ греческаго корня такихъ русскихъ словъ, какъ шляпа, лапша, квась, калачъ и т. пд. Излагалъ эти курьезы Сергій Константиновичъ со свойственнымъ ему невозмутимымъ спокойствіемъ, а всѣ присутствовавшіе покатывались со смѣха. Послѣ ученой рѣчи слѣдовало чтеніе секретаремъ академіи отчета за истекшій годъ и затѣмъ раздача наградъ деньгами и книгами лучшимъ студентамъ третьяго и второго курса. Изъ московскихъ почетныхъ посѣтителей, кромѣ пресв. Игнатія, на нашемъ академическомъ праздникѣ не бывало почти никого. За все время своего студенчества мы видѣли на немъ изъ московскихъ гостей только ректора университета Сергія Михайловича Соловьева, слушавшаго рѣчь объ Экономосѣ, да одного или двухъ московскихъ протоіереевъ, которые, защищая своихъ собратій, такое, нѣсколько обидное для академіи, отношеніе къ ея годовичному празднику со стороны ея питомцевъ объясняли тѣмъ, что праздничный день Покрова Пресвятыя Богородицы и крестный ходъ въ Покров-

скій, Василя Блаженнаго, соборъ не даютъ имъ возможности выѣхать изъ Москвы. Постороннюю публику на академическомъ актѣ обычно составляли: корпорація Виѣанской семинаріи и представители посадской администраціи и интеллигенціи, какъ полиціймистеръ, мировой судья, начальникъ почтовой конторы и т. пд., съ ихъ семействами.

Несравненно большой интересъ, конечно, представляли для насъ ученые диспуты. Это была крупная новость, впервые введенная въ академическую жизнь уставомъ 1869-го г., такъ какъ до этого времени ученія богословскія степени присуждались академіями и утверждались синодомъ безъ публичной защиты. Мало того, новый уставъ требовалъ, чтобы въ званіе ординарнаго профессора избирались только тѣ, которые имѣютъ докторскую степень. Соотвѣтственно этому требованію, было предписано всѣмъ наличнымъ ординарнымъ профессорамъ въ трехлѣтній срокъ озаботиться полученіемъ докторской степени, а въ случаѣ неисполненія этого требованія оставить службу при академіи. Двое изъ нашихъ ординарныхъ профессоровъ—Е. В. Амфитеатровъ и прот. Ф. А. Сергіевскій—не сочли нужнымъ пріобрѣтать высшую ученую степень и потому при наступленіи назначеннаго срока оставили академическую службу. Егору Васильевичу не было смысла заботиться о докторствѣ, такъ какъ чрезъ три года ему уже почти исполнялся тридцатипятилѣтній срокъ профессорской службы, который по тому же уставу 1869 года являлся для профессора предѣльнымъ, послѣ чего, хотя бы и съ докторскою степенью, онъ уже не могъ болѣе оставаться на кафедрѣ. Протоіерей-же Сергіевскій счелъ для себя за лучшее принять избраніе на должность ректора Виѣанской духовной семинаріи. Что касается остальныхъ ординарныхъ профессоровъ, то всѣ они сочли долгомъ выполнить требованіе новаго устава и такимъ образомъ на нашу долю выпало быть свидѣтелями цѣлаго ряда ученыхъ состязаній при публичной защитѣ докторскихъ диссертаций. На соисканіе докторской степени о. Михаилъ и П. С. Казанскій представили уже прежде написанныя ими сочиненія: „О Евангеліяхъ и евангельской исторіи“ по поводу книги Ренана „жизнь Иисуса“ и „Исторія православнаго монашества на востокъ“ при чемъ Петръ Симоновичъ къ прежней книгѣ своей присоединилъ два вновь написанныхъ дополненія:

„объ источникахъ для исторіи монашества Египетскаго въ IV и V вѣкахъ“ и „общій очеркъ жизни иноковъ Египетскихъ въ IV и V вѣкахъ“. Ординарные профессора В. Д. Кудрявцевъ-Платоновъ и С. К. Смирновъ и экстраорд. проф. Н. И. Субботинъ представили новыя излѣдованія: „Религія, ея сущность и происхожденіе“, „Филологическія замѣчанія о языкѣ невозавѣтномъ въ сличеніи съ классическимъ, при чтеніи посланія Апостола Павла къ Ефесянамъ“ и „Исторія Бѣлориницкой іерархіи“. Диспуты всѣхъ этихъ ученыхъ и заслуженныхъ докторантовъ возбуждали высокой интересъ въ нашей студенческой средѣ и производили на насъ сильное впечатлѣніе. Они представлялись намъ настоящими научными торжествами, какъ по внѣшней обстановкѣ своей, такъ и по внутреннему содержанію, и надолго служили у насъ предметомъ оживленнаго обсужденія и нескончаемыхъ споровъ. Съ внѣшней стороны это были такія блестящія собранія, подобныхъ которымъ нашей деревенской академіи ни при какихъ другихъ случаяхъ видѣть не приходилось. На каждый изъ этихъ диспутовъ пріѣзжало нѣсколько архіереевъ, во главѣ которыхъ мы видѣли и нашего Московскаго Владыку Иннокентія и Кіевскаго Митрополита Арсенія. Сонмъ почетнаго духовенства составляли о. намѣстникъ лавры арх. Антоній, ректоръ Виѣанской семинаріи архим. Сергій, ректоръ Московской семинаріи прот. Н. В. Благоразумовъ, нѣсколько московскихъ архимандритовъ и протоіереевъ. Пріѣзжали также нѣкоторые изъ свѣтскихъ людей, пользовавшихся ученой извѣстностію и интересовавшихся нашей академической наукой. Помню, что были напр. въ ихъ числѣ Ю. Ѳ. Самаринъ, Н. П. Аксаковъ, Н. К. Соколовъ, П. И. Мельниковъ и съ особенно напряженнымъ вниманіемъ разсматривали мы маститыхъ ветерановъ науки и публицистики—М. П. Погодина и Н. П. Гилярова-Платонова. Академическая корпорація всегда присутствовала на этихъ диспутахъ, конечно, въ полномъ составѣ и съ семействами, а также обильно представлены были Московская и Виѣанская семинаріи и высшее посадское общество, такъ что небольшой актовъ залъ академіи бывалъ наполненъ до тѣсноты. Официальными оппонентами на бывшихъ при насъ докторскихъ диспутахъ выступали: о. ректоръ—три раза и затѣмъ о. Михаилъ, проф. В. В. Кудрявцевъ-Плато-

новъ, В. Н. Потаповъ, А. П. Лебедевъ, прот. Ф. А. Сергіевскій, А. Θ. Лавровъ-Платоновъ и Е. Е. Голубинскій. Почти на всѣхъ этихъ диспутахъ, въ качествѣ частныхъ оппонентовъ, предлагали свои возраженія и замѣчанія нѣкоторые изъ профессоровъ академіи и изъ постороннихъ посѣтителей, какъ напр. П. И. Горскій-Платоновъ, В. О. Ключевскій, Н. П. Аксаковъ, Ю. Θ. Самаринъ, П. И. Мельниковъ, Н. П. Гиляровъ-Платоновъ и протоіереи—В. П. Нечаевъ, І. Г. Виноградовъ и П. А. Преображенскій.—Изъ докторантовъ наибольшій успѣхъ выпалъ на долю о. Михаила. Въ бесѣдахъ съ оппонентами его глубокія и разностороннія познанія въ области своего предмета, его манера держать себя съ спокойной увѣренностію и величавымъ достоинствомъ, его быстрая находчивость и искусство въ отвѣтахъ и его прекрасная, выразительная дикція производили такое яркое впечатлѣніе, что всецѣло расположили въ его пользу всѣхъ присутствовавшихъ, а своею вступительной рѣчью ¹⁾, превосходно составленной и произнесенной съ замѣчательнымъ ораторскимъ подъемомъ, онъ еще до начала преній уже завладѣлъ симпатіями своей многочисленной аудиторіи, какъ почтенныхъ ученыхъ, такъ и студенческой молодежи. Давъ въ этой рѣчи мѣткую характеристику книги Ренана и того общественнаго броженія и увлеченія которое было вызвано ея появленіемъ и распространеніемъ въ особенности у насъ въ Россіи, о. Михаилъ съ особеннымъ удареніемъ указывалъ на то фальшивое положеніе, въ какомъ находится русскій богословъ-апологетъ, когда разбираемая имъ произведенія западной отрицательной критики Евангелій и евангельской исторіи стоятъ у насъ подъ запретомъ, не допускаются къ переводу, или въ переводахъ заграничныхъ лишь тайкомъ ходятъ по рукамъ читателей, еще сильнѣе привлекая къ себѣ вниманіе, какъ запрещенный плодъ. Охранительныя внѣшнія мѣры не охраняютъ, а часто способствуютъ усилению враждебныхъ вліяній и броженія. „Нужны болѣе дѣйствительныя мѣры“, говорилъ о. Михаилъ, „для огражденія отъ увлеченій отрицательными ученіями со стороны самой богословской науки нашей или ея представителей. Работы, работы надъ наукой,

¹⁾ Напечатана въ прибавленіяхъ къ Твореніямъ св. Отцевъ, 1871 г. ч. XXIV.

какъ можно болѣе и скорѣе, работы нужно намъ прежде всего; не распространенія популяризаціи отрицательныхъ ученій даже до массъ народныхъ, а науки положительной, особенно для молодыхъ поколѣній нашихъ будущихъ богослововъ. Намъ нужно болѣе полное и тщательное изученіе западной богословской науки во всѣхъ ея направленіяхъ; а для этого нужно болѣе, чѣмъ прежде, свободы и простору въ этомъ отношеніи, болѣе—какъ можно болѣе—довѣрія къ охранительнымъ силамъ и стремленіямъ, которыя нужно развивать силой слова и убѣжденія, а не внѣшними только мѣрами, особенно въ молодыхъ поколѣніяхъ нашихъ будущихъ богослововъ "... „Пусть будутъ ошибки и паденія—что за бѣда? Кто выучился ходить прямо и твердо, не упавъ нѣсколько разъ въ началѣ? Гдѣ найти борца, который бы навѣкъ побѣждаетъ другихъ, не будучи самъ въ началѣ поборотъ, или по крайней мѣрѣ ни разу не поскользнувшись, не пошатнувшись, не упавъ?... Итакъ довѣрія поболѣе, довѣрія къ охранительнымъ силамъ и стремленіямъ, простору поболѣе, простору для труда, мысли слова; поболѣе любви и снисхожденія къ невольнымъ ошибкамъ и вообще несовершенствамъ дѣла, особенно на первыхъ порахъ; работы надъ наукой болѣе, работы терпѣливой, настойчивой, неустанной, тогда и науки у насъ будетъ болѣе, крѣпче и сильнѣе будетъ она. А когда всего этого будетъ довольно, тогда и побѣда истины надъ всякими отрицательными и разрушительными ученіями и воззрѣніями будетъ и у насъ обезпечена и съ научной стороны довольно. Тогда и неизбѣжныя бури мысли не такъ будутъ страшны, и волненія увлеченій не такъ опасны, каковыми они могутъ быть въ противномъ случаѣ".—Эти горячіе призывы о. Михаила встрѣчены были громомъ аплодисментовъ и весь залъ единодушно устроилъ ему шумную овацію.

Многіе изъ оппонентовъ, въ особенности напр. нашъ „папаша“ Александръ Васильевичъ и Е. Е. Голубинскій, поражали насъ необычайной ученостью своихъ возраженій; но наиболѣе яркое впечатлѣніе, особенно въ студенческой средѣ, производили, конечно, не эти глубокіе специалисты, а тѣ изъ оппонентовъ, которые въ своихъ бесѣдахъ съ диспутантами къ серьезной учености присоединяли и нѣкоторыя качества, гораздо болѣе способныя завладѣть интересомъ

слушателей. Изъ такого рода оппонентовъ особенно остались у меня въ памяти А. Θ. Лавровъ-Платоновъ и Н. И. Горскій-Платоновъ. Александръ Федоровичъ былъ особенно интересенъ тѣмъ, что своимъ возраженіямъ, по ихъ постановкѣ и внѣшней формѣ выраженія, придавалъ удивительно скромный, мягкій и любезный характеръ, такъ что они, повидимому, должны были представлять собою не столько возраженія, сколько покорнѣйшія просьбы о назиданіи и разъясненіи самому оппоненту его недоумѣній. Въ сущности-же, подъ покровомъ этихъ ласковыхъ разговоровъ оказывались такія вѣскія замѣчанія, которыя приводили докторанта въ немалое затрудненіе и даже ставили подѣ-часъ въ совѣмъ безвыходное положеніе. Что касается Павла Ивановича, то онъ выступилъ со множествомъ частныхъ и мелкихъ филологическихъ замѣчаній, которыя, по самому существу своему, были такого свойства, что не представляли почти никакой возможности для какихъ-либо разъясненій и потому ставили докторанта въ необходимость оставаться безотвѣтнымъ. Свои замѣчанія онъ облекалъ въ очень язвительную и рѣзкую форму, съ нескрываемымъ намѣреніемъ произвести извѣстное впечатлѣніе. Всѣ мы знали при этомъ, что такое выступленіе стояло въ непосредственной связи съ разгорѣвшейся въ то время печальной исторіей по поводу выборовъ на пятилѣтіе близкаго родственника оппонента, проф. П. С. Казанскаго, и такимъ образомъ не имѣло непосредственнаго отношенія къ интересамъ науки.

Заслуженный ординарный профессоръ по кафедрѣ древней гражданской исторіи и помощникъ ректора (деканъ) по церковно-историческому отдѣленію, П. С. Казанскій состоялъ на академической службѣ съ 1842-го года и такимъ образомъ реформа 1870-го года застала его уже приближающимся къ тридцатилѣтію профессорской дѣятельности. Такъ какъ по новому уставу предѣльный срокъ профессорской службы въ академіи установленъ былъ въ тридцать пять лѣтъ, то Петру Симоновичу предстояла возможность остаться на кафедрѣ до 1877-го года, если онъ удовлетворитъ требованію устава относительно полученія докторской степени и будетъ избранъ совѣтомъ на послѣднее пятилѣтіе послѣ достиженія имъ тридцатилѣтняго срока службы. Исполняя требованіе устава, П. С.—чѣ въ мартѣ 1872 г. представилъ на соисканіе док-

торской степени свое изслѣдованіе „Исторія православнаго монашества на востокѣ“ съ двумя, написанными вновь, дополненіями и дѣлу этому данъ былъ законный ходъ. Между тѣмъ, 27-го сентября того же года, исполнился тридцатилѣтній срокъ службы Петра Симоновича и въ совѣтѣ академіи состоялась баллотировка его на послѣднее пятилѣтіе, при чемъ онъ избранъ не былъ, получивъ равное количество избирательныхъ и неизбирательныхъ голосовъ. Конечно, не представляется возможнымъ опредѣлить съ полною увѣренностію, чѣмъ именно руководствовались недоброжелатели П. С—ча, учиняя такую жестокою расправу съ почтеннымъ старцемъ, всю трудовую жизнь свою посвятившимъ академіи, тѣмъ болѣе, что при закрытой баллотировкѣ всякіе мотивы остаются скрытыми. Едва-ли, однако, подлежитъ сомнѣнію, что научныя соображенія всего менѣе могли имѣть здѣсь мѣста. Какъ ученый, Петръ Симоновичъ пользовался не малою извѣстностію и проявилъ себя въ большомъ количествѣ научныхъ трудовъ, какъ изданныхъ отдѣльными книгами, такъ и напечатанныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, а именно: въ „Прибавленіяхъ къ твореніямъ св. отцевъ“, въ „Москвитянинѣ“, въ „Чтеніяхъ“ и „Временникѣ московскаго общества и исторіи и древностей россійскихъ“, въ „Запискахъ Императорскаго археологическаго общества“, въ „Древностяхъ московскаго археологическаго общества“, въ „Трудахъ перваго археолог. съѣзда въ Москвѣ“, въ „Русскомъ Архивѣ“, въ „Русскомъ вѣстникѣ“, въ „Отечественныхъ запискахъ“, въ „Православномъ Обзорѣніи“ и въ „Душеполезномъ чтеніи“. Въ качествѣ профессора, онъ, хотя не пользовался блестящимъ успѣхомъ, но неизмѣнно отличался безукоризненною ревностію въ исполненіи всѣхъ своихъ обязанностей, а потому слушатели всегда относились къ нему съ полнымъ уваженіемъ. При такихъ условіяхъ, о пригодности П. С—ча для продолженія его профессорской и ученой службы, конечно, не могло быть вопроса; а потому у громаднаго большинства лицъ, болѣе или менѣе знакомыхъ съ жизнію Московской академіи, составилось убѣжденіе, что его забаллотировка была результатомъ исключительно личныхъ съ нимъ счетовъ тѣхъ членовъ академической корпорации, которые имѣли съ нимъ столкновенія на почвѣ вопросовъ, не относящихся къ наукѣ. Поводовъ къ такого рода

столкновениямъ было не мало, такъ какъ П. С—чь, въ качествѣ помощника ректора, состоялъ членомъ академическаго правленія и такимъ образомъ принималъ дѣятельное участіе въ рѣшеніи всѣхъ распорядительныхъ и экономическихъ вопросовъ академіи по ея сложной администраціи и широкому хозяйству. Вотъ въ этой-то области и обнаружилось съ особенной ясностію, что П. С—чь обладалъ такимъ характеромъ, который, при общепринятомъ, хотя и не всегда безукоризненномъ, строѣ житейскихъ отношеній, представлялся подъ-часъ не совсѣмъ удобнымъ для нѣкоторыхъ изъ его ближайшихъ сотрудниковъ по академическому правленію. Его прямолинейность во взглядахъ и дѣйствіяхъ, его рѣзкая манера выражать свои чувства и мнѣнія, усилившаяся иногда болѣзненной раздражительностію, при всей честности и благожелательности его намѣреній, нерѣдко служили поводомъ къ столкновениямъ и ставили его сотрудниковъ въ непріятныя положенія. Отсюда тѣ недоброжелательныя отношенія къ П. С—чу, которыя, къ сожалѣнію, такъ неумѣстно выразились въ печальномъ исходѣ его баллотировки и затѣмъ столь-же печально отразились на ходѣ дѣла о его докторской диссертациі. Послѣ отрицательнаго результата выборовъ на послѣднее пятилѣтіе службы Петру Симоновичу не было уже никакой практической надобности добиваться высшей ученой степени, но тѣмъ не менѣе онъ не пожелалъ взять свою диссертацию обратно и рѣшилъ предоставить дѣлу о своемъ докторствѣ дальнѣйшее движеніе. Этимъ рѣшеніемъ онъ поставилъ своихъ недоброжелателей въ затруднительное положеніе. Безпрепятственное присужденіе П. С—чу высшей ученой степени было-бы непослѣдовательнымъ послѣ того, какъ онъ только-что признанъ былъ непригоднымъ къ продолженію профессорской службы, а отказать ему въ докторствѣ было, конечно, совсѣмъ не такъ легко, какъ наложить черныхъ шаровъ въ баллотировочный ящикъ. Избравъ все-таки послѣдній путь, они рассчитывали опереться на молодого доцента древней церковной исторіи А. П. Лебедева, которому поручено было представить совѣту официальный отзывъ о диссертациі П. С—ча и который употребилъ все стараніе, чтобы съ возможно большею основательностію привести этотъ отзывъ къ отрицательному заключенію. Однако затворъ не увѣнчался успѣхомъ. Отрицательный отзывъ офици-

ціального рецензента даже и на факультетскомъ собраніи церковно-историческаго отдѣленія не привлечь на свою сторону всѣхъ членовъ отдѣленія и нѣкоторые изъ нихъ отказались присоединить къ этому отзыву свою подпись. Когда-же дѣло перешло въ совѣтъ, на защиту П. С—ча выступили энергично и во всеоружіи подробной научной аргументаціи о. ректоръ и молодой доцентъ В. О. Ключевскій. Защита оказалась настолько основательною, что совѣтъ, вопреки отзыву доц. Лебедева, постановилъ допустить диссертацию П. С—ча къ публичной защитѣ, какъ заслуживающую докторской степени. Однако борьба, очевидно, достигла уже такихъ предѣловъ и страсти такъ разыгрались, что недоброжелатели П. С—ча не захотѣли спокойно примириться съ совершившимся и задумали прибавить ко всему происшедшему еще новый громкій скандалъ, совсѣмъ непозволительный для почтенной ученой корпораціи. Когда приблизилось 28-е число марта (1873 г.),—день, назначенный для диспута П. С—ча и уже объявленный въ газетахъ,—къ о. ректору стали стекаться одна за другою записки отъ членовъ совѣта съ извѣщеніемъ, что по болѣзни они не могутъ присутствовать на диспутѣ, и этихъ записокъ набралось такое количество, которое подрывало установленный уставомъ кворумъ предположеннаго публичнаго собранія. О. ректоръ послѣшилъ лично объѣхать всѣхъ, внезапно заболѣвшихъ членовъ совѣта, но всѣ его усилія поправить дѣло оказались безплодными, и назначенный диспутъ состояться не могъ. Архіереевъ и другихъ почетныхъ особъ, приглашенныхъ изъ Москвы на диспутъ, успѣли предупредить телеграммами; но большое количество посѣтителей, стекавшихся въ академію по газетному объявленію, а въ числѣ ихъ и нѣкоторые почтенныя лица, какъ напр. М. П. Погодинъ, прот. Г. П. Смирновъ-Платоновъ и друг. узнавали о необыкновенномъ происшествіи только изъ вывѣшеннаго на дверяхъ объявленія и съ недоумѣніемъ и негодованіемъ разбѣжались и расходились по домамъ. Недостойная выходка нѣсколькихъ членовъ совѣта произвела, конечно, самое тяжелое впечатлѣніе на всѣхъ, близко принимавшихъ къ сердцу доброе имя Московской академіи, и на полгода затянула дѣло о присужденіи П. С—чу докторской степени. Вторично назначенный диспутъ состоялся уже 2-го октября, при чемъ П. С—чъ съ полнымъ успѣхомъ и

честію вышелъ изъ ученаго состязанія, его защита единогласно признана была удовлетворительною и совѣтъ присудилъ ему докторскую степень.

Такъ закончилась, наконецъ, полтора года тянувшаяся исторія, но, къ сожалѣнію, она оставила по себѣ въ академіи глубокой и печальный слѣдъ. Много волненій и искренняго горя причинила она нашему дорогому „папашѣ“, Александру Васильевичу. Для него, всегда съ уваженіемъ и дружественно относившагося къ П. С—чу, постигшія послѣдняго невзгоды, сами по себѣ, были неожиданнымъ и тяжелымъ ударомъ. И тѣмъ сильнѣе и болѣзненнѣе отозвалась тяжесть этого удара на любящемъ сердцѣ Александра Васильевича, что съ глубокимъ прискорбіемъ пришлось ему при этомъ стать изумленнымъ свидѣтелемъ того, какъ разъединеніе, вражда и ненависть вторглись въ дотолѣ тихую и мирную жизнь дорогой ему академической семьи. Весьма вѣроятно, что, какъ предполагали многіе изъ близко знавшихъ его, испытанныя имъ въ данномъ случаѣ огорченія, оказали немалое вліяніе на разстройство его здоровья и были отдаленною причиною, или по крайней мѣрѣ обстоятельствомъ, много содѣйствовавшимъ развитію той тяжелой болѣзни, которая, открывшись сильнымъ сердечнымъ припадкомъ въ декабрѣ 1874 года, свела его въ могилу. Печально отразилось дѣло П. С—ча и на взаимныхъ отношеніяхъ членовъ академическаго совѣта. При обсужденіи и рѣшеніи каждаго болѣе или менѣе важнаго вопроса, въ особенности-же при выборахъ, еще долгое время можно было замѣтить, что совѣтъ академіи раскололся на двѣ враждебныхъ партіи: „симонистовъ“ и „анти-симонистовъ“, какъ называли ихъ студенты, и предложеніе, исходившее отъ одной изъ этихъ партій, почти всегда встрѣчало себѣ противодѣйствіе со стороны другой. Только послѣ нѣсколькихъ лѣтъ и перемѣнъ въ личномъ составѣ академіи мало-по-малу сгладился этотъ несчастный разладъ, и внутренняя жизнь ея стала постепенно входить въ свою прежнюю тихую и мирную колею. Весьма печально было, наконецъ, и то, что нашъ профессорскій раздоръ сталъ предметомъ обсужденія и осужденія въ широкомъ кругу интеллигентнаго общества, которое съ полнымъ правомъ могло сказать и говорило то, что было напр. высказано въ одной московской газетѣ: „Не дѣлають чести Московской Духовной

Академіи, столь славной многими именами и трудами, тѣ ненаучные интересы, которые такъ явственно сказались въ дѣлѣ г. Казанскаго“¹⁾).

Самъ Петръ Симоновичъ перенесъ постигшее его жестокое испытаніе съ замѣчательнымъ мужествомъ, смиреніемъ и покорностію волѣ Божіей. Вотъ что писалъ онъ напр. своему брату въ день роковой для него совѣтской баллотировки: „Сейчасъ была баллотировка, и я экс-профессоръ, пять голо-совъ за избраніе, пять отрицательныхъ. Слѣдовательно вы-боръ не состоялся. Послѣ объявленія результата я молча поклонился, оставилъ собраніе и зашелъ поблагодарить Пре-подоб. Сергія за то, что устроилъ по волѣ Божіей, а не по моей. Признаюсь съ спокойнымъ духомъ выслушалъ я этотъ результатъ избранія. Такъ по волѣ Божіей заканчиваю я свою трудовую ученую дѣятельность. О если бы Господь не лишилъ малой хотя награды на Своемъ судѣ. Не устояли мои дѣла на судѣ человѣческомъ, устоятъ ли на судѣ Бо-жіемъ? Или Господь призываетъ меня отъ суеты ученой обра-титься къ единому на потребу. Буду внимать глаголу Божію и Его призванію“. Къ А. Н. Бахметевой онъ писалъ: „Бла-годареніе за все Господу. Много теперь доходить до меня выраженій удивленія и негодованія за то, что такъ посту-пили со мною нѣкоторые изъ товарищей. Но вѣрю милости Божіей, что и сіе послужитъ къ моему благу. Одна мнѣ гру-стна мысль, что въ недоброжелателяхъ моихъ обнаруживается какая-то упорная ненависть ко мнѣ. Чѣмъ я возбудилъ ее, не знаю. Многимъ изъ нихъ я оказалъ значительную услугу и никому не дѣлалъ и не желалъ зла. Правда, я былъ не-зависимъ въ своихъ мысляхъ, прямо высказывалъ, что при-знавалъ справедливымъ, не льстилъ и не угождалъ никому въ ущербъ своихъ убѣжденій. Но Отче Небесный! остави намъ долги наши, какъ мы оставляемъ должникомъ на-шимъ“²⁾).

Что касается студентовъ, то во все продолженіе печальной

1) Въ „Современныхъ извѣстіяхъ“. См. юбилейный сборникъ „У Троицы въ Академіи“, стр. 165, примѣчаніе.

2) Обѣ выдержки взяты изъ статьи Прот. А. А. Бѣляева „Профессоръ Московской Духовной Академіи Петръ Симоновичъ Казанскій“ въ юби-лейномъ академическомъ сборникѣ: „Памяти почившихъ наставниковъ“ стр. 280 прим. и 286.

исторіи мы были рѣшительно на сторонѣ потерпѣвшаго. Какъ къ профессору, продолжавшему исполненіе всѣхъ своихъ обязанностей, по приглашенію того-же, забравшаго его, совѣта, до конца 1873—1874 учебнаго года, мы относились къ нему съ неизмѣннымъ уваженіемъ; а на докторскомъ диспутѣ единодушно устроили ему шумную овацію. Церковно-историческое отдѣленіе нашего курса, желая чѣмъ-либо демонстративно выразить ему свое сочувствіе и уваженіе, рѣшило просить его сняться вмѣстѣ со всѣми нами на фотографической группѣ и затѣмъ этотъ снимокъ въ хорошей рамѣ поднести ему на добрую память. Всею толпой отправились мы въ фотографію и устроились группой, имѣя у себя въ центрѣ П. С—ча на особомъ креслѣ. Работа фотографа шла что-то не особенно успѣшно, такъ что намъ пришлось усаживаться нѣсколько разъ, а Петръ Симоновичъ по этому поводу благодушно шутилъ, что ему съ фотографіей не везетъ такъ-же, какъ съ диспутомъ. Въ концѣ-концовъ группа вышла удачной и дней черезъ десять мы, въ полномъ составѣ нашего церковно-историческаго отдѣленія, торжественно отправились для ея поднесенія П. С—чу въ домъ его на Виѣанской улицѣ. Растроганный старецъ радушно принялъ нашъ привѣтъ и подарокъ, въ немногихъ прочувственныхъ словахъ выразилъ свою благодарность и затѣмъ предложилъ намъ небольшое угощеніе, во время котораго сердечно бесѣдовалъ съ нами о нашихъ текущихъ дѣлахъ и приближающемся окончаніи академическаго курса. Каждый изъ насъ приобрѣлъ себѣ экземпляръ этой группы и мой неизмѣнно виситъ до сихъ поръ на стѣнѣ моего кабинета, напоминая о давно минувшихъ дняхъ хорошихъ юношескихъ настроеній.

Однимъ изъ наиболѣе эффектныхъ въ годы нашего студенчества былъ диспутъ Н. И. Субботина, какъ по живости и общедоступности предмета его изслѣдованія — „Исторія Вѣлочкинской іерархіи“, — такъ и по особенной оживленности и интересу преній. Оппонентами Николая Ивановича выступали и такіе солидные ученые, какъ о. ректоръ и Е. Е. Голубинскій, и такой художникъ, науки и рѣчи, какъ В. О. Ключевскій, и такіе специалисты—знатоки раскола, какъ П. И. Мельниковъ и прот. І. Г. Виноградовъ. Несмотря на атаку столькихъ сильныхъ противниковъ, изысканный во внѣш-

ности и въ словѣ докторантъ показалъ себя хозяиномъ своего предмета и вышелъ изъ испытанія съ полнымъ достоинствомъ.

Диспутъ Н. И. Субботина, состоявшійся 18-го апрѣля, былъ послѣднимъ академическимъ ученымъ торжествомъ для насъ—студентовъ 29-го курса, такъ какъ недѣли черезъ двѣ послѣ него у насъ уже начались выпускные экзамены, а вслѣдъ за ними наступилъ и конецъ нашего студенчества. Въ виду предстоящей разлуки съ товарищами, у всѣхъ насъ естественно явилось желаніе закрѣпить у себя въ памяти дорогія черты тѣхъ, съ которыми такъ дружно и хорошо прошли наши студенческіе годы, не безъ основанія, конечно, всегда считающіеся лучшими годами жизни. По общепринятому обычаю, мы рѣшили святясь всѣмъ курсомъ медальонами на общей группѣ, но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы въ центрѣ этой группы былъ нашъ дорогой „папаша“. Съ усерднѣйшею просьбой въ этомъ смыслѣ по порученію всего курса я отправился къ о. ректору и отъ лица всѣхъ заявилъ, что это видимое наше соединеніе на одномъ общемъ снимкѣ должно служить выраженіемъ той невидимой внутренней связи, которая существовала доселѣ между нами и которая останется и на будущее время, хотя бы внѣшнія пространственныя условія этому и не благопріятствовали. „Папаша“ принялъ нашу просьбу съ полнымъ сочувствіемъ, изъявилъ свое согласіе и просилъ меня передать всѣмъ моимъ товарищамъ свою искреннюю благодарность и желаніе никогда „духомъ любви не разлучатися“. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ съ улыбкой обѣщаль исполнить и то наше желаніе, чтобы для нашей группы онъ снялся въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ мы привыкли всегда видѣть его при постоянныхъ съ нимъ свиданіяхъ, т.-е. безъ всякаго парада и съ непокрытой головою. И дѣйствительно на нашей группѣ Александръ Васильевичъ, въ простенькой темной домашней рясѣ съ однимъ лишь докторскимъ крестомъ на груди, съ большою совсѣмъ открытой головою, окаймленной лишь густою опушкой сѣдыхъ кудрей, смотритъ такимъ серьезнымъ и вмѣстѣ милымъ, привѣтливымъ взглядомъ, что этотъ портретъ представляется мнѣ лучшимъ изъ всѣхъ, какіе мнѣ приходилось видѣть.

Наступилъ мѣсяцъ май 1874 года, и приближающійся мо-

ментъ окончанія нашего академическаго курса заставлялъ насъ, конечно, серьезно задумываться о близкомъ будущемъ и часто вести оживленныя бесѣды другъ съ другомъ о предстоящемъ намъ жизненномъ пути. Кажется, всѣ мы безъ исключенія мечтали о томъ, чтобы приложить свои силы и трудъ на службѣ по духовно-учебному вѣдомству, и въ этомъ отношеніи положеніе нашего курса было очень благоприятнымъ. Благодаря нашей малочисленности, у насъ совсѣмъ не чувствовалось недостатка въ свободныхъ вакансіяхъ по духовнымъ семинаріямъ и училищамъ, какъ это стало обычнымъ явленіемъ въ послѣдующее время. Каждый изъ моихъ товарищей имѣлъ, напротивъ, полную возможность выбирать изъ нѣсколькихъ свободныхъ мѣстъ то, которое представлялось ему наиболѣе удобнымъ и желаннымъ, принимая во вниманіе какъ предметы преподаванія, такъ и географическія и бытовыя условія того города, гдѣ находилось мѣсто службы. Сколько помнится, семеро изъ насъ заняли мѣста смотрителей училищъ, а остальные размѣстились почти всѣ преподавателями семинарій.

Что касается меня лично, то моя судьба сложилась иначе. Шестого мая Александръ Васильевичъ призвалъ меня къ себѣ и, послѣ разговора о текущихъ выпускныхъ экзаменахъ, заговорилъ: „Нужно подумать вамъ о томъ, что скоро вамъ придется, можетъ быть, остаться при академіи“. Я молчалъ: „Мнѣ нужно узнать“, продолжалъ онъ, къ какому предмету вы имѣете болѣе склонности: къ древней гражданской исторіи, или къ новой“^{*)}; и при этомъ замѣтилъ: „Петръ Симоновичъ выражалъ свое желаніе, чтобы вы заняли его мѣсто“. На этотъ вопросъ я не задумываясь отвѣтилъ, что мое желаніе—заниматься исторіей новой. Это ясно уже выразилось въ томъ, что тему для магистерской диссертациі я избралъ по новой исторіи и работаю надъ этимъ предметомъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, а для магистерскихъ экзаменовъ стараюсь также, по возможности, брать отдѣлы изъ той-же новой исторіи. Къ этому я счелъ долгомъ прибавить, что мое знакомство съ древними языками гораздо слабѣе, чѣмъ съ языками англійскимъ, французскимъ и нѣмецкимъ, истори-

^{*)} Каедрa новой гражданской исторіи освободилась тогда вслѣдствіе кончины доцента Д. Д. Королькова.

ческой литературой которыхъ я могу пользоваться свободно. Кроме того, въ высшей степени вредно будетъ и для моей магистерской диссертации и для хода моихъ занятій по будущей кафедрѣ, если я буду вынужденъ заниматься сочиненіемъ по новой исторіи, а готовить курсъ и читать лекціи по исторіи древней. Напротивъ, соединеніе этихъ занятій въ одномъ направленіи будетъ взаимно дополнять и помогать одно другому. Оканчивая бесѣду, Александръ Васильевичъ сказалъ мнѣ: „Впрочемъ, окончательныя разсужденія объ этомъ будутъ у насъ въ юнѣ мѣсяцѣ и дай Богъ, чтобы все устроилось къ лучшему“.

По милости Божіей все устроилось согласно моему желанію. Въ продолженіи лѣтнихъ мѣсяцевъ я написалъ особое сочиненіе pro Venia legendi „Объ историческомъ значеніи царствованія Елизаветы, королевы англійской“ для защиты его въ присутствіи членовъ совѣта и студентовъ; при чемъ рецензентомъ и оппонентомъ моимъ былъ профессоръ новой церковной исторіи Д. Θ. Касицынъ. Послѣ этой защиты, состоявшейся уже въ сентябрѣ, и по прочтеніи двухъ пробныхъ лекцій: „Вступленіе Генриха IV на французскій престоль“ и „Изгнаніе мавровъ изъ Испаніи“, по избранію совѣта, я занялъ кафедру новой гражданской исторіи.

В. А. Соколовъ.
